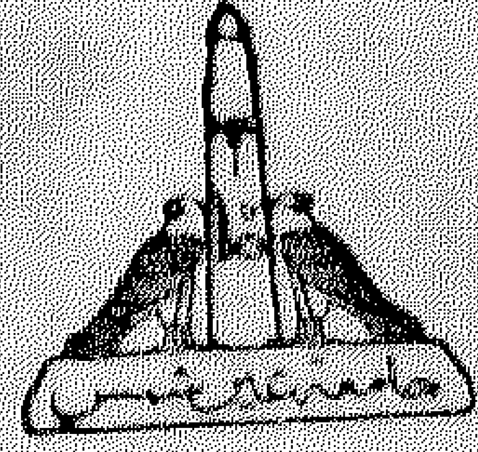

صحيفة الألسن

العدد الخامس

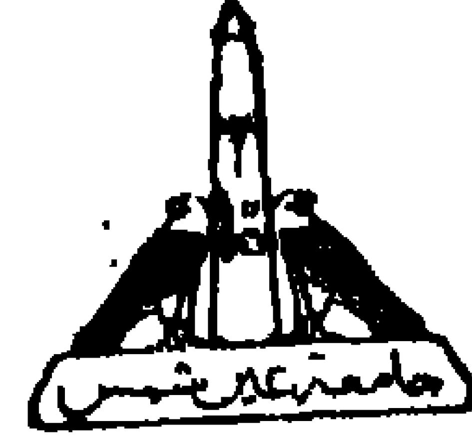
كلية الألسن

رجب ١٣٩٧ – يوليو ١٩٧٧

صدر فى المحرم ١٤٠٠ – ديسمبر ١٩٧٩

مطبعة جامعة عين شمس

١٩٧٩

صحيفة الألسن

العدد الخامس

في ذكرى المرحوم الدكتور
عرفات السيد يوسف الصعيدي

كلية الألسن

رجب ١٣٩٧ ــ يوليو ١٩٧٧

صدر في المحرم ١٤٠٠ ــ ديسمبر ١٩٧٩

مطبعة جامعة عين شمس
١٩٧٩

بسم الله الرحمن الرحيم

CONTENTS

A STUDY OF ONE-COMPONENT SENTENCE IN RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

By

Dr. ARAFAT AS-SAYED YUSSEF

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ /ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ/

В данной работе рассматриваются односоставные определенно-личные и неопределенно-личные предложения в современном русском и арабском языках. Выбор темы обусловлен отсутствием исследований сопоставительного характера в этой области.

Основная цель работы – сопоставление определенно-личных и неопределенно-личных предложений русского языка и их эквивалентов в арабском языке, выявление их специфики.

При сопоставительном изучении этих конструкций следует учитывать специфику грамматических категорий и средств их выражения, характерных для этих языков. Такое сопоставление важно не только в теоретическом, но и в практическом планах.

Предложение в русском языке определяется как "грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли".[1]

---

1. "Грамматика русского языка," т.2, ч.1. М., 1954, стр. 65.

В качестве основных признаков предложения в русском языке выделяются предикативность и интонация как средство оформления предложения в речи. В русском языке выделяются двусоставные и односоставные предложения. В двусоставных предложениях предикативная основа состоит из двух членов: подлежащего и сказуемого.[I.]

В.А. Белошапкова отмечает, что "предложение представляет собой определенную статическую структуру, члены которой всегда выполняют в ее составе одну и ту же неизменную роль. Эта структура обладает комплексом синтаксических категорий лица, времени и модальности, объединяемых в понятии предикативность."[2.]

I. См. Определение подлежащего и сказуемого у В.В. Виноградова. Грамматика русского языка, т.2, ч.I, М., 1954; А.К. Гвоздева Современный русский литературный язык, ч.П, М., 1973; Современный русский язык, ч.П, под редакцией Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1964 и Н.Ю. Шведовой Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

2. В.А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр.8

Как известно, предикативность определяется по разному. [1] "Так в предложении БРАТ ПРИЕЗЖАЕТ именительный падеж существительного является абсолютным определяемым /подлежащее/; спрягаемая же форма глагола координируется с ним, уподобляясь ему в числе, и вместе с тем выражает свойственные данному

---

[1] Ср. "... значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности"./Грамматика русского языка. АН СССР, т.2, ч.I. М., 1954, стр.80/. "Необходимым и специфическим признаком предложения является предикативность, т.е. утверждение или отрицание чего-либо по отношению к явлениям действительности"/ А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч.П, М., 1973, стр.7/. "... простое предложение обладает категориями объективной модальности и синтаксического времени и соответствующей системой средств их выражения. Обе эти категории не существуют друг без друга, они образуют неразрывное единство - категорию предикативности, которая присутствует в каждом предложении и является его грамматическим значением."/ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр.442." Наличие категории предикативности, т.е. выражаемого специальными

предложению предикативные категории индикативной модальности, настоящего времени и 3-го лица /сказуемое/". [2] В русском языке двусоставные предложения могут быть с именным и глагольным сказуемым. Глагольным сказуемым двусоставного предложения называется главный член, который выражается глаголом. Например: Солнце светит. Именное сказуемое - главный член двусоставного предложения, которое состоит из двух частей - из глагола - связки и именной части типа: река было спокойна. Важно отметить, что в русском языке порядок слов, т.е. различное расположение подлежащего и сказуемого на I-ом или 2-ом месте не влияет на их синтаксическую роль, а связано с функционированием предложения, с актуальным членением. Касаясь этого, В.А. Белошапкова отмечает, что "соотношение членов предложения, называемое грамматическим членением, не зависит от ситуации речи,

---

грамматическими средствами нерасчленяемого значения объективной модальности и синтаксического времени, наряду с существованием своей собственной структурной схемы, является важнейшим признаком простого предложения как самостоятельной грамматической /синтаксической/ категории". /Там же/.

[2] В.А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр.8.

от актуального содержания предложения, от интонации и словопорядка".[1.] Таким образом в двусоставном предложении выделяются главные члены подлежащее и сказуемое.

В односоставных предложениях предикативность выражается в одном члене, который называется главным членом односоставного предложения. Например: Вёсна. Смеркается. Холодно. Молчать!

Существуют и другие основания для деления предложений на двусоставные и односоставные.[1а.]

Арабская традиционная грамматика располагает двумя понятиями для обозначения понятия

[1.] В.А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М.,1967,Стр.8.

[1а.] В синтаксической концепции акад. А.А. Шахматова основанием для деления предложений на двусоставные и односоставные является характер выражения психологической коммуникации, состоящей из субъекта и предиката.Односоставными он считает такие предложения, в которых сочетание субъекта и предиката находит себе выражение в одном члене предложения, тогда как в двусоставном предложении субъект и предикат находят себе расчлененное выражение. А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, Л., 1941./

предложения: "Джумла" /"предложение"/جملة "Калам" كـــلام /"речь"/. В оба эти термина вкладывается одно и то же содержание, о чем свидетельствует следующее высказывание из Замахшари: "Калам есть содержание, состоящее из двух слов, которые сочетаются друг с другом как подлежащее и сказуемое. Оно называется "Джумлой". [1] Иначе говоря, в предложении в арабском языке обязательно выделяются два компонента [2] в качестве его опорных пунктов: مسند нечто приписываемое или опираемое т.е. сказуемое مسند اليه слово, которому приписывается что-либо, т.е. подлежащее. Между этими двумя компонентами устанавливается грамматическая связь, которая превращает сочетание в законченную мысль. Эта связь называется предикативностью /по-арабски употребляется термин اسناد опирание на что-либо или приписывание чему-либо/.

В арабском языке, в отличие от русского, в зависимости от первой позиции компонентов /знаменательных слов/ глагола или имени выделяются: именные и глагольные. Именными называются те предложения, которые начинаются с имени-подлежащего: الولد قرأ Альваладу караа букв. - мальчик читал. Глагольными - те пред-

---

1. الزمخشـــري ، المفصـــل في النحـــو ص ٤

2. См. دلائل الاعجاز في علم المعـــاني تأليف الامام عبد القاهر الجرجاني.

ложения, которые начинаются с глагола - сказуемого, например: كتب الولد катаба альваладу букв. - писал мальчик.

Следовательно, основанием деления простых предложений на именные и глагольные в традиционной арабской грамматике является порядок главных членов и их принадлежность к той или иной части речи: к имени или глаголу. Это деление охватывает двусоставные предложения.

В русском языке не различаются эти два предложения. Оба предложения являются двусоставными с простым глагольным сказуемым. Порядок слов, т.е. различное расположение подлежащего и сказуемого /на I или II месте/, как было указано, не изменяет грамматического строения предложения, а связан с актуальным, смысловым членением предложения.

В традиционной русской грамматике по способу выражения главного члена и значению среди односоставных предложений выделяются следующие типы: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и назывные предложения. [1]

---

[1] В связи с этим З.Н. Алсуфьева отмечает, что "в специальной литературе не существует единой классификации односоставных предложений". См. Односоставные глагольно-личные предложения в современном русском языке. Л., 1969, стр. 5.

В данной работе рассматриваются определенно-личные и неопределенно-личные предложения и их эквиваленты в арабском языке.

Будучи типологически разными языками, русский и арабский располагают разными средствами выражения синтаксических категорий. Специфика соотношения общего и различного в синтаксисе сопоставляемых языков четко проявляется в простом предложении, которое представляет собой основу синтаксического строя. В этом убеждает и сопоставительный анализ определенно-личных предложений в русском и арабском языках.

Определенно-личными предложениями называют такие односоставные предложения, главный член которых выражен личной формой I-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего, будущего времени и формой повелительного наклонения глагола единственного и множественного числа.

В большинстве учебных пособий по синтаксису современного русского языка определенно-личные предложения рассматриваются как самостоятельный тип предложений. [1] Однако не все лингвисты признают эти предложения само-

---

1. См.: Современный русский язык, ч. 2, под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. А.П. Гвоздева. Современный русский литературный язык, ч.П, М., 1973. А.Г. Руднева. Синтаксис современного русского языка, изд.2-е, М., 1968.

стоятельным типом.[1]

В основе структуры определенно - личных предложений лежит свойство русского языка "опускать" личные местоимения первого и 2-го лица. Например: 1. Вижу горы и долины. /Песня/. 2. Света не вижу. /Чехов/. 3. Раков по

---

[1] Н.Ю. Шведова считает односоставные определенно-личные предложения функциональным вариантом соответствующих двусоставных предложений с личными местоимениями в позиции подлежащего. По ее мнению, выбор глагольной формы предложения с личным местоимением или без него зависит от конситуации или формы предложения. В связи с этим она пишет: та или другая реализация схемы - полная или неполная /соотношение я пишу - пишу/ определяется не грамматическим правилом, а ситуацией речи или формой предложений. Н.Ю.Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. 1.кн. Грамматические исследования, М., 1967, стр.17. Она считает эти предложения реализацией двусоставных предложений, в которых структурная схема выражается сочетанием подлежащего в именительном падеже с координируемой глагольной формой, когда позицию подлежащего занимают личные местоимения 1-2 лица единственного и множественного числа. Отмечая это, она выделяет регулярные реализации этой схемы, /бесподлежащные предложения "читаю"/.Там же,с.17.

по норьям ловить будешь! Не соврешь? /Гайдар/; 4. Уходим завтра в море. /Чуркин/. 5. Чему смеетесь? Надо мной смеетесь. /Горький/; 6. Не скучайте. /Чехов/; 7. Не беспокойте ее. /Горький/.

Во всех приведенных предложениях пропуск местоимений "Я", "Мы", "Ты", "Вы" связан с грамматическими особенностями самой глагольной формы, которая указывает флексией на то, что лицом- носителем действия является или говорящее лицо или слушающий. Форма личного глагола в каждом предложении содержит в себе указание на производителя действия, выраженного главным членом в личной форме глагола[I].

Односоставные определенно-личные конструкции с личными формами I-го и 2-го лица, которые являются завершенными по значению и не требуют никаких дополнений, семантически соотносительны с двусоставными предложениями, в которых субъект действия - подлежащее обозначено соответствующими местоимениями.

Соотношение местоименной формы Я ПИШУ и безместоименной ПИШУ с точки зрения значения всегда одинаково: в первом случае "нечто сообщается" о "Я", во втором - не о "Я", а о

I. См. В.В. Виноградова. Русский язык. Издание 2-е, М., 1972, стр. 361.

действии, производимом "Я".[1]

Таким образом определенно-личные предложения с формами I-го и 2-го лица всегда можно трансформировать в двусоставные и наоборот: двусоставные – в односоставные предложения.

Как мы отметили в арабском языке основным делением предложения является их деление на именные и глагольные. Это деление охватывает двусоставные предложения. Односоставные предложения в арабском языке не выделяются как самостоятельный тип. В арабской литературе невозможно найти каких-либо сведений о "виде" односоставных предложений. Помимо общепринятого в арабской грамматике деления предложений, у русских арабистов встречаются в теоретической литературе попытки построения типологии предложений на двусоставные и односоставные на другой основе. Например, А.А. Мамедов в своем автореферате кандидатс-

---

[1] Отметив это, А.Н. Гвоздев пишет: " По своему значению односоставные определенно - личные предложения почти тождественны двусоставным, включающим подлежащее Я, Мы, Ты, Вы, и имеют от них лишь некоторое стилистическое значение, выдвигая на первый план действия, более сосредоточивая внимание на нем, чем на лице." /Современный русский язык, ч.II, М., 1973, стр. 87/.

кой диссертации: /О простом предложении в современном арабском языке. М., 1953 / делит предложения в арабском языке на двусоставные и односоставные на основе "неразрывной связи языка и мышления". В связи с этим он пишет, что в основной единице речевого общения в предложении эта "связь проявляется не только в том, что данная, относительно законченная мысль, находит свою реальность непосредственно в членах предложения. При этом субъект и предикат могут реализоваться как в одном, так и в нескольких членах /чаще всего – в подлежащем и сказуемом/ предложения. В зависимости от раздельного и нераздельного словесного выражения субъекта и предиката предложения делятся на двусоставные и односоставные". /стр. 12/. Ср. Шахматов А.А. Далее, по его мнению, "односоставные предложения делятся в арабском языке на определенно-личные, неопределенно и обобщенно-личные, безличные и именные предложения" /стр. 13/. Нам кажется, что при таком обосновании деления предложений на двусоставные и односоставные, автор исходит из русской традиции, а не из фактов арабского языка. Он переносит классификацию предложений двусоставных и односоставных в русском языке на арабский, с чем трудно согласиться.

Вопрос о выделении в арабском языке эквивалентов русских односоставных определенно –

личных предложений тесно связан, на наш взгляд, с некоторыми особенностями арабского глагола по сравнению с русским.

В личных формах глагола в русском языке флексия, /напр. ПИШУ/ указывает на лицо говорящего. Отметив это, В.В. Виноградов пишет: "В настоящем времени и повелительном наклонении формы лица / по крайней мере, в настояще времени I-го и 2-го, в повелительном наклонении 2-го/ выражаются окончаниями / в настоящем времени: - у /-ю/, - ишь, -м, -те; в повелительном наклонении 2-го лица: -ь,-и, -те/.[1].

Такое же значение выражается в личных формах арабского глагола, но не в пределе одного слова - глагола, а с помощью сочетания местоимения с глагольной формой. Иначе говоря, то, что является для русского языка глагольной словоформой, для арабского представляет собой синтаксическую конструкцию, например: ПИШУ. В этом предложении личная форма глагола указывает своим окончанием на то, что производитель действия является I-ым лицом /Я/.

В соответствующем арабском предложении أكتب Актубу /пишу/, которое является глагольным предложением, есть два компонента А + катаба. Первый компонент "местоименное

[1] В.В. Виноградов. Русский язык. Изд. 2-е, М., 1972, стр. 361.

слово", сочетаясь с основой глагола, указывает на то, что подлежащим "аль фи'ль" является говорящий.[I] Кроме того, местоименный компонент указывает на число. Таким образом для русского языка ПИШУ является одним членом, для арабского языка оно является конструкцией, состоящей из двух компонентов.

См. структуры глагольной формы в арабском языке.

Муж.	Та к ту бу	пишешь
Жен.	Та ктубина	пишешь
Муж.	Та ктубуна	пишете
	На ктубу	пишем
Муж.	Яктубуна	они пишут
Жен.	Яктубна	они пишут

[I] Для арабиста Б.М. Гранде глагольная словоформа типа актубу "пишу" представляет собой предложение, состоящее "из одного слова, а именно из спрягаемой формы глагола, включающей как действие, так и действующий субъект". /Курс арабской грамматики в сравнительно - историческом освещении. М., 1963, стр. 456/. Правда, автор нигде не отмечает, что именно указывает на действующий субъект в спрягаемой форме глагола. Однако у самого же автора мы находим подтверждения нашего взгляда о том, что в глагольном предложении اكتب Актубу "пишу" есть два компонента тогда, когда он пишет, что в глагольном

Таким образом, русское односоставное определенно-личное предложение переводится на арабский язык глагольным предложением, в котором глагол сам по себе составляет предложение / синтаксическую конструкцию/, состо - ящую из двух компонентов: местоименного слова, указывающего на подлежащее - глагольной основы. Такие предложения можно назвать условно "односоставными двукомпонентными". В несколько ином значении этот термин употребляется в работе Джафара Дека эль баба "Принципы сопоставительного изучения порядка слов в арабском и современном русском литературном языках". Автор отмечает, что употребление термина "двусоставное предложение с предикатом "применительно к арабскому языку условно", поскольку арабское предложение с глаголом в первой позиции - это односоставное двукомпонентное предложение, в котором не выделяются " مبتدا " /подлежащее/ " خبـــر " /сказуемое/ как два самостоятельных члена предложения, а выделяются الفعـــل /глагол/ как главенствующий компонент и "الفا عـل" /действователь при глаголе активного залога /как зависимый от глагола ком-

---

предложении, глагол сам по себе уже является предложением, состоящим из подлежащего и сказуемого. /Там же, стр. 457/.

понент.[1] Нам представляется, что этот термин отражает существенную особенность данных предложений, которые являются эквивалентами русских односоставных определенно- личных предложений типа ПИШУ أكتب ; Актубу, в отличие от предложений типа أنا أكتب Анна Актуба "Я пишу", "именного двусоставного, в котором выделяются المبتدأ /подлежащее/ и الخبر /сказуемое/ как два самостоятельных члена предложения.

Особо следует остановиться на предложениях типа написал /я, ты, он/. В русском языке глагол в форме прошедшего времени /форма на – л/ личных окончаний не имеет. Категория лица в этих формах выражается только при помощи личных местоимений. В.В. Виноградов отмечает, что "форма лица в прошедшем времени /и в условном наклонении/ выражается аналитически присоединением личных " префиксов ", личных местоимений I-го и 2-го лица " Я ходил, ты ходил, вы ходили/.[2]

В русском языке глагол прошедшего времени изменяется по родам и числам, а в форме настоящего и будущего – по лицам и числам. По-

---

1. Джафар Дек эль баба. Принципы сопоставительного изучения порядка слов в арабском и современном русском литературном языках. АКД. М., 1973, стр. 6.

2. В.В. Виноградов. Русский язык. Изд.2-е, М., 1972, стр. 362.

этому глаголы в форме прошедшего времени не могут быть главным членом определенно -личного предложения, а выступают как сказуемые неполного двусоставного предложения.

Интересно отметить, что в арабском языке в отличие от русского языка форма глагола прошедшего времени كتبت Катабьту /букв. - написал Я/, имеет особенности в выражении категории лица. Глагол активного залога в прошедшем времени обязательно имеет при себе обозначение действователя в постпозиции. Конструкция كتبت состоит из двух компонентов كتب Катаба, т.е. из глагольной формы + местоименное слово ت ту, которое выступает как подлежащее الفاعل . Местоименное слово, присоединяемое к глагольной основе в постпозиции указывает, что подлежащим является I-е лицо. Кроме значения лица, местоименное слово указывает на число и на род /как и в русском языке/.

С глагольной формой в прошедшем времени в арабском языке могут сочетаться местоименные слова, указывающие на <u>определенное</u> лицо, кроме 3-го лица единственного числа. Например:

Конструкция	Глагольная основа	Местоименное слово	Перевод
катабту	катаб	ту	написал я
катабта/муж./	катаб	та	написал ты

катабти/жен./	катаб	ти	написала ты
катаб	катаб		написал он
катабна	катаб	на	написали мы
катабтумь/муж./	катаб	тум	написали вы
катабтунна/жен./	катаб	тунна	написали вы
катабу /муж./	катаб	у	написали они
катабн/ жен./	катаб		написали они

Из приведенных примеров видно, что отсутствие положительной формы, указывающей на определенное лицо, имеется в арабском языке только в одном случае – при глаголе в форме 3-го лица единственного числа. Но тем не менее такая форма глагола /без лица/ невозможна с точки зрения арабского языка. В арабском языке нулевая форма бывает только при 3-ем лице единственного числа. Отсутствие местоимения не означает отсутствие лица совсем. Конструкция имеет значение 3-го лица.

В глагольных арабских конструкциях, в которых глагольные формы прошедшего времени представляют собой сочетание двух компонентов: глагольная основа + местоименный субъект в постпозиции, мы различаем глагольные

конструкции с глагольными формами I-го, 2-го лица и конструкции с глагольными формами 3-го лица множеств. числа. В конструкциях с формами I-го и 2-го лица "местоименное слово" указывает на определенного производителя действия, не только грамматически, но и семантически, т.к. местоименное слово определенно указывает на то, что подлежащим – носителем действия является или "автор" или " адресат" речи /см. выше/. Такие предложения можно назвать односоставными двукомпонентами "определенно-личными предложениями" с синтаксической формой лица прошедшего времени в отличие от русского языка, в котором соответствующие конструкции главным членом имеют глагол в аналитической форме: كتبت خطابا катабту хитабаа – Я написал письмо.

Таким образом русским односоставным определенно-личным предложениям соответствуют в арабском языке предложения:

I- Глагольные предложения, в которых глагол в форме настоящего, будущего времени в первой позиции представляет собой сочетание местоименного слова, указывающее на определенное лицо + глагольная основа, выражающая действие. Такие предложения, которые считаются глагольными предложениями в арабской грамматике, можно назвать условно односоставными определенно- личными предложениями с двумя компонентами.

2- Кроме того, в арабском языке "односоставные определенно-личные предложения с двумя компонентами" могут быть выражены глагольными предложениями в прошедшем времени, в которых глагол прошедшего времени состоит из двух компонентов: глагольная основа + местоименный субъект, указывающие на определенное лицо. Такие предложения соответствуют в русском языке двусоставным предложениям со сказуемым, выраженным глаголом в форме прошедшего времени. Например:

катаб/на букв. написали мы

В русском языке в отличие от определенно-личных предложений, в которых определенно выражена отнесенность действия к лицу: "говорящий" или "адресат" речи, выделяются предложения с главным членом в форме 3-го лица множ. числа настоящего или будущего времени или формой множественного числа прошедшего времени, которые выражают действие лица, определенного лишь грамматически /но не семантически/, называются неопределенно-личными предложениями.[1] "Неопределенно-лич-

---

1. Лингвисты используют различие в предложениях с финитивными формами I-го и 2-го лица, с одной стороны, и финитивными формами 3-го лица, с другой, в качестве критерия для выделения серий глагольных личных предложений определенно-личные и неопределенно- лич-

-ные предложения, - пишет А.Н. Гвоздев, - передают сообщение о действиях, которые совершаются теми или иными деятелями или иногда одним деятелем; но то, кем совершается действие, не представляется важным, остается необозначенным, и все внимание сосредоточивается на совершающемся действии.[1]

Например: 1/ В кабинете доктора уже горел свет. Тимур постучался. Ему открыли. /Гайдар/; 2/ Товарищ капитан, вас просят. /там же/; Это стихотворение о прозе. Со временем к нему напишут музыку. /Горький/.

Неопределенность лица в этих предложениях тесно связана с семантикой главного члена, который указывает на действие и на субъект действия - действующее лицо; но действующее лицо не обозначено отдельной словоформой. Характеризуя эту форму, В.В. Виноградов отмечает, что "формы 3-го лица множественного числа любого времени, если при них не обозначен производитель или носитель действия, свободно относится к неопределенному лицу, т.е. они в этих случаях не указывают на определенного производителя действия, а пред-

---

ные предложения /См. Э.Н. Алсуфьева. Односоставные глагольно-личные предложения в русском языке. Л., 1968/.

[1] А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч.II, М., 1973, стр. 90.

полагают множественную неопределенно- личную массу в качестве действующей среды /см. французское on , немецкое man/."[1].

В арабском языке глагольные формы 3-го лица множественного числа любого времени представляют собой **сочетание двух компонентов:** глагольная основа + местоименное слово, выступающее как подлежащее. Личные формы глагола 3-го лица, множественного числа, в отличие от форм I-го и 2-го лица, которые указывают на определенного носителя действия с формальной личной точки зрения как семантически недостаточные, несмотря на то, что подлежащее лексически выражено "местоименным словом", которое сочетается с глагольной основой.

Односоставным неопределенно-личным предложениям русского языка соответствуют предложения арабского языка, в которых глагол الفعـــل в форме 3-го лица множественного числа настоящего, будущего и прошедшего времени, в отличие от русского, представляет собой сочетание двух компонентов: глагольная основа + местоименное слово. Глагольная основа указывает на действие. Местоименное слово выступает как подлежащее. Местоименное слово не только указывает на число, но и на род. Например:

В газете часто пишут о нем. а/ يكتبون فى الجرائد عنه
б/ يكتبن فى الجرائد عنه
كثيرا

[1] В.В.Виноградов. Русский язык.М.,I972, стр. 366.

Моего друга пошлют в командировку.	а/ سيرسلون صديقي في مهمة б/ سيرسلن صديقي في مهمة
В нашей лаборатории проводили важный эксперимент.	а/ أجروا في معملنا تجربة هامة б/ أجرين في معملنا تجربة هامة

Однако несмотря на то, что во всех глагольных арабских предложениях подлежащее -лицо - носитель действия лексически выражен либо местоименным словом الـــــــواو , либо местоименным словом "النـــــون", реальным носителем действия может быть бесчисленное количество каких-то неопределенных лиц. Лицо - подлежащее, которое лексически выражено, все-таки остается неопределенным, неконкретизированным. Таким образом, в арабском языке, как и в русском языке глагольные предложения с глаголом 3-го лица множественного числа с лексически выраженным подлежащим с помощью местоименного слова, могут быть противопоставлены глагольным предложениям с глаголом в форме 1-го и 2-го лица с подлежащим, выраженным также местоименным словом, которое выражает действие лица, определенного не только грамматически, но и семантически. Такое подлежащее можно считать "формальным", и глагольные предложения с таким подлежащим можно назвать условно "односоставными неопределенно-личными с двумя компонентами, в отличие от глагольных конструкций, в которых подлежащее - носитель действия - выражено отдельным словом /сущ. в 3-ем лице множественного числа/. Ср:

1- كتبوا عنه كثيرا فى الصحف Часто писали о нем в газетах.

2- كتب الصحفيون عنه كثيرا فى الصحف. Журналисты часто писали о нем в газетах.

Для арабской грамматики оба предложения являются глагольными, для которых "безразлично", чем выражается подлежащее الفاعل . Однако в отличие от первого предложения, в котором подлежащее лексически выражено местоименным словом в сочетании с глагольной основой, подлежащее во втором является определенным, конкретизированным. Второе предложение соответствует русскому двусоставному предложению.

Кроме того, неопределенно-личные предложения переводятся на арабский язык глагольными предложениями, в которых глагольная форма представляет форму страдательного залога "аль-фислу л-мабнийу л-маджхули" /букв. глагольная форма, реальный субъект действия которой неизвестен/. Например:

На этом заводе производят новые станки.

تنتج مخارط جديدة فى هذا المصنع

В приведенном арабском предложении имеется особый тип подлежащего "араб. наибульфаили" /букв.: логический объект, занимающий место подлежащего при страдательном залоге/[1].

---

[1]. Такие предложения аналогичны страдательным конструкциям в русском языке.

В этом предложении объект действия является грамматическим, субъект действия не называется потому, что он не имеет первостепенного значения для сообщения факта – действия.

Арабское предложение
соответствует в русском двучленной страдательной конструкции.

Таким образом, при передаче русского неопределенно-личного предложения, в котором действующее лицо остается необозначенным, в арабском языке могут быть использованы две конструкции. Ср.:

На этом заводе производят новые станки.

1- ينتجون في هذا المصنع مخارط جديدة

2- تنتج في هذا المصنع مخارط جديدة

Для арабской грамматики первая конструкция является глагольной с "формальным " подлежащим, который лексически выражен "местоименным словом", сочетающимся с глагольной основой. Такую конструкцию мы назвали условно "односоставным неопределенно-личным предложением с двумя компонентами".

Вторая конструкция тоже – глагольная, но с особой глагольной формой, которая называется в арабской грамматике алфи – лу л- мабниййу или л-маджхули, при котором реальный субъект неизвестен.

Следовательно, в арабском языке можно выделить конструкции, эквивалентные русским определенно-личным и неопределенно-личным пред-

ложениям.

Установление соответствий в арабском языке односоставным определенно и неопределенно - личным предложениям выявляет специфику глагольных форм этих языков и конструкций /предложений/с этими формами.

Арафат эль Сайед Юсиф

LEXICO - SYNTACTICAL ANALYSIS OF QUANTITATIVE ADVERBS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

By

Prof. Dr. SOMAIA AFIFI and Dr. ABD-EL-RAHMAN EITA

АФИФИ С.М. , ЭЙТА А.С.

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Язык и речь являются продуктом нашего мышления , с помощью ассоциации которых в процессе общения с другими в обществе , мы высказываем наши мнения и наши отношения , и минимальными единицами которых являются слово и предложения.

Э.М.Медникова справедливо отмечает "Речь это реальность языка, она является не только средством общения, но и применением этого средства и его продуктом. язык существует только в речи и через речь."[I/] Вследствие существующей взаимообратной связи между ними любое элементарное грамматическое свойство какого - нибудь слова, способность функционировать в определенной роли или в определенной форме реализуется только в словосочетании и в предложении. Все это привело к выделению в любом языке и ,в частности в русском,частей речи, как самостоятельные лексико-грамматические категории. Наречия в процессе говорения играют весьма существенную роль и передают нашей речи особую точность и вырази-

---

I/ Э.М.Медникова. Значение слова и методы его описания, М.,"Высшая школа", 1974г., стр. 8-35

тельность. Они "в художественном стиле помогают повысить образность речи, ее эмоциональность... в публицистическом очень часто служат для оценки действий."[1] Промежуточный характер количественных наречий, их примыкание к тому и к другому разряду наречий, неустойчивое их название в научной литературе и также сравнительно мало изученность этих наречий послужили причинами выбора темы нашей работы.

Авторы ставят перед собой скромную цель установить стала ли исследуемая группа наречий самостоятельной или ещё является " танцующей "; раскрыть особенности ее употребления в речи и условия ее бытования в языке. Чтобы осуществить эту цель мы приняли следующий план исследования:

1. Определить лексико-грамматическую категорию наречий и на каком основании данная группа выделена;
2. Дать собственное значение каждого члена группы количественных наречий;
3. Дать парадигматические и синтагматические особенности исследуемой группы наречий.

Материал, исследованный в нашей работе, извлечен в основном из периодической печати, а именно из газеты "Правда", исходя из следующих позиций " ....без материалов, извлечённых из газет, сейчас становится все более невозможным

1/ В.Г.Далина. "Повторение темы "Наречие" в стилистическом аспекте ", ЖУР. РЯШ., № 2, 1974, стр.56.

изучение языка в целом, определение его общих норм и актуальных стилистических разветвлений..." 1/; кроме того, периодическая печать "... быстро отражает события каждого дня и тем самым все новые/особенно лексические/ языковые явления. Газеты - самый регистратор новых образований, значений и употреблений слов и словосочетаний........" 2/

В лингвистической литературе категория наречий определяется следующими словами "Наречия - это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них....и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения. Наречия морфологически соотносительны с именами существительными, прилагательными, глаголами, с местоимениями и именами числительными." 3/

Семантически и по характеру выраженных лексических значений они делятся на "а/определительные или собственно-характеризующие, т.е. обозна-

---

1/ В.Г.Костомаров. Русский язык на газетной полосе, М., "Русский Язык", 1971 г, стр.8.

2/ А.А.Барагина. Неологизмы в русском языке, М., "Просвещение", 1973 г, стр.4.

3/ В.В.Виноградов. Русский Язык, М., "Высшая Школа", 1972 г, стр. 273.

чающие свойства, качества, способ действия, интенсивность проявления признака; и б/ обстоятельственные т.е. обозначающие признак, внешний по отношению к определяемому действию, признаку и т.п. [характеристика локальная, временная, причинная и др.....] ".[1]

Таким образом, категория наречия в научной литературе определяется совокупностью морфологических, синтаксических, и семантических признаков: Морфологически - несклоняемостью[2] и соотносительностью с другими частями речи; синтаксически - качественно - определительными или обстоятельственными признаками; семантически наречия либо определяют или дополняют высказывание. Подойдя к изучаемой группе, заметим, что В.В.Виноградов, касаясь этого вопроса в разделе грамматико-семантических классов наречий, замечает, что "....не правильнее ли было бы присоединить к классам качественных и обстоятельственных наречий ещё особый класс наречий коли-

---

I/ Грамматика Современного Русского Литературного Языка. Под ред. Н.Ю.Шведовой, М., 1970г, "Наука" стр. 309.

2/ См. замечание Потебни о наречиях: "Потеря склоняемости не связана в них с уничтожением специального значения, как в предлогах и союзах, а есть только средство обозначения категории наречия." Цитируем по книге В.В.Виноградова Руский Язык, М., 1972 г., "Высшая Школа", стр. 274.

чественных . Хотя этот тип наречий очень близко подходит к качественным наречиям, иногда даже вливается в них, однако уже проф. Пешковский отмечал грамматическое обособление этого разряда: "Наречия эти замечательны тем, что в отличие от всех остальных, не связаны неразрывно с глаголами [или словами, образованными от глаголов] ... Они даже, можно сказать, больше "любят" именно прилагательные, а не глаголы, и не со всяким глаголом всякое такое наречие можно соединить;..Это объясняется, конечно, их значением ..... "I/

Далее, при рассмотрении связей качественных наречий с количественными он отмечает, что "Целый ряд наречий на "о" в современном языке употребляется для субъективного или объективного выражения степени качества и действия. Таковы, например, наречия довольно, крайне, совершенно и т.п. С ними сближаются по значению, с одной стороны, эмоциональные определения степени, вроде чрезвычайно, замечательно, необыкновенно, поразительно и другие подобные им, а с другой стороны, наречия количественные, генетически восходящие к другим категориям [например, к местоимениям, глаголам, частицам] или уже потерявшие этимологическую связь с именами прилагательными: очень, весьма, чуть-чуть, совсем, вполне и т.д."2/ Все эти высказывания

I/ В.В.Виноградов. Русский Язык, М., 1972 г., " Высшая Школа" , стр. 296

2/ См. указ.соч. В.В.Виноградова стр. 279.

дают нам основу высказать, что количественные наречия выделяются как особый класс, имеющий свои семантико-синтаксические особенности.

Но, что привлек наше внимание, оговорка о том, что эти наречия считаются промежуточным типом наречий[1] между двумя основными классами наречий и примыкаются к ним, не имея своих собственных признаков самостоятельного грамматического класса. Кроме того, их неустойчивые названия или наименования в научной литературе углубляли наше убеждение в том, что эта группа наречий нуждается в глубоком анализе.

Начиная этот анализ, мы должны их определить "Определительные количественные наречия определяют количество действия, степень интенсивности действия, меру качества в прилагателных и наречиях. Они...делятся на следующие подгруппы: наречия с оттенком усиления и с оттенком ослабления указанного количества. А/С оттенком усиления: очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, гораздо, абсолютно, прямо, совершенно, чересчур, крайне, необычайно, весьма, совсем, настолько, вдвое, втрое, впятеро, Б/С оттенком ослабления [количества или интенсивности действия]: приблизительно, довольно, едва-едва, чуть-чуть, почти, капельку, несколько, крошечку и др."[2]

Семантически они могут обозначать: "а/ степень, меру действия или признака [довольно,

---

1/ См. указ. соч. В.В. Виноградова стр.297.

2/ Современный Русский Язык, "Морфология" под ред. В.В. Виноградова, М., изд. Московского Университета 1952, стр. 363-364.

крайне, очень/ ; б/ числовое выражение степени /вдвое, втрое/ ; в/ признак действия, выраженный в числах /вдвоем, впятером, надвое / ; г/ степень точности количественных обозначений /почти, приблизительно, слишком/"[1]. Они имеют свои семантико-синтаксические разряды: "I. Одни из количественных наречий, преимущественно те которые, обозначают степень, сочетаются с глаголами, прилагательными и наречиями, а также изредка - с существительными, имеющими оттенок качественного значения, например: очень сильный, очень громко, очень похудел; 2. Другая группа количественных наречий, преимущественно те, которые указывают меру или числовое выражение степени, сочетаются только с глаголами и отглагольными словами, обозначающими уменьшение, увеличение, или с прилагательными и наречиями в форме сравнительной степени. Например: вдвое больше, вдвое меньше и т.п.; 3. Наконец, третья группа количественных, вернее, числовых наречий, преимущественно те, которые обозначают обстоятельство, выраженное в числах, сочетаются почти исключительно с глаголом и отглагольными существительными, например: вдвоем, впятерем, надвое, натрое и т.п.."[2]

Чтобы установить автономность этих наречий

1/ Грамматика Русского Языка. АН СССР, Т.I, М., изд. Академии Наук СССР, 1953 г., стр. 607.

2/ В.В.Виноградов. Русский Язык. М., "Высшая Школа", 1972 г., стр. 297.

в современном русском языке, мы должны применить такой анализ, являющийся показателем, служащий ключом для указания на их отличия от других наречий и охватывающий всю совокупность отношений и особенностей признаков членов этой группы. С нашей точки зрения этот анализ имеет два, тесносвязанные разнородными отношениями, аспекта: лексический, т.е. парадигматические особенности; и синтаксические, т.е. синтагматические особенности. Суть такого анализа заключается в сопоставлении слова с другими в разных его отношениях на языковом и на речевом уровнях. На языковом уровне мы исходим из того, что слово представляет собой минимальную единицу языка, а на речевом уровне - словосочетание - минимальную единицу речи.

Приступая к анализу материала на языковом уровне, следует отметить, что парадигматические особенности представляют собой семантические, стилистические, словообразовательные отношения каждого члена группы в языке и вне определенного контекста, причем ведущим является собственное значение слова [члена группы].[1]

1/ Нами были проработаны словари: I. "Словарь Русского Языка" АН СССР в четырех томах. М., I957-I96I; 2. "Словарь Синонимов Русского Языка", в двух томах, гл.ред.А.П.Евгеньева, Л., I970 - I97I; 3. Н.М.Шанский, В.В.Иванов, Т.В.Шанская. "Краткий Этимологический Словарь Русского Языка", М., I97I. Далее соответственно приняли следующие сокращения МАС, СНР, КЭС.

Под собственным значением понимается нечто иное как лексическое значение слова.[1] Таперь обратимся к подаче собственного значения членов изучаемой группы.[2]

Абсолютно собственного значения не зафексировано, а образуется от прилагательного "2. Совершенный, полный"; вдвое "Вдва раза, вдве части, доли и т.п.// пополам"; вдвоем " В количестве двух лиц, вместе с кем -либо "; вдвойне "В двойном размере, вдвое больше "; весьма "Очень, чрезвычайно"; втрое "В три раза, в три части, доли и т.п."; втроем "В количестве трех лиц"; втройне "Втройном размере, в три раза больше"; вовсе "разг. Совсем, совершенно"; вообще "I. по отношению ко всему, во всех отношениях, в общем"; вчетверо "В четыре раза, в четыре части, доли и т.п."; вчетвером " В количестве четырех лиц"; гораздо "I. при срав.ст.Значительно, много". "2. при глаголах и прилагательных [в положит.ст.] прост. Очень весьма"; довольно "2.Столько, сколько нужно, сколько требуется, достаточно". "3. [в сочетании

I/ "Это его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка :и, являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка." В.В.Виноградов, "Основные Типы Лексических Значений Слов" ВЯ., 1953 г., № 5, стр. I0.

2/ Принятый нами состав этого разряда извлечен из книги "Современный Русский Язык", "Морфология", под ред.В.В.Виноградова, М., изд.Московского Университета, 1952 г. , стр. 364.

с прил. или нареч. 7 До некоторой степени, в достаточной степени, порядочно "; значительно "2. /при сравнительной степени/ В большей степени, мере; гораздо; много"; едва "Только что, чуть только" "Чуть, совсем немного, слегка"; "С трудом, на силу, еле"; едва-едва "То же, что едва, но с большей степенью выразительности"; еле "Чуть, немного, слегка, едва", еле-еле "То же, что еле, но с большей степенью выразительности"; исключительно "нареч. к исключительный /во 2.зн./"; исключительный "Особенный, необыкновенный, редкий"; капельку "см. капелька";"В знач.нареч. капельку немножко, чуть-чуть"; крайне "Очень, чрезвычайно"; крошечку "см.крошечка - совсем мало, чуть-чуть"; надвое "На две части"; натрое " На три части"; насколько "В какой мере; степени"; настолько "В такой мере, степени"; несколько[2] "Немного, чуть-чуть, в некоторой степени"; очень "Весьма, чрезвычайно, в сильной степени"; полностью "В полном составе, в полном объеме, целиком; до конца, вполне, совершенно"; почти "Так, что немного, не достает до чего-либо, чуть не...,//едва ли не// /при словах, обозначающих количество, число, меру/ Около какого-либо количества, приблизительно"; примерно "Нареч. к примерный" "2. приблизительный"; приблизительно "/в сочетании со словами обозначающими количество, счет, меру/ Немного меньше, или немного больше"; слегка "Не сильно, немного, чуть-чуть"; слишком "/перед числительным/ прост. Свыше, более чем";

сколько " Насколько, как, в какой мере"; совершенно "Нареч. к совершенный [в I и 2. зн.] разг. Совсем, вовсе"; совсем "Совершенно, вполне; разг. Навсегда"; страшно "Нареч.к страшный; "3. разг. Очень сильный или очень большой [о степени проявления, интенсивности чего-либо]"; удивительно "Нареч. к удивительный [во 2.зн.]; "2. чрезвычайный"; ужасно "Нареч. к ужасный;"2. разг. Очень сильный, очень большой [о степени проявления, интенсивности чего-либо] чрезвычайный, крайний в своем проявлении"; чуть "Едва, еле, немного"; чуть-чуть "Совсем немного".

Подойдя к лексико-семантическим особенностям количественных наречий, заметим, что "Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление с другим членом парадигмы, в которую оно входит, по определенным существенным признакам."[1] Итак, взяв за основу собственное значение членов этой группы, констатируем распадающие лексические ряды и выдвинем лексико-семантические отличия каждого члена от других.

А/ Собственно количественные наречия:

Вдвое, вдвоем, вдвойне, втрое, втройне, втроем, вчетверо, вчетвером, надвое, натрое, и т.п. Предложное сочетание в этом разряде указывает на предельную количественную точность, преобретая это общее значение, этим значением все члены объединены. В то же время предлоги-префексы,

---

I/Э.М.Медникова. Значение Слова и Методы его описания, "Высшая Школа" , М., 1974 г., стр.48.

по терминологии Виноградова, участвуют в образовании следующих лексических рядов: I/ Вдвое, вдвоем, вдвойне, втрое, втройне, и т.п.; 2/ Натрое, надвое, начетверо и т.п. С лексико-семантической точки зрения в речеупотреблении выделяются некоторые отличия, дополняющие, таким образом, общие значения разряда вообще и каждого члена в частности. Так в наречиях "Вдвое, втрое" – общее значение дополнено специфическими оттенками – "увеличение" т.е. "указание на количественное изменение" [вдвое возросло, втрое увеличилось]; "увеличение + сравнение" [вдвое больше, втрое больше, вдвое лучше].

В наречиях "вдвойне, втройне" – "увеличение + сравнение" [вдвойне лучше, вдвойне больше]; в наречиях "вдвоем, втроем" – "обстоятельственный характер признака действия" [отвечая на вопрос как?] "сидели вдвоем, решили вдвоем". в наречиях "Надвое, натрое и т.п." в речеупотреблении общее значение дополнено специфическим оттенком "деление" "Дорога разделилась надвое"; " В этой котловине разделенные натрое воды".

Б/ <u>Наречия с усиленным оттенком и с зависимым понятием.</u>[1]

Этот разряд и следующие за ним имеют широкое понятие "Субъективная или объективная оценка степени или интенсивности чего-либо". Этот

I/ Под сочетанием "с зависимым понятием" имеется ввиду семантическая зависимость, а не грамматическая зависимость.

разряд имеет свое общее значение "Определенная положительная оценка", с лексико-семантической точки зрения он распадается на следущие лексические ряды :

1/ Весьма предельная и усиленная оценка какой-нибудь ситуации, наивысшая степень или интенсивности признака, меры действия или чего-нибудь. Крайне, страшно, ужасно, слишком, удивительно, исключительно, гораздо /в употреблении с сравнительной степенью/, насколько.

2/ Оценка в значительной степени, высокая степень или интенсивность признака, меры действия или чего-нибудь. Весьма, значительно, довольно, очень, особенно, гораздо /в употреблении с положительной степенью/. Опорное слово " Очень ".

3/ Оценка обобщающая, обыкновенная нормально-проявленная степень или интенсивность чего-нибудь. Абсолютно, совершенно, совсем, полностью, вообще, вовсе. Опорное слово "Совершенно". В речеупотреблении [1] каждый член этих рядов имеет свой специфический нюанс или оттенок. Этим он отличается от других. Зафиксируем следующие отличия :

Б.I. Крайне /употребляется для выражения весьма предельной характеристики чего-либо/ "...Крайне неравномерное распределение населения по территории страны." /Пр.6.I.1977,стр.4/

1/Иллюстрируемый материал извлечен из газеты "Правда" за 1977 год и приняли соответственное сокращение "Пр."

Исключительно /особенность явления, лица предмета/ "...исключительно важный и крупный шаг на пути к заключению договора..." [Пр. I5.XI. 1977, стр.I.]; /присущее только данному лицу, предмету, явлению/ "Западногерманская сторона... ...стремилась представить все эти обвинения как продиктованные исключительно интересами экономического соперничества" [Пр. 6.I.1977, стр.5]
Гораздо /со сравнительной степенью/,/ высокая степень проявления процесса/ "Колониям пришлось бы в гораздо более тяжелой борьбе отвоевать свое освобождение". [Пр. I5.XI.1977, стр.5.]
Слишком /наивысшая мера/ "...атомный рынок стал слишком серьезным делом ..." [Пр.6.I.1977,стр.5]
Ужасно /превосходная всеобычного характеристика/ "Бабушка подносила печеные картошки, они были ужасно горячие". [Пр. I.I.1977, стр.6.]
Удивительно /странность или необычность свойства чего-либо/ "Не удивительно, что текучесть преподавательских кадров в ПТУ ещё велика". [Пр. 7.I.1977, стр.3.]
Насколько /подчеркивание характера предмета, степени явления/ "... полная характеристика строительной программы второго года пятилетки свидетельствует о том, насколько она многогранна и сложна" [Пр.2.I.1977. стр.I.]
Настолько /выделение весьма силного изменения процесса, действивия, степени явления часто с восклицательным характером или оттенком./
"...силы социализма, национально-освободительного движения и антимонополистической борьбы

трудящихся настолько выросли, что сторонники мира в состоянии обуздать империализм и предотвратить новую мировую войну". /Пр.15.XI.1977, стр.5./

Б.2. Довольно /утверждение о нахождении и существовании признака действия, явления сравнительно в сильной степени/ "Новозеландцев уже не успокаивать тот факт, что официально страна по уровню жизни стоит довольно высоко." /Пр.2. I.1977,стр.5./; В сочетании с "много" /нахождение и сущесвование чего-либо в большом количестве или объеме/ "Нашему предприятию ежегодно выделяется довольно много жилья..." /Пр.15.XI. 1977,стр.2./

Весьма /положительная характеристика явления, предмета, вещи в значительной степени/ "Весьма ответственная задача внешней политики Чехославакии состоит в том, чтобы способствовать прогрессу в области разоружения..." /Пр.4.I.1977, стр.4./ И также для выражения/очень сильной отрицательной оценки/ " Энтузиазм героя, его самоотверженность приносят весьма хилый плод.." /Пр.5.I.1977,стр.3/

Значительно /необыкновенность протекания действия или завершения действия/ "Это оружие значительно увеличивает риск возникновения новой войны". /Пр.16.XI.1977,стр.4./

Очень /превосходная степень чего-либо/ "..очень важный импульс для укрепления диалога между СССР и США." /Пр.I.I.1977,стр.4./; Примыкая к глаголу /сильно/ "меня этот факт очень радует,

подчеркнул Т.Холстед." /Пр.1.1.1977,стр.4./;
В сочетании с "много" /большое количество/ чего-либо или большой объем чего-либо/ "Дело трудоемкое, к тому же очень много металла уходит в стружку." /Пр.1.1.1977,стр.3./
Особенно /выделение или подчеркивание чего-либо/ "Особенно заметно увеличение поставки в торговлю таких пока ещё дефицитных изделий...." /Пр.7.1.1977,стр.1./

Б.3. Вообще /признак, процесс или характеристика проявляется постоянно и в равной степени/ "А вообще он любит окончательные решения принимать, лишь посоветовавшись со всеми." /Пр.4.1.1977,стр.3./; /абсолютность чего-либо/ или /абсолютное обобщение чего-либо/ "...осуществлять контроль в государстве, не присоединившемся к Договору о нераспространении Ядерного Оружия, вообще сложно." /Пр.6.1.1977,стр.5./
Абсолютно /утверждение о не существовании, о не имуществе какого-нибудь признака вообще или отрицании участия в чем-нибудь вообще/ "Появляются они /медвежата/ почти без шерсти, слепые, глухие и абсолютно беспомощные, крепко прижимаются к материнскому телу." /Пр.6.1.1977,стр.6./
Полностью /существование признака, процесса и т.п. в хорошем и положительном состоянии/ "На комбинате установлено современное ткацкое и прядильное оборудование, он полностью обеспечен сырьем." /Пр.15.XI.1977,стр.2./; процесс или действие закончено или завершено вполне и в доброкачественном виде/ " качество продукции

соответсвует государственным стандартам. Полностью завершили свою работу проектировщики, строители и монтажники." /Пр.4.I.1977,стр.I./

Совершенно /безусловность свойства/ "Совершенно ясно, что каждый человек несет в своем сердце чувство братства народов." /Пр.5.I.1977,стр.4./

Совсем /предел какого-либо умения, способности или качества/ "...и я тогда ещё совсем молодой журналист, только что начавший работу корреспондентом "Правды" в США" /Пр.I.I.1977,стр.4./

В. Наречия с ослабленным оттенком и с зависимым понятием. Имея свое собственное значение " неопределенная оценка, неопределенная степень проявления признака или количества ", эта группа с лексико-семантической точки зрения распадается на следующие лексические ряды :

I. неопределенное выражение количества или степени. " Почти, примерно, приблизительно, слегка, несколько. "

2. Процесс, признак, мера проявлен и сравнительно в большом объеме. " Сколько ".

В речеупотреблении все эти значения дополняются следующими специфическими оттенками :

В.I. Примерно /неточное определение цифр, приблежение к какому-нибудь цифровому числу/ "....затраты на военные цели ФРГ составят примерно 50 миллиардов марок." /Пр,I5.XI.1977, стр.4./

Приблизительно /выражение процента/ "Две страны уведомили своих торговых партнеров, что ограничат размер повышения приблизительно пятью процентами." /Пр.4.I.1977,стр.I./

Почти /признак или процесс охватывает или распространяется на большую часть целого/ "Почти все в бригаде имеют по нескольку специальностей и каждый человек готов прийти на помощь смежнику." /Пр.3.I.1977,стр.2./

Несколько /не так уж сильно проявляется признак чего-либо , немного выражено/ "Год 1976-й уходит в историю с несколько загадочным выражением лица." /Пр.I.I.1977,стр.5./

В.2. Сколько /как много т.е. большое количество чего-либо + восклицание/ "Ведь сколько хлопот достается тем, что покупает все эти новогодние подарки...." /Пр.I.I.1977,стр.5./

Г. Наречия с зависимым понятием и с совсем слабым оттенком. Имея свое собственное значение " весьма слабый признак , наименьшая степень интенсивности ". Эта группа с лексико-семантической точки зрения распадается на следующие лексические ряды :

I. Не очень слабая степень, бледный признак. "Едва,едва-едва, еле,еле-еле, чуть,чуть-чуть."

2. Совсем слабый признак, наименьшая степень интенсивности "Капельку, крошечку, нисколько." Следует заметить, что эти наречия носят сугубо просторечный характер. Из-за их употребления в разговорах очень редко мелькают на страницах газет и поэтому они не отражены в примерах.

Г.I. В речеупотреблении наречия преобретают следующие специфические оттенки.

Едва /действие или процесс ослабляется/ "Едва стихают его ,как над площадью раздается мелодии

"Песни о Родине". " /Пр.8.XI.1977,стр.2./
Едва-едва то же самое, но употребляется для большей выразительности.
Еле /наименьший предел процесса, признака, качества/ "Он /самолет АН-2/ делает несколько разворотов. За его крылом тянется еле уловимая полоса аммиачной селитры." /Пр.2.I.1977,стр.2./
Еле-еле то же самое, но с большей выразительностью. Чуть /качество или процесс изменяется на какой-то малый или незначительный процент/ "Пока они чуть поотстали от нас, но вечером вновь соберемся в нарядной вместе, обсудим их просчеты..." /Пр.2.I.1977,стр.2./ Чуть-чуть то же самое но с большей выразительностью.

Подойдя к лексико-стилистическим особенностям изучаемой группы наречий, следует заметить, что мы предложим их стилистические характеристики с точки зрения сферы употребления, экспрессивно-стилистической окраски и экспрессивной синонимии. С точки зрения сферы употребления все наречия, входящие в изучаемую группу, являются в современном русском языке общеупотребительными[I/] и относятся к пласту общеупотребительной лексики языка. С точки зрения экспрессивно-стилистической окраски мы предложим следующую лексико-стилистическую классификацию, руководствуясь пометками МАС, СНР и также распределе-

---

I/ Об определении общеупотребительной лексики см. М.И.Фомина, лексика Современного Русского Языка.М., "Высшая Школа", 1973. См. также Н.М.Шанский. Лексикология Современного Русского Языка. М., "Просвещение" 1972.

нием лексики с точки зрения экспрессивно-стилистической окраски в лингвистической литературе.

I. Наречия, относящиеся к межстилевой лексике языка. "Абсолютно, вдвое, вдвоем, вдвойне, втрое, втроем, втройне, вчетверо, вчетвером, вообще, довольно, гораздо. /в сравнительной степени/, значительно, едва, едва-едва, еле, еле-еле, крайне, надвое, натрое, настолько, насколько, несколько, особенно, очень, полностью, почти, слегка, сколько, слишком, совсем, удивительно, чуть, чуть-чуть."

2. Наречия, относящиеся к литературно-разговорной лексике. "Вовсе, исключительно, нисколько, совершенно, примерно."

3. Наречия, относящиеся к просторечной лексике. "Гораздо. /в употреблении с положительной степенью/, капельку, крошечку, страшно, ужасно."

4. Наречия, относящиеся к литературно-книжной лексике языка. "Весьма."

Далее, присоединяясь к высказыванию З.Т. Короткевича, мы смело можем заметить, что вопрос синонимики наречий почти не тронут и мало изучен[1] и можем высказать, что"..в словарном составе языка существуют определенные группы синонимов, не имеющих прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а

I/ З.Т.Короткевич."Наречные синонимы в современном русском языке" в кн. Синонимы Русского Языка и их особенности, под ред.А.П.Евгеньевой, Л. "Наука", 1972, стр.89.

через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и, номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность. Именно к таким синонимам следует отнести рассматриваемые эмоциональные наречия степени, так как они утратили [или находятся на пути к такой утрате] предметно-логическую соотнесенность с исходными значениями производящих прилагательных и приобрели одно,, общее всем наречиям этого типа, значение степени."[1]
Далее, значение выражается через семантически--основное, опорное, стилистически нейтральное, с ослабленным эмоциональным содержанием наречие.

С этой точки зрения изучаемая группа наречий распадается на следующие синонимические ряды:

1. Синонимы к основному и опорному стилистически нейтральному слову " Очень " : Гораздо, значительно, исключительно, довольно, настолько, насколько, весьма, слишком, страшно, ужасно, крайне, абсолютно, сколько, совсем.

2. Синонимы к основному и опорному стилистически нейтральному слову " Почти " : Примерно, приблизительно, вовсе, слегка, несколько, особенно, чуть, 'еле, едва, капельку, крошечку.

Далее, в количественных наречиях имеются следующие экспрессивно - стилистические

1/ См.указ.соч.З.Т.Короткевича. стр.95

синонимы[1], при выделении которых мы использовали Словарь Синонимов Русского Языка.

Значительно, гораздо "употребляются для указания на большую степень или меру, которыми обладает сравниваемое качество, свойство, признак; Значительно – в большей степени, мере; Гораздо – более слабое указание на степень, но более отчетливое – на силу или яркость сравниваемого признака, в обычной речи употреблнются без ограничений." /СНР Т.I, стр.408/

Слишком, чересчур "превышая меру, норму, предел" /СНР Т.2,стр.435/; Сюда надо ещё включить страшно, ужасно, крайне в обычной речи; Страшно, ужасно употребляются в обиходно-разговорной речи с просторечным характером.

Совсем, совершенно, вовсе, абсолютно, нисколько "эти слова употребляются в усилительном значении при отрицании, придавая ему большую силу, выразительность. Слова совсем, совершенно, вовсе, абсолютно....сообщают отрицанию наибольшую категоричность, /вовсе и нисколько употребляются в обиходно-разговорной речи/" /СНР Т.2, стр.458/

I/ Мы принимаем следующее определение"Синонимичные слова, выполняющие экспрессивно-стилистическую роль /т.е. указывающие на стиль, сферу употребления, на выразительность слова, его эмоциональную окраску и т.д./ называются стилистическими синонимами." М.И.Фомина. Лексика Современного Русского Языка. "Высшая Школа" , М.,1973 стр.48.

Совершенно, абсолютно, совсем " все эти слова указывают на высшую степень, предельность какого-либо качества, свойства. Слово абсолютно употребляется с усилительным значением." /СНР Т.2, стр.455/
Совершенно, абсолютно, полностью "во всем объеме, в полной мере" /СНР Т.2,стр.455/; Сюда надо добавить, что в обычной речи употребляются без ограничений.
Очень, весьма "эти наречия употребляются для передачи высшей степени, меры интенсивности какого-либо признака, состояния. Весьма употребляется преимущественно в литературно-книжной речи...." /СНР Т.2,стр.113/; Сюда еще можно включить "удивительно, исключительно, сколько."

Эти слова употребляются с усилительным значением, сколько - со значением "очень большое количество". Насколько, настолько, эти слова употребляются для указания на большую степень с усилительным значением. В обычной речи употребляются без ограничений.
Приблизительно, примерно " не совсем точно, лишь "более или менее точно. Слово примерно употребляется преимущественно в речи разговорного характера...", /СНР Т.2,стр.246-247/. Сюда ещё можно добавить почти, несколько и слегка.
Едва, едва-едва, еле, еле-еле, чуть, чуть-чуть "Совсем немного, в самой малой, в самой ничтожной степени. Едва, еле - совсем немного; почти не..., чуть в самой малой степени, едва-едва, еле-еле и чуть-чуть употребляются с усили-

тельным значением" /СНР Т.I, стр.319/; Сюда надо ещё включить капельку, крошечку - в самой ничтожной степени, употребляются в обиходно-разговорной речи с просторечным характером.

Подойдя к лексико-словообразовательным особенностям количественных наречий, заметим, что словообразовательные способы, образующие наречия общеизвестные в лингвистической литературе, находят свое отражение в изучаемой группе. С этой точки зрения они распадаются на следующие подгруппы :

I. Наречия образованы собственно словообразовательным способом

а/ Беспредложные наречия на -о образованы из прилагательных: Абсолютно, значительно, довольно, исключительно, особенно, примерно, приблизительно, совершенно, страшно, ужасно, удивительно.

б/ Наречия усилительного значения образуются из двух одиноковых слов-наречий: Едва-едва, еле-еле, чуть-чуть.

II. Наречия образованы адвербиализацией.

а/ Наречия, образованные от краткой формы имени прилагательного мужеского и среднего рода в родительном падеже. Слегка.

б/ Наречия, образованные от существительных в винительном падеже с предлогом "через" Чересчур.

в/ Наречия, образованные от творительного падежа путем слияния с предлогом: Слишком, совсем.

г/ Наречия от неопределенно-количественных числительных: Столько, сколько, несколько, нисколько.

д/ Наречия от собирательных числительных в винительном падеже с предлогами "в","на": Вдвое, втрое,вчетверо,надвое, натрое,начетверо и т.п.

е/ Наречия от собирательных числительных в предложном падеже с предлогом "в" : вдвоем, втроем, вчетвером,и т.п.

ж/ Наречия от субстантированных прилагательных,образованных от собирательных числительных, в предложном падеже с предлогом "в" "этимологически распадающиеся на приставку "в" и именную форму предложного падежа: Вдвойне, втройне."[1]

II. <u>Наречия, "потерявшие этимологическую связь"с живыми грамматическими классами и разрядами</u>[2] :Очень,весьма, почти, едва, еле, чуть.

Однако мы склоны выделить в этой группе отглагольные наречия "почти""чуть". "Почти - из повелительного наклонения, чуть - из формы инфинитива."[3]

Все установленные нами особенности количественных наречий на лексическом уровне реализуются лишь только в речи. Ведь в ней всегда проявляются и устанавливаются специфические и характерные особенности присущи какому-нибудь слову. Совершенно справедливо "....в речевом произведении конкретно проявляются и синтагмати-

---

I/ В.В.Виноградов. Русский Язык , "Высшая Школа" М., 1972, стр.292.

2/ Там же стр.279.

3/ См. Современный Русский Язык,"Морфология" под ред.В.В.Виноградова, М., изд."Московского Университета.1952,стр.391. СМ.также Н.М.Шанский и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., "Просвещение", 1971.

ческие и парадигматические характеристики и особенности слова."[1] Такое речевое произведение называется в научной литературе контекстом употребления, являющимся зеркалом отражения слова со всеми его особенностями фонетическими, семантическими, лексическими и синтаксическими, представлящим собой "..... речевой отрезок, в котором однозначено раскрывается семантика слова, грамматической формы или синтаксической конструкции."[2] Он"...предопределяет значение, которое в нем реализуется,... обсловливает тот факт, что в каждом случае высупает именно данное значение"[3] Далее, все особенности слова реализуются в контексте употребления в словосочетаниях при помощи синтаксической сочетаемости.

Синтаксическая сочетаемость "...это набор и условия реализации распространителей слова, парадигматика его синтаксических свойств, его связеизменение.."[4] Каждое слово в зависимости от его соотнесенности к определенной лексико-грамматической категории языка имеет свои характерные типы сочетаемости, построенные по морфо-

---

1/ Э.М.Медникова. Значение Слова и методы его описания. М., "Высшая Школа" ,1974, стр.8.

2/ С.Г.Ильенко."Контекст и связной текст в их лингво-методической интерпретации" в сб.Языковые Единицы и Контекст под ред.проф-а В.И.Кодухова, Л., изд." Лен.Гос.Пед.ин-та", 1973,стр.186.

3/ Указ.соч. Э.М.Медниковой стр.46.

4/ Н.З.Котелова. Значение слова и его сочетаемость. Л. 1975, стр.81.

синтаксическим правилам языка, т.е. " синтаксические отношения могут выражаться при помощи таких специфически морфологических приемов как согласование, управление, примыкание"[I/], которые обнаруживаются в словосочетаниях. Рассматривая вопрос о словосочетаниях, в которых реализуются или расскрываются значение и все отмеченные нами особенности изучаемой группы наречий, следует заметить, что они построены при помощи примыкания. Наш материал дал нам основу установить следующие группы моделей, существующих в изучаемой группе наречий.

I. Словосочетания,в которых наречие является зависимым членом. В этой группе словосочетания выражают качественное определение предмета, явления или действия. В эту группу входят следующие модели :

I/ Adv.+ Adj. в полной форме : Настолько сильный, довольно высокий, весьма ответственный, очень важный, ужасно горячие и другие. Здесь следует заметить, что эта модель считается самой употребительной и специфической.

I.a/ Adv. + Adj. в краткой форме : Несколько многогранна, несколько сложна, весьма значительна и другие.

2/Adv. + ср.ст. Adj : вдвое быстрее, вчетверо производительнее, вдвойне лучше, значительно раньше и другие. Сочетания этой модели выражают определительно-количественные отношения.

I/ Указ.соч. Э.М.Медниковой стр.II9.

3/ Adv.+ V : Вдвое увеличились, настолько подскочили, настолько выросли. Сочетания выражают определительно-качественные отношения действия.

3.а/ Adv.+ Inf. : Значительно расширить.

4/ Adv.+ N : Почти рекорд, вообще суть.

Следует заметить, что последние модели, т.е. "3.а, 4." считаются мало употребительные.

II. Словосочетания, в которых наречие является главным членом. В этой группе словосочетания выражают определительно-количественные отношения.

I/ Adv.+ Adv. : Настолько очевидно, особенно остро, довольно высоко, почти полностью, совершенно ясно, совсем недавно, особенно заметно, вообще сложно. Следует заметить, что эта модель считается широко употребительной и второй специфической моделью.

2/ Adv.+ число с предлогом и без предлога : примерно 50..., приблизительно пятью, почти двенадцать, почти на две..., приблизительно в 260 и другие.

Заключение

Наше рассмотрение вопроса, которое охватило всю совокупность лексических, семантических и синтаксических явлений, связанных с количественными наречиями, позволило нам более убедительно и с нашей точки зрения обоснованно сделать следующие общие выводы:

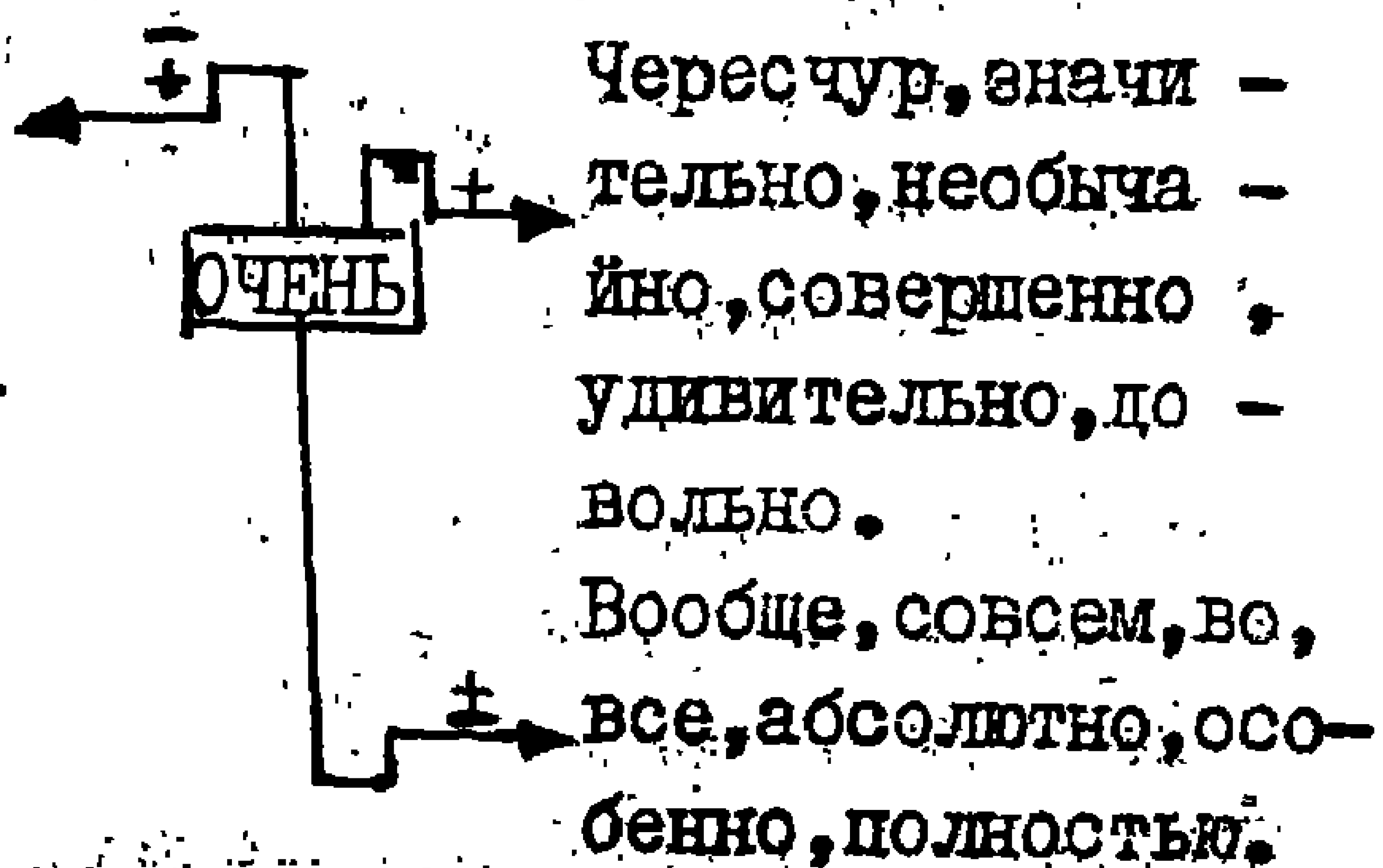
I. Количественные наречия - это особая груп-

па лексико – грамматической категории наречий, выражающих качественное оценочное понимание качества признака действия, степени интенсивности действия, или качества признака, при чем понимание – эмоциональным и субъективным. Она имеет свои характерные признаки, распсдаясь на следующую тематическую классификацию :

а/ собственно количественные наречия: вдвое, вдвоем, вдвойне, втроем, натрое, надвое, и т.п.

б/ Наречия с зависимым понятием и с усиленным оттенком или усиленной оценкой :

Страшно, ужасно, слишком, весьма, гораздо, крайне, настолько, насколько.

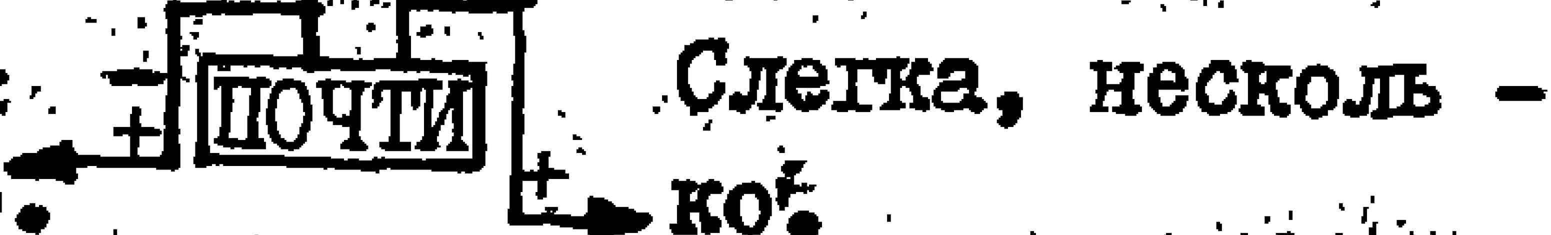

Чересчур, значительно, необычайно, совершенно, удивительно, довольно.

Вообще, совсем, вовсе, абсолютно, особенно, полностью.

в/ Наречия с зависимым понятием и с ослабленным оттенком или ослабленной оценкой :

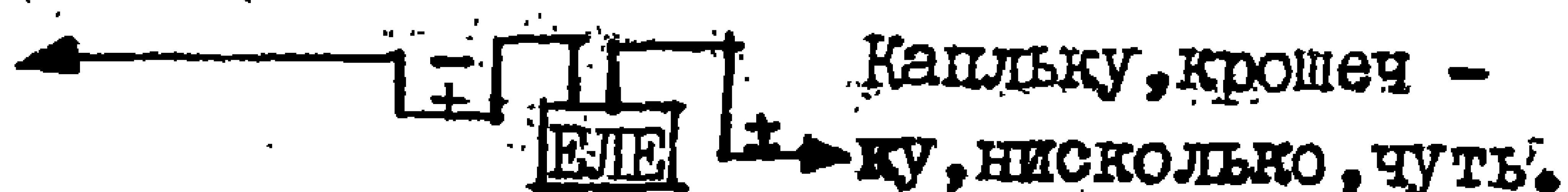
Примерно, приблизительно, сколько.

Слегка, несколько.

г/Наречия с зависимым понятием и со слабым оттенком или слабой оценкой :

Едва

Капльку, крошечку, нисколько, чуть.

Едва-едва.

Чуть-чуть.

2. Наш лексико-семантический анализ дал нам основу отметить следующие :

А. Каждый член изучаемой группы имеет свое собственное значение и вся группа в целом имеет свое собственное общее значение. Кроме того в речеупотреблении собственное значение каждого слова дополняется каким-то специфическим оттенком, при помощи которого каждый член отличается от других наречий. На основании общего значения с дополненными понятиями, изучаемая группа имеет свои лексические ряды.

Б. Лексико-стилистический анализ доказал, что эта группа имеет свою лексико-стилистическую классификацию, свои синонимические ряды :

I. Синонимы к основному и опорному стилистически нейтральному слову " ОЧЕНЬ ".

2. Синонимы к основному и опорному стилистически нейтральному слову " ПОЧТИ ". Замечается также так называемые экспрессивно-стилистические синонимы.

В. Лексико-словообразовательный анализ установил, что этот разряд имеет свою лексико-словообразовательную классификацию. Замечается также, что адвербиализация является продуктивным способом образования этих наречий.

Г. Считая, что словосочетание является минимальным контекстом употребления, наш анализ раскрыл модели словосочетаний, в которых реализуются и раскрываются отмеченные нами лексические, семантические и синтаксические особенности слова, утановил употребительные модели :

а/ В определительно-качественной группе, где

наречие является зависимым членом было установлена модель Adv. + Adj. [Настолько сильный, довольно высокий и т.д.]

б/ В определительно-количественной группе, где наречие - главным Adv. + Adv. [Настолько очевидно, особенно остро, довольно высоко и т.д.]

3. На основании полученных выводов мы пришли к общему выводу о том, что изучаемая группа наречий на данном этапе в русском языке приобрела свои специфические, резкие признаки и способна самостоятельно существовать и по нашему мнению перестала быть "танцующей" или промежуточной. Следует ее назвать "Модально-оценочные наречия".

4. В конце нашей работы мы заметим, что лексико-синтаксический анализ количественных наречий в современном русском языке позволил нам продолжать работу над этой группой, представляющей большие трудности при переводе на арабский язык. И поэтому к нашей работе имеется продолжение, в котором мы бросим свет на проблемы перевода этих наречий на арабский язык.

ANALYSIS OF THE TEXT WHILE TRANSLATING FROM RUSSIAN INTO ARABIC

By

Dr. FAWZI ATTIA

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА АРАБСКИЙ

Абдель-Самие Фавзи Аттиа

В художественном тексте отражаются многообразие лексических и грамматических средств языка, разнообразные стилистические элементы, направленные на эмоционально- художественное воздействие на читателя, множество фоновых знаний, связанных с действительностью,описываемой в тексте, компоненты идейно-эстетического характера и другие особенности. Все эти особенности накладывают свой отпечаток на процесс перевода художественного текста и делают его чрезвычайно сложным. Поэтому анализ такого текста имеет большое теоретическое и практическое значение.

Под анализом художественного текста подразумевается его расчленение на те отрезки, которые обуславливают точность передачи элементов содержания оригинала на язык перевода. В литературе по теории перевода отрез-

ки, выделяемые при анализе текста, называются единицами перевода.

Анализ текста, или выделение в нём единиц перевода, представляет собой необходимый этап переводческого процесса. На этом этапе распознаются компоненты содержания оригинала и внутренне осознаются как свои. В этом отношении проблемы распознавания компонентов содержания и их внутреннего осознания совпадают с проблемами понимания текста вообще. Однако, воплощение переводимого текста в родном языке предполагает необходимость установления соответствий между элементами оригинала и средствами его воспроизведения на родном языке. Поэтому переводчик "стремится обнаружить в оригинале и связанном с ним контексте (лингвистическом или ситуативном) дополнительные сведения, которые позволяют ему выбрать необходимый вариант перевода."(I-165).

Анализ художественного текста при переводе не должен сводиться к сопоставлению систем двух языков. Сопоставление в языкознании имеет целью установить "специфику каждого из сопоставляемых языков, то есть предназначено служить лучшему раскрытию и пониманию явлений отдельного языка." (2-464). Анализ художественного текста при переводе основывается на выделении особых единиц, наличие которых в языке оригинала предполагает употребле-

ние определённых соответствий в тексте перевода. Такое положение позволяет установить именно те закономерности, которые действуют в соотношении двух языков,(см.3-25)и которые регулируют переводческий процесс и способствуют сознательному отбору различных возможностей для передачи элементов подлинника.

Таким образом, анализ художественного текста,т.е. выделение в нём единиц перевода,является важным этапом в процессе перевода. Что такое единица перевода? Исходя из задач машинного перевода, авторы "Основ общего и машинного перевода" определяют единицу перевода как " минимальный отрезок текста ИЯ (исходного языка), соответствующий такому набору элементарных смыслов в языке-посреднике, который может быть поставлен в свою очередь в соответствие с некоторым отрезком текста в ПЯ (переводящем языке)" (4-II7) В.Н.Комиссаров(I-I86-I90) выделяет четыре различных способа для определения единиц перевода. В основе первого определения лежит критерий последовательности перехода переводчика от одного отрезка текста к другому. В зависимости от этого единица перевода представляет собой минимальную единицу текста, выступающую в процессе перевода в качестве самостоятельного объекта этого процесса. Второй подход исходит из целостности единицы перевода,в силу чего единица перевода определяется как языковая единица текста, переводи-

мая как одно целое, т. е. как целое образование, содержание которого не сводится к значениям составляющих компонентов. Третий способ ориентируется на единицы языка перевода. Здесь единицей перевода считается минимальный набор лексем и граммем исходного языка, который можно поставить в соответствие с некоторой лексической или грамматической категорией языка перевода. Четвёртый подход основывается на плане содержания оригинала. Единица перевода определяется как минимальная единица содержания текста оригинала, воспроизводимая в тексте перевода.

Ориентация на план содержания позволяет на наш взгляд, выделить единицы перевода не только в плане лингвистическом, но и в экстралингвистическом аспекте.

С лингвистической точки зрения единицы перевода выделяются на всех уровнях языковой структуры (кроме фонетического уровня), составляя при этом свою иерархию. Единицами перевода могут быть алломорфы,т.е. варианты словообразующих морфем,осложняющих значение слова добавочными оттенками. Выступая в качестве формы оценки, алломорфы- единицы перевода придают высказыванию эмоциональную характеристику: например: – "Ведь мы же с папочкой и мамочкой полагали, что вы зарезаны,- вся трепеща, сказала Аннушка буржую- жениху." (В. Шишков,

" Спектакль в селе Огрызове"). В данном высказывании словообразуемые морфемы в словах ПАПОЧКА, МАМОЧКА и АННУШКА вносят уменьшительно-ласкательные оттенки в значения данных слов и тем самым выражают положительную эмоциональную характеристику. Передача алломорф- единиц перевода на арабский язык вызывает особые затруднения в силу разнородности средств выражения данных оттенков в русском и арабском языках. При переводе на арабский мы обычно употребляем лексические приёмы для передачи всех форм оценки: уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности и т. д.

К единицам перевода относятся также аллоформы. Аллоформы можно разделить на два вида: аллоформы - сигналы семантически пустых категорий и аллоформы- сигналы семантически полных категорий. В группу семантически пустых категорий входят род существительных (кроме существительных общего рода и существительных, обозначающих профессию или должность); формы согласования прилагательных с существительными; синтаксическая функция падежей (значение субъекта и объекта); родительный падеж после числительных и т. п. Семантически полные категории охватывают формы общего рода; род существительных, обозначающих профессию или должность; формы числа; адвербиальные функции падежей; краткие формы

прилагательных; все формы русского глагола; формы причастий и деепричастий и т. п.

Деление аллоформ - единиц перевода на семантически пустые и полные категории обусловлено проблемой выбора эквивалента для точной передачи содержания текста оригинала. Если, например, переводчик при передаче слов ЛЕС, ТЕМНОТА, ДЕРЕВО не исходит из значений рода в русском языке, а передаёт их на основе лексической эквивалентности (как раз слова ЛЕС и ДЕРЕВО женского рода в арабском, а слово ТЕМНОТА мужского рода), то при переводе слов ДИРЕКТОР и СИРОТА он должен сначала обратиться к контексту для определения рода данных существительных, чтобы дать точный арабский эквивалент. Семантически полные категории выражают, как правило, дополнительную информацию, пренебрежение которой приводит к неточности перевода. Невозможно, например, оставить без внимания значение временного признака, выраженное краткой формой прилагательного в следующем высказывании: " Ему, Антону, казалось, что он очень спокоен, а на самом деле все силы его уходили на то, чтобы не закричать, не забыться в тоске". (Г.Николаева, "Гибель командарма"), или игнорировать значение невозможности, выраженное формой глагола совершенного вида в сочетании с отрицанием в следующем высказывании: "Оставь... Не дотянешь, у тебя рука

ранена !– сказал Антон,с жадностью и надеждой глядя в лицо капитану" (Г.Николаева, " Гибель командарма").Кроме того в данном высказывании выделяются ещё аллоформы –единицы перевода: форма повелительного наклонения со значением просьбы и форма деепричастия со значением одновременности действия. Таким образом, аллоформы выполняют смысловую нагрузку, которую необходимо учитывать в целях оптимального воспроизведения текста на родном языке.

Среди единиц перевода выделяются и аллолексы. К аллолексам – единицам перевода относятся слова- реалии, собственные имена,термины,обозначения календарных понятий, сложносокращённые слова и т. п. Реалии охватывают названия национальной одежды,обуви,пищи, напитков,географические названия,слова,обозначающие общественные,культурные и исторические элементы. В переводе реалии выступают в качестве элемента национального колорита,поэтому точная передача слов,выражающих реалии,требует страноведческих знаний. Так, прежде чем переводить реалии материального быта мы должны иметь"правильное представление о самих вещах, стоящих за этими словами".(3-178).Интересен в этом плане отрывок из"Семейной хроники"С.Аксакова, где встречается подряд несколько реалий: "Горячие щи, от которых русский человек не откажется в самые палящие жары,дедушка хлебал

деревянной ложкой,потому что серебряная обжигала ему губы; за ними следовала ботвинья со льдом, с прозрачным балыком,жёлтой,как воск, солёной осетриной и с чищенными раками и тому подобные лёгкие блюда. Всё это запивалось домашней брагой и квасом, также со льдом."

Передача реалий может осуществляться путём транслитерации или описания. Так, в высказывании: "Павел подбежал к его избе. Так и есть - замок. Он к соседям,он в сарай, он в баню..." (В. Шишков, "Спектакль в селе Огрызове") мы встречаем три реалии: одна из них (изба) передаётся на арабский транслитерацией, а "сарай и баня" передаются описательным образом в силу наличия нечто близкого в арабской действительности. Транслитерация также применяется для передачи географических названий, собственных имён. Транслитерация географических названий обычно сопровождается объяснениями. Несколько иначе обстоит дело с собственными именами. Так, В.Шишков назвал героя своего рассказа "Спектакль в селе Огрызове" Павлом,а в ходе повествования он переходит к уменьшительно-ласкательным формам ПАВЛУХА,ПАШКА. Уменьшительно-ласкательные имена также передаются транслитерацией,но во избежании путаницы даются соответствующие объяснения.

Иногда слова - реалии требуют подачи страноведческих знаний культурно-историческо-

го характера. Посмотрим следующий абзац из романа А.Чаковского "Блокада": "Звягинцев вышел из здания штаба и пошёл пешком по проспекту 25-го Октября, который все по старой привычке называли Невским, до Литейного, чтобы там сесть на автобус. Звягинцев совершал этот путь каждый день,возвращаясь с работы. Каждый день, с тех пор как кончилась советско- финляндская война и он вернулся домой,в Ленинград, хотя раньше,до войны, он экономил время и, возвращаясь с работы,садился в трамвай уже в самом начале Невского, на углу улицы Гоголя".

Тут нельзя обойтись без объяснения того,что стоит за словами и словосочетаниями 25-го Октября,Невский,Литейный,советско-финляндская война,Ленинград,Гоголь.

К аллолексам - единицам перевода относятся термины. Термины употребляются в художественном произведении для создания образной речи. Термины требуют адекватных соответствий из области терминологии, поэтому они выступают в качестве автономных единиц перевода.

Аллолексы - единицы перевода охватывают также сложносокращённые слова типа СЕЛЬСОВЕТ, ПВО. Сложносокращённые слова не подлежат транслитерации. Их необходимо расшифровывать при переводе. Особое место занимают со-

кращения, обозначающие марки автомобилей,машин и аппаратов различного назначения: например, " Мчались машины,пугая гудками прохожих, высокие квадратные "эмки" и длинные,вытянутые "ЗИС -IOI",недавняя новинка автомобильной промышленности." А.Чаковский,"Блокада".Такие сокращения передаются на арабский язык способом транслитерации.

Аллосинтагмы - единицы перевода охватывают различные синтаксические структуры.

Выделение аллосинтагм - единиц перевода определяется тремя типами синтаксической связи слов: сочинением, подчинением и сопряжением. Именно эти три типа синтаксической связи обусловливают расчленение высказывания на смысловые компоненты, составляющие его содержание в целом. Среди аллосинтагм - единиц перевода выделяются словосочетания. Словосочетание служит тем узким словесным окружением, в котором снимается омонимия или многозначность слова,что имеет большое значение при переводе.

Словосочетания образуют синтаксические структуры высшего порядка - предложения.

На наш взгляд, предложение является основной единицей перевода. Такое положение вытекает из характера функции предложения в процессе коммуникации. Предложение выступает как целостная предикативная единица, служащая для

формирования,выражения и сообщения мысли. Кроме того, в процессе перевода мы воспроизводим " не ряд изолированных знаков,а связанное высказывание,состоящее из связанных между собой компонентов и обладающее собственной структурой" (I-I2I). Отдельное слово, даже знаменательное," не говоря уже о словах служебных не является постоянной самостоятельной единицей перевода. Смысл слова не автономен, он зависит как в оригинале, так и в переводе от контекста, проясняется в контексте (иногда достаточно широком)" (4-I59). Словосочетание также не может выступать в качестве основной единицы перевода. Словосочетание выполняет номинативную функцию, близкую к функции отдельного слова. Выделение словосочетаний в качестве аллосинтагм - единиц перевода имеет целью установление синтаксических отношений между словами в предложении, что является необходимым условием понимания содержания высказывания. Кроме того, предложение может состоять только из одного слова. Таким образом, предложение различных типов представляет собой основную единицу перевода, т. е. тот целостный отрезок переводимого текста, из которого переводчик исходит при анализе компонентов содержания высказывания.

И наконец, предложение представляет собой тот контекст, в котором значение той или

единицы перевода получает свою конкретизацию. В этой функции предложение можно назвать микроконтекстом. Такое название обусловлено тем, что конкретизация значения единиц перевода иногда требует расширения контекста. Так столкнувшись, например, с местоимением " ОНИ " в следующем высказывании:"Сидели они в конце госпитального коридора у плетёного столика". (К. Паустовский, "Дождливый рассвет"). сразу необходимо обратиться к более широкому контексту для определения количества людей. Такая необходимость диктуется наличием в арабском языке форм двойственного числа. Установив,что речь идёт в расширенном контексте о двух лицах, переводчик даёт соответствующие эквиваленты. Такой расширенный контекст называется макроконтекстом.

В художественном произведении широко употребляются фразеологизмы,пословицы,поговорки, крылатые слова. Они выделяются в переводимом тексте как фразы- единицы перевода. Фразеологизмы,пословицы,поговорки "представляют собой довольно сложные образования,имеющие три различные и в известной степени автономные плана - собственно лингвистический (или грамматический), логико-семантический и предметно-образный" (5-32). Перевод фразеологизмов,пословиц и поговорок требует особого подхода. Дословный перевод единиц фразеологической системы приводит к искажению смысла выска-

зывания в целом. В основе передачи фразеологизмов лежит понятие, выраженное им в целом, а при передаче пословиц и поговорок мы исходим из ситуации,обозначаемой пословицей или поговоркой. Фразеологизмы, пословицы и поговорки передаются на арабский язык путём адекватности или эквивалентности, или описательным образом. Под адекватностью понимается полное соответствие между русской и арабской фразеологическими единицами.Например :БРАТЬ НА СЕБЯ اخذ على عاتقه ,ИГРАТЬ РОЛЬ لعب دورا ДУШОИ И ТЕЛОМ قلبا و قالبا
Эквивалентность означает также полное соответствие,но не исключается возможность различия в плане образа,выраженного фразеологической единицей,например : ОТБИТЬСЯ ОТ РУК شق عصا الطاعة НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ تحككت العقرب بالافعى .

Существует ряд фразеологических единиц, связанных с действительностью лишь одного народа.Таковы,например,фразеологизмы БЕЛЫЕ МУХИ , БАБЬЕ ЛЕТО и т.д. Такие фразеологизмы передаются на арабский описательно.

Иначе обстоит дело с крылатыми выражениями.В силу своего книжного происхождения крылатые выражения переводятся дословно при указании на автора крылатого выражения.

Как известно семантический уровень пересекает все другие уровни языковой струк -

-туры, поэтому семы рассматриваются в рамках вышеуказанных единиц разных уровней. Однако, выделяются и единицы перевода - аллосемы. Под аллосемами - единицами перевода понимаются вариации значения слова. Так, выступая в переносном значении, глагол " услышать " выделяется из следующего высказывания как аллосема: " Кузьмин поцеловал её и почувствовал тот же слабый запах духов, что впервые услышал в тёмной комнате под шорох дождя". (К. Паустовский, "Дождливый рассвет").

Помимо вышеперечисленных единиц перевода обнаруживаются другие лингвистические и экстралингвистические элементы. К этим элементам относится порядок слов. В художественном произведении порядок слов может носить стилистическую окрашенность. Такая окрашенность наблюдается в следующем высказывании: " В Наволоки пароход пришёл ночью" (К. Паустовский, " Дождливый рассвет"). Кроме стилистической окрашенности автор хочет подчеркнуть, что пароход пришёл в этот порт только ночью, что подтверждается дальнейшим повествованием: " Глупо, что пароход опоздал и пришёл ночью",- подумал Кузьмин". (К. Паустовский, "Дождливый рассвет").

Такие смысловые сдвиги, порождённые порядком слов, принимаются во внимание при воспроизведении соответствующей синтаксичес-

кой конструкции в арабском языке. Кроме порядка слов большую роль в выборе эквивалента и синтаксической конструкции в языке перевода играет интонация.

Иногда автор указывает на характер интонации: "Умри,несчастная!! Во второй раз говорю!- свирепо крикнул жених" (В.Шишков, "Спектакль в селе Огрызове"). А иногда интонация подразумевается самой ситуацией,например: (Павел Мохов нашёл Федотыча,который должен быть суфлёром в спектакле в бане.Увидев Мохова,Федотыч сказал:)

-"Павлуха,ты? Скидывай скорей портки да рубаху! Жару много,брат!.....

-Спектакль ! Старый идиот! Спектакль ведь! (там же).

Подразумеваемая здесь интонация диктует необходимость употребления лексических средств для выражения спокойного тона Федотыча и порыва гнева Мохова.

К таким элементам относится также модальность, которая обычно выражает оценку описываемой ситуации (например, модальные слова и словосочетания типа скорее всего,пожалуй, наверное и т. п.); стилистическая характеристика слов. В художественном тексте стилистические элементы,связанные с отдельным словом применяются для социально-психологической характеристики персонажа и его ре-

чи. Так, в рассказе В. Шишкова "Спектакль в селе Огрызове" встречаются слова: АНТРАХТ, АХТЁР, УЖАСТИ,КАСАЕМО,БАШКА,ПОШТО, которые указывают на местные черты в образе персонажей. При переводе на арабский стилистически окрашенные слова должны также найти аналогичные соответствия.

Художественная литература есть искусство - этим определяется сложность перевода такой литературы. Достижение полноценности перевода невозможно без анализа переводимого художественного текста и выделения смысловых компонентов его содержания. Отсюда и необходимость анализа художественного текста. Данный анализ основывается на особенностях русского и арабского языков. И безусловно,то, что является единицей перевода с русского языка на арабский может не быть единицей при переводе на английский или французский. Тут сказываются типология языков и принадлежность их к той или иной генетической семье. Типология языков и принадлежность их к той или иной генетической семье "оказывают сильное влияние на процесс и результат перевода. Это влияние особенно чувствуется, если языки оригинала и перевода имеют разную типологию"(6-201). В этом отношении создаётся разноплановость единиц перевода в разных языках. Поэтому единицы перевода при анализе

текстов двух генетически родственных языков отличаются от подобных им при анализе текстов генетически разных языков.

Анализ художественного текста способствует уяснению содержания текста и даёт возможность отыскать соответствия в языке перевода, творчески находить новые решения в том случае, если нет соответствий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комиссаров В.П. Слово о переводе, Изд-во "Международные отношения", М., 1973г.
2. Конрад Н.И. "Система языкового выражения" и теория перевода. Сб.Мастерство перевода, 1973г., М., Изд-во "Советский писатель".
3. Фёдоров А.В. Основа общей теории перевода, 3-е издание, Изд-во "Высшая школа", М., 1968г.
4. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода, Изд-во "Высшая школа", М., 1964г.
5. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише), Изд-во "Наука", М., 1970 г.
6. Сильников А.Н. Некоторые вопросы, связанные с переводимостью, "Проблемы лингвистического анализа". Сб.ст., Изд-во "Наука", М., 1966г.

ETYMOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE BASIC INTERJECTIONS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

By

Dr. MOHAMMED ABD EL AZIZ MOHAMMED ALI

МУХАММЕД-АЛИ М.А.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВНУТРИ ПЕРВООБРАЗНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ А!, О!, У!, Э!, И! И ОБРАЗОВАННЫХ ОТ НИХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение этимологических связей внутри первообразных междометий А!, О!, У!, Э!, И! и междометий образованных от них в современном русском языке может дать ценнейший материал для освещения ряда вопросов, связанных с определением места этой группы слов в лингвистической литературе. Этимологические связи внутри такой группы слов мы устанавливаем,в основном, по грамматикам и словарям русского языка, так как специальных исследований в этой области не существует. При этом необходимо подчеркнуть, что этимологические словари содержат очень мало информации по этому вопросу.

Если в русской лингвистической науке прошлого встречались многочисленные замечания, посвещенные происхождению междометий и изуче-

нию смысловых и конструктивных связей внутри первообразных междометий, то в настоящее время интерес лингвистов к этой проблеме в значительной мере ослаблен. Мы можем назвать лишь весьма интересные и плодотворные замечания В.В.Виноградова [I.] и Н.М.Шанского.[2.]

Первые замечания о происхождении первообразных междометий в русской лингвистической литературе были сделаны И.Орнатовским. Однако И.Орнатовский, связывая эти междометия с вопросами происхождения языка, пишет: " Первоначальное основание языка человеческого состояло без сомнения в тех грубых, случайных восклицаниях, которые изторгают у нас какое-нибудь внезапное, быстрое движение сердца, и, которые не представляют собой никакого ясного понятия, хотя и открывают путь к приобретению оного." [3.]

Развивая вопрос о происхождении междометий Н.И.Греч считает,что междометия появились

I. В.В.Виноградов. Русский язык, изд.2-е,изд-во "Высшая Школа", М., 1972 г., стр. 590.

2. Н.М.Шанский. Этимологический словарь междометий, в жур. " Русский язык в школе ", 1967 г., № 2, стр. 49.

3. И.Орнатовский. Новейшее начертание правил русской грамматики, на началах всеобщей основанных, Харьков, Университетская типография, 1810 г., стр. 215.

раньше всех других слов, выражая чувства и эмоции повышением или понижением тона гласного звука. Затем к этим гласным звукам присоединялись согласные и таким образом образовались современные междометия. "... В самом начале,- пишет Н.И.Греч,- возбуждались в человеке одни телесные чувствования и для выражения ощущений, производимых сими неясными впечатлениями употреблял он несвязанные и невольные восклицания ... например, радость, удивление "а", "э"; смех "и", внезапность "о", страх "у". Потом к этим гласным звукам присоединялись согласные по мере создания и развития человеческого общества. Таким образом образовалось большое количество современных междометий".[4].

Таким образом, междометия А!, О!, У!, Э!, И! существовали раньше других междометий и являлись средством выражения разнообразных чувств и переживаний говорящего повышением и понижением тона гласного звука /по выражению Н.И.Греча/.

Следовательно, первый признак отличающий эту группу междометий от остальных групп, заключается в том, что они по своему происхождению лишены номинативного значения. Поэтому они являются основой для выражения разнообразных чувств, переживаний и настроений говорящего

---

4. Н.И.Греч. Пространная русская грамматика, т. I, изд. 2-е, Санктпетербург, 1930, § П.

при помощи богатой интонации. Состав фонем также, как интонация имеет большое значение в смысловом отношении. "Не подлежит сомнению, что гласные фонемы русского языка в разной степени способны выражать эмоции. По-видимому, наиболее однообразна эмоциональная окраска звуков [у] и [и], - пишет В.В.Виноградов.[5] Таким образом, значение этой группы междометий раскрывается интонацией, жестом, составом фонем и текстом. Однако, следует отметить,что интонация, жест и контекст просто уточняют значение этих междометий в определенном употреблении, а состав фонем дает возможность получить то или иное значение, сочетаться с другими звуками, образуя разные варианты и часто новые междометия.

Не подлежит сомнению, что междометия А!, О!, У!, Э!, И! явились основой позже образованных междометий Ай!, Ой!, Уй!, Эй!, Ий! при помощи присоединения к ним полугласного звука й : Ай! /А + Й/, Ой! /О + Й/, Уй! /У + Й/, Эй! /Э + Й/, Ий! /И + Й/ ; Ах!, Ох!, Ух!, Эх!, Их! при помощи присоединения к ним согласного х : Ах! /А + Х/, Ох! /О + Х/, Ух! /У + Х/, Эх! /Э + Х/, Их! /И + Х/. В своем "Этимологическом словаре русского языка" А.Г.Преображенский приводит междометия "ого", "ой", "ох"

---

5. В.В.Виноградов. Русский язык, изд. П-е,изд-во "Высшая Школа", М., 1972 г., стр. 590.

в статье о междометии "о!" [6] и междометия "эй!", "гей!" и "эх!" в статье о междометии "э!" [7], что свидетельствует об их этимологических связях.

Кроме того, от второобразных междометий "Ах!", "Ох!", "Ух!", "Эх!", "Их!" образовались новые междометия и варианты при помощи присоединения к ним "-ма" и "-ти", как Ахма! /Ах + ма/, Охма! /Ох + ма/, Ухма! /Ух + ма/, Эхма! /Эх + ма/, Ихма! /Их + ма/, Ахти! /Ах + ти/, Охти! /Ох + ти/, Ухти! /Ух + ти/, Эхти! /Эх + ти/, Ихти! /Их + ти/. По мнению М. Фасмера "-ти" следует объяснить также, как "-ать" в словах "ахать" и "охать".[8]

Существует в диалектах еще такие междометия, образованные от "Ах!", "Эх!" и "Ух!" при помощи присоединения к ним "-ма-к", "-ма-х" и "-ва", как "Ахмак!" /Ах + ма + к", "Эхмак!" /Эх + ма + к/, "Ухмак!" /Ух + ма + к/, "Ахмах!" /Ах + ма + х/,"Эхва!" /Эх + ва/.

Круг образований новых междометий на основе междометий "Ахти!", "Охти!", "Ухти!",

---

6. А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1959, стр. 624.
7. Там же, т. II, стр. 125.
8. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, изд-во "Прогресс", М., 1964 г., стр. 97.

"Эхти!" в русских говорах очень широк. Эти новые образования нуждаются в специальном исследовании и заслуживают особого внимания, потому, что они в значительной степени объясняют структурные особенности междометий и проливают свет на многие стороны их истории /этимологии/. Так, на базе междометия "Охти!" образуется целая группа различных слов, которые можно обнаружить в областных говорах, например: "Охти мнечиньки!", "Охти тошненько!","Охти-мнеценьки!", "Охти-мнененьки!", "Охти-мнечушки!", "Охтеньки!".[9]

Интересны и новообразования от "Ахти!", "Охти!", "Эх", "Их!" с помощью суффикса -ньки, как-то: "Ахтиньки!" /Псковское, Смоленское/, выражающее удивление или страх[10], "Охтеньки", "Эхоньки!", выражающие упрек, негодование и неудовольствие[11], "Ихоньки!" /Новгородское, Горьковское/ — "специфически девичий возглас восторга[12], "Охтеньки!" /Смоленское/,которое

9. Картотека словаря русских народных говоров, Институт русского языка АН СССР, Ленинградское отделение. Далее КСРНГ, ИРЯ АН СССРЛО.
10. Картотека "Словаря современного русского литературного языка", ИРЯ АН СССР, Ленинградское отделение, далее КССРЛЯ ИРЯ ЛО.
11. АН СССР ЛО КССРЛЯ ИРЯ.
12. КСРНГ ИРЯ АН СССР ЛО.

употребляется в значении "ахти!, охти!, ох! и ах"[13], а также с помощью суффикса " -<u>чки</u> ", как то: "Охточки!"[14].

Не менее важен процесс образования новых междометий при помощи соединения двух первообразных междометий: "<u>Ага</u>!" /А! + А!/ — собственно-русское образование, возникшее из удвоения междометия "а!" с последующим развитием интервокального "г" сначала фрикативного, потом взрывного [15]; "Ого! /О! + О! — с интервокальным "г"/, Ау! /А! + У!/ [16]; Угу! /У! + У!/ ; Эгэ! /Э! + Э!/ — последнее "Э!" произносится между "э и е , поэтому часто пишется "е". Рассматривая междометие " ого!" М. Фасмер пишет, что оно "возможно, расширено из "о!" по мнению Преображенского".[17]

В следующей таблице делается попытка установить этимологические связи в этой группе первообразных междометий и принцип их образования, от которого, в большинстве случаев, зависит их смысловые связи.

---

13. КСРНГ, ИРЯ АН СССР ЛО.
14. КСРНГ, ИРЯ АН СССР ЛО.
15. Н.М.Шанский, В.В.Иванов, Т.В.Шанская.Краткий этимологический словарь русского языка, изд-во "Просвещение", 1971, стр. 23.
16. Н.М.Шанский. Этимологический словарик междометий, в жур. "Русский язык в школе", № 2, 1967 г., стр. 49.
17. М.Фасмер. Указ. словарь, т. III, стр. 118.

I	2	3	4	5	6	7
о	ой	ох	охти { охти мнечиньки охтимнечиньки охти тошненько охти-мнеценьки охти-мнененьки охти-мнечушки охтеньки } охохонюшки охтеньки охточки охма	ого	го	ога
а	ай	ах	ахти ахте ахма { ахмак /ах-мак/ ахмах ахх-мах } ахтиньки ах-ян	ага	га	аой I8 ау аух аук
у	уй	ух	ухти ухма ухмак	угу уго угум	гу	ауй I9

I	2	3	4	5	6	7
э	эй	эх	эхти эхтихти эхва эхма { эихма / эхмак } эхоньки	эгэ эге эгей	гэ	
и	ии	их	и-их ихма ихоньки ихты /их-ты/	/и и/	ги	

I8. Междометие "Аой!" /смоленское/ выражает изумление, горе /см. Словарь русских народных говоров, Академия Наук СССР, вып. I, составил Ф. П. Филин, М.-Л., I965 г., стр. 264/.

I9. Междометие "Ауй!" /донское/ употребляется в значении "Да, а ну!", "Аук!" /псковское/ выражает удивление и междометие "Аух!"/новгородское/ выражает удивление, изумление: "Аух! Его уж и поминай как звали."/Указанный словарь, стр. 293/.

Смысловые содержание каждого междометия тесно связано с содержанием первого междометия, являющегося основой их происхождения. Так мы найдем много общего в смысловом содержании между "а!" и "ай!", "ах!", "ага!", "га!; "о!" и "ой!", "ох!", "ого!", "го!"; "э!" и "эй!", "эх!", "эге!", "ге!"; "у!" и "уй!", "ух!", "угу!"; "ах!" и "ахти!", "ахма!", "ахмах", "ахмак!"; "ох!" и "охти!", "охма!", "охма!"; "эх!" и "эхти!", "эхма!", "эхва!" и т.д. Сближаются также и междометия, имеющие один и тот же согласный, как: "ах!", "ох!", "ух!", "эх!", "их!"; "ай!", "ой!", "эй!", "ий!"; "ага!", "ого!", "угу!", "эге!".

Словари русского языка очень часто отмечают смысловое сближение междометий, этимологически связанных по своему образованию. Для иллюстрации мы рассмотрим междометие "а!" и производные от него по словарям русского языка. "Междометие "а!" употребляется в значении — "ах!", "ахти!", "ай!" /В.Даль, Сл., т. I/; "по значению близко к междометиям: "ага!","ах!" /Словарь совр. русского лит. яз., т. I/; междометие "ай!" в значении "ой!", "ах!", "а!" в примерах: Ах /ой/, больно. Ай /ах/, как испугался. Ай /а/, неужто? /В.Даль, Там же/; "При неожиданном болезненном ощущении /вм. "ой!"/" /Словарь совр. русского лит. яз./; междометие "ах!", как уже говорилось выше, сближается с "а", кроме того является смысловым источником

ряда междометий, образованных от него в диалектах русского языка, например: " ахти! " , /употребляемое почти повсеместно/, "ахти-хти" /вологодское/ [20], "ахте!" /архангельское/ [21], "ахма!" /пермское, владимирское/, "ахтеньки!" /псковское/ [22]. При объяснении этих междометий в указанных словарях часто употребляется такая фраза: "то же, что ах". Таким образом, "ахти!", "ахти-хти!", "ахте!", "ахма!", "ахтеньки!" можно не только считать позднейшими образованиями "ах!", но и его смысловыми вариантами. Подобным образом и междометия "ахмак!" /нижегородское/ и "ахмах!" /тифлисское/ имеют единый смысл с междометием "ахма!", от которого они произошли. В "Словаре русских народных говоров, вып. I-й, 1965 г.", "ахмак!" и "ахмах!" объясняются указанием — "то же, что "ахма".

В "Словаре совр. русск. лит. языка в 17-ти томах" отмечается полное смысловое сходство /соответствие/ междометий "охти!", "эхва!", "эхма!" своему источнику: "Охти", межд. Простореч. То же, что "ох" /т. 8 , стр. 1776/ ;

---

20. Словарь русских народных говоров, вып.I-й, составил Ф.П.Филин, М.-Л. 1965, стр. 298.
21. Там же, стр. 297.
22. Псковский областной словарь, вып. I-й,ЛГУ, 1967 г., стр. 76.

"Эхва, межд. Просторeч. То же, что "эх"/в первом знач./", то есть выражает чувства сожаления, досады, озабоченность, упрек, восхищение и т.п." /т. I7, стр. I963-I964/; "Эхма, межд. Простореч. То же, что "эх" /в первом знач. / /Там же, стр. I964/.

Следует также отметить общеизвестный способ образования новых междометий путем повторения целого междометия или увеличения длительности произношения гласного звука. "Повторение, разнообразное интонационное варьирование гласного звука междометия или целого соответствующего односложного междометия ведет к образованию новых междометий с иными значениями /ср.: а-а-а!, ой-ой-ой!, ох- ох ох!, о-ох!, ай-ай-ай! и т.п./"— пишет В.В.Виноградов.[23] Иногда же повторяется только второй слог: эге-ге, ого-го-го, эхма-хма-хма, ахти-хти-хти и т.п. или перестановкой гласного и согласного: их-хи-хи, ох-хо-хо.[24]

Отсюда, по-видимому, и образовались междометия "хо!", "го!", "го-го!", "га!", "гу!",

---

23. В.В.Виноградов. Русский язык, изд. 2-е,изд-во "Высшая Школа", М., I972 г., стр. 590.
24. См. А.И.Германович. Междометия русского языка /пособие для учителя/, изд-во "Радянська Школа", Киев, I966 г., стр. 75.

"ге!", "гэ!", "ги!" и другие. Эти междометия выражают удивление, восхищение, неудовольствие, предупреждение и т.п., например: " -Ты, отец, не садись туда: это инкубатор. Наделаешь нам задохликов, да и штаны пожжешь. — Хо, подивился Федот, оставаясь стоять, - естеству насильство. Какая ж у тебя птица-т машинная вылупится?..." /Л. Леонов, "Соть", гл. Ш, П/; "- Эй братушки, вы куда ж это? — К куме на крестины. — Га-га-га-га! /М.Шолохов, "Тихий Дон", кн.I, ч. X/; "— Го... да тут целая собачья свадьба наехала! - проговорил он /Бучинский/ сердитым голосом, возвращаясь в контору за сапогами и халатом". /Мамин-Сибиряк,"Золотуха", УП/; "-К чему я это, правда, сказал? - проговорил он /Петька/ с недоумевающей улыбкой. — А все-таки есть смысл. — Какой же? — Го-Го! ...Какой! Свобода вероисповедания, - из-за нее в средние века сколько войн происходило". /В. Вересаев, "Без дороги"/; "— Ге-ге-ге!. Это нужно вперед знать, — сказал Петька, почесав за ухом" /Там же, ч. I/; "—Меня - то? Ге-ге! В тифозных госпиталях живал - не заражался, а у вас вдруг заражусь! Хе-хе..." /А.Чехов,Гость/.

Следует различать междометия " хо-хо!", "го-го!", "ге-ге!", образованные путем повторения междометий "ох!", "ого!" и "эге!" от по-

добных же, образованных путем подражания звука смеха.

В разговорной речи, а также и в современной художественной литературе получают распространение новые междометия, образованные из двух междометий, исключая отмеченные нами выше: "Ау!" - /А! + У!/, "Аух!" /А! + Ух!", "Ауй!" /А! + Уй!/, "Аой!" /А! + Ой!/, можно встретить "О-у!" /О! + У!/, "И-эх!" /И! + Эх!/, "Ай-ю-у!" /Ай! + У! + У!/, "Ай-э!" /Ай + Э!/ и т.п. Например: " — О-у, дьявол - рычал Артамон, отвалясь к стене, выпятив нечеловечески широкую грудь"./М.Горький, "Голубая жизнь"/ , " —Эх, горы да овражки... -по-ямщицки вздохнул Николка, отпуская вожжи, ровно никого не было впереди. - И-эх, леса темные! - еще унывней повторил он, а Таня подумала, что, верно, и дед Николкин то же самое покрикивал, ведя сквозь ночь почтовую тройку". /Л.Леонов, Вор., ч. П, гл. IX/, "Думала - задохся, сварился старик в пару, а он из избы как улюлюкнет : — Ай-ю-у, старая!" /Н.Ляшко, "Бездетка"/, "— Вот не ждал! - кричал Мартемьянов. - Тьфу, черт! Да как же это ты?... Вот ты, господи!.. А незнакомец по-детски улыбался и все повторял: — Ай-э, Филипп ... Айя-хе-е ..." /А.Фадеев, Последний из Удэге, т. I, гл. П/, "Потом Саве-

лий поставил на песчаной могиле учителя камень и, глядя, как ветер стряхивал на него с клена золотые с киноварью листья, хмуро сказал: –Вот и все... Эх-а-а, а старался". /Н.Ляшко, "В разном", гл. I, 4/.

Многие междометия этой группы передаются на письме условно, так как буквами на бумаге невозможно передать все звуки, употребляемые для выражения подобного чувства. Например, буква "г" в междометиях "ага!", "угу!", "ого!" , "эге!", "га!", "го!" и т.п. обозначает звук , который произносится с придыханием /В. Даль , Словарь, т. I/ близкий к арабскому [ع] или к английскому [h] : ha ha! и т.п. В художественной литературе довольно часто встречаются ремарки авторов, уточняющие звук, так как от этого во многих случаях зависит смысл междометия и отличие одного от другого. Например: "И, открыв страшный рот свой, возчик трижды охнул: — О-хо-хо! Это был звук средний между о и у, он напоминал гул зимней вьюги в трубе печи, заставил Миронова пугливо съежиться, спрятать голову в плечи и сказать негромко: — Ты сильнее его". / М.Горький, "Голубая жизнь"/, "— . .. у-у-у! - со злобой прогудел он /Витька/, — Смерть как я его не терплю!" /К.Федин,"Братья", "Утраты", гл. II/.

Эта группа междометий отличается от других групп не только своей этимологией и "смысловой диффузностью", по выражению В.В.Виноградова, но и смысловыми функциями. Междометия этой группы лишены устойчивой, постоянной интонации, то есть вне предложения или контекста они не несут в себе какого-либо определенного смысла.

В каждом отдельном случае смысл этих междометий зависит от интонации. Например: "Ах, конечно, конечно!... — воскликнула обрадованным голосом адмиральша, видевшая, что ее дорогой друг не очень рассердился" /А.Писемский, "Масон", ч. I, УП/, "— Тоже к нам ожидают, — сказал лакей. — О-о-о! - сказал мужик полуодобрительно, полуудивленно" /Л.Толстой, "Кто прав?"/, " — А!... - обрадовались собеседники" /Г.Успенский, "Из деревенского дневника", Ш/, " — У-у, подлец грязный! - с отвращением воскликнула она, и трепет пробежал по ее телу". /В.Вересаев, "Два конца"/.

А.И.Германович объединяет эту группу с некоторыми другими и определяет ее как "междометия, значение которых определяется интонацией.[25] Однако, одной интонацией часто совер-

---

25. А.И.Германович. Междометия как часть речи, в жур. "Русский язык в школе", № 2, 1941г.

менно невозможно раскрыть смысл этих междометий, но она играет лишь вспомогательную роль. Это дало А.А.Шахматову право характеризовать подобные междометия с точки зрения их смысловых функций, как междометия, значение которых не во всех случаях их употребления зависит от интонации. "Иногда эти различные значения отражаются в соответствующей интонации, а иногда о различном значении для говорящего того или другого междометия можно узнать только из тех условий, при которых вырвалось данное междометие; сравните радостное "ах!" в "ах, как приятно!"; угнетенное: "ах, как страшно!"; возмущенное: "ах, как грубо!".[26]

В этих предложениях, приведенных акад. А.А.Шахматовым, значение междометия определяется поясняющим предложением, а не интонацией. Иногда для раскрытия смысла необходимо целый текст. Например, " — Но где найден убитый ? " снова принялась она / grandige Frau/ расспрашивать. — Верстах в пятнадцати отсюда, знаешь как спуститься с горы от Афанасьева к речке, на мосту он и лежит с необыкновенно кротким и добрым выражением в лице, — Эх..." /А.Писемский, "Масон", ч. I, УП/. " — Стыдно, стыдно,

26. А.А.Шахматов. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, Л., 1941 г., стр. 507, /§ 591/.

срами меня. Стыд - что! За Петеньку горько. Ах, непутевая, нескладная, чего натворила!.." /В.Кочетов, "Товарищ агроном", ч. I, гл. 4/.

Е.М. Галкина-Федорук утверждает,что "чувство передает не только междометие /первообразное/, а все предложение в целом, его целевая направленность, интонация, жест и мимика, междометие лишь усиливает и подчеркивает содержание, заключенное во фразе. Например, в предложении "Ох, силы нет... устала грудь" /Пушкин/ сомнение выражается не только междометием "ох", но и всем лексическим содержанием самого предложения и интонацией.[27] С этим нельзя согласиться, так как междометие "ох" в приведенном проф. Е.М.Галкиной-Федорук примере выражает общее душевное состояние героини, а интонация, мимика, жест и все предложение уточняют его смысл. И даже наоборот, значение "ох" гораздо шире и объемнее предложения "силы нет ... устала грудь", то есть предложение это не в состоянии передать весь смысл, вложенный в междометие.

Интонация иногда играет немалую роль в

---

27. Е.М.Галкина-Федорук. Глава "Междометие",в учебн. "Современный русский язык", под ее редакцией, МГУ, 1964 г., стр. 241.

определении смысла этой группы первообразных междометий. Это в основном в тех случаях, когда за междометием не следует предложения, раскрывающее его смысл. Например: "Ого! - сказал писарь и помощник, прочитав содержащиеся в конверте бумаги" /Г.Успенский, "Из деревенского дневника"/. Здесь междометие "ого!" в зависимости от интонации может выражать удивление, восхищение, восторг, испуг.

Существует междометия, содержание которых трудно понять без контекста. Например,междометие "эй!" в большинстве научных работ, а также словарях отмечено как: "I. возглас, которым откликают, подзывают кого-либо, обращаются к кому-либо; 2. возглас, которым предостерегают, предупреждают кого-либо.[28] Авторы считают, что "эй!" является междометием, однако, примеры приводятся такие, в которых "эй!" употребляется в качестве частицы обращения.Но для полного раскрытия значения "эй!" как междометия, как правило, недостаточно одной интонации, необходим и поясняющий ее контекст. К примеру, "эй!" в следующих предложениях выражает удивление, восхищение, угрозу, упрек,

28. Словарь современного русского литературного языка, АН СССР, изд-во "Наука", т. I7, М.-Л., 1965 г., стр. I73I.

предостережение, злобу, неудовольствие, предупреждение и т.п.: "Они осмотрелись и полюбили пропахшие порохом и полынью наши степи. Скоро они говорили — Эй! И у нас такой бугор есть. И у нас такой камень есть. И у нас такой сад есть. Только у нас сад больше" /Б. Горбатов, "Военные годы", "Письма к товарищу", 2/, "Эх, немец, немец! - произнес он /Куликов/ сквозь зубы. — Добрый я. Это ты верно угадал. Ко всякому живому существу добрый я человек. Но только ты мне под руку не попадайся. Эй, не попадайся! К тебе у меня доброты нет" /Б.Горбатов, "Военные годы", "Алексей Куликов, боец", 3/, ".... Оглянись-ка, Федорыч! посмотри, сколько их стоит за тобою! и гордость, и злость, и неправда, и убийство, и всякое несчастие ... Эй, Федорыч! не губи себя, голубчик! отрекись от этих друзей, не бери их с собою! Ведь двери -то на небеса не большие - с такой оравой туда не пролезешь!" /Загоскин, "Юрий Милославский", ч. Ш, гл. УП/, " — Пожечь его... и все место его пожечь, шершневую колоду! — Эй, скольких людей разорил... Выглянь, мы в тебя плевать будем". /Л.Леонов, "Соть", гл. 5, У/, " Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло. — Эй вы, Фукс, - говорю я, - какой вы,

к черту, матрос?" /А.Некрасов, "Приключение капитана Врунгеля", гл. У/.

Часто междометия этой группы употребляются для выражения во многом неясных, сплетенных чувств. В этом случае междометие служит как бы быстрой реакцией на неожиданное действие или неожиданный поступок и произносится с неопределенной интонацией, без поясняющего предложения. В художественной литературе после такого междометия как правило следует описание душевного состояния героя.

Например: " — ну, а у меня с ней, -перебил меня "иностранец" - одни интересы. — А! — Это "а" я произнес, как я думал, самым пренебрежительным тоном. Но в то же время я чувствовал, что я совершенно сконфужен, и не только сконфужен, а даже как будто еще и завидую этому, обуяненному всяческими мелкими "интересами" и всякими пустяками, человеку... Да я завидовал ему и позавидовал тому , что он мог сказать такие слова, позавидовал и почувствовал еще большее раздражение и злость. Сказав "а", я не находил ни единого слова, которое мог бы прибавить к нему; слова : "у нас с ней интересы одни" лишили меня всякой возможности посмеиваться и иронизировать, и я, как самый плохой провинциальный актер, с самым фальшивым

иронически дрожанием в голосе, с великим трудом мог произнести после значительного молчания: "А! - ну, это другое дело... Но все-таки уж чересчур что-то... Я не знаю..." /Г.Успенский,"Новые времена, новые заботы, 8/, "Обломов обнял его, крепко прижимаясь к нему. —Ах! —произнес он в ответ продолжительно, излив в этом "ах!" всю силу долго таившейся в душе грусти и радости и никогда, может быть, со времени разлуки не изливавшейся ни на кого и ни на что" /Гончаров, "Обломов", ч. IУ, гл.9/.

К этой группе, наравне с междометиями"га!", "го!", "ге!", надо отнести такие междометия, как "тэ-тэ-тэ!", "эк!", "эко!", "эка!", "ба!", "ху!" и другие. Эти междометия образуются путем добавления согласного звука к междометиям "а!", "о!", "э!", "у!". Тэ-тэ-тэ! /Т + Э!/; ба! /Б + А!/; ху! /Х + У!/; эк! /Э!+ К/; эко! /Э! + К + О/; эка! /Э! + К + А/; эво! /Э! + В + О/;эва! /Э! + В + А/. Семантическая взаимосвязь между "Б!" и "А!", "Ху!" и "у!","Тэ-тэ-тэ!" и "Э-э-э!", "Эк!" и "Э!" несомненна. Сравните:"Клеопатра: Я очень люблю сельское хозяйство, хочу даже у себя делать шестипольную систему.....
— Б! (А-а!) да вы большая агрономка" /Писемский, "Боярщина", ч. П, гл. 2/, " На святках ночуют эти цыгане в степи, а укрыться нечем,

бреднем оделся, забрало до тонкой кишки - проснулся циган, палец-то в ячейку просунул и матери: " Ху! (У!) , маманя, гутарит, то-то на базу и холодина!... /Шолохов, "Тихий Дон", кн. I, ч. II/, " От террасы быстро прошла по дорожке Таня с простыней на плече и книгою под мышкой, — Тэ-тэ-тэ!... (Э-э!) Татьяна Николаевна! Это что же, вы только еще идете купаться? /В.Вересаев, "На повороте", III/, " — Выступило днище-то? — Эва! (Эх!) — еще третьего дня нелегкая его вынерла в полном параде..." /Г. Успенский, "Непорванные связи", III/, " — Я, брат, — говорит помощник самоуверенно: — и не таких свертывал в комок... — Эка! (Эх!) в живот-то пхнул..." /В.Вересаев, "Из деревенского дневника", I/.

Междометие "Эк!", которое, по нашему мнению, образовалось путем присоединения к междометию "Э!" согласного звука [К] , послужило звеном образований, совпадающих с ним по значению, таких, как "эка!", "эко!", "экой!".Эти междометия выражают удивление с оттенком досады и упрека, насмешку, сарказм, досаду, неудовольствие, презрение, гнев и т.п. Например : " — Эк, ведь ночь, и дороги не видать, а люди по адресу едут... — время от времени выражал удивление могучий старик слева с почтенной се-

дой бородой..." /Л.Леонов, "Вор", ч. Ш, гл.4/, " — Эка, дряни-то у тебя... выкинул бы, пройти негде. Копотное твое занятие, надоедное: сам себя по уху колотишь!" /Там же, ч. I, гл. 2/, " — Да что мне-то спрашивать? Ты старший-то у нас в доме, — отозвался было сначала лакей. — Экой, братец, какой ты глупый! — возразил ему метрдотель: — Я старший по буфету, а ты настоящий-то дамский выезной лакей". /А.Писемский, "В Водовороте", ч. Ш, У/, " — хорош, очень хорош, — раздумчиво сказал Увадьев. — Эк, шут предобрый, до чего дошел, а все впустую мотается твоя машина". /Л.Леонов, "Соть", гл.3, Ш/.

Вариантом "тэ!", "тэ-т!" является "тю!". Оно выражает удивление, разочарование, неудовольствие, недоумение, сильный гнев, упрек и т.п. Например: "— Тэ-тэ-тэ-тэ... То-то я все себя спрашивал: где слышал я эту фамилию... " /И.Тургенев, "Отцы и дети", 5/, "... Майя с наигранным испугом кричит: — Ой, не входите! Нельзя! — Тю, скаженная! - ворчит старик за дверью" /В.Даненбург, "Путь без причала", 23/, " — Тю, сдурела! Что ты, с привязу сорвалась? Тебя ишо не слыхали, короста липучая! Тоже, на отца шумит, пакость! — Пантелей Прокофьевич замахнулся на девку зипуном, и, вполголоса бормоча проклятия, вышел на баз." /Шолохов, "Тихий Дон", ч. 7, гл. ХУI/, " — Тю - разочаро-

ванно сказал Митька, увидев на светлом песке темного ерша"./Н.Никандров, "Береговой ветер", 4/, "Раиса: Далеко-то не уедите на вашем коньке! Вы — дрянь смешная... Червяков: Та-та-та! ... Прыть какая! Так нам не по дороге? Буслов или Червяков? /Гадает на пальцах/ Буслов!"/Леонов Л., "Унтиловск", дейст. 2, 9/.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы:

I. Как живые речевые единицы, междометия постепенно приобретают новые значения, изменяются по форме и часто образуют новые слова — междометия.

2. Первообразные междометия имеют свою этимологию, которую можно установить при изучении их образования и значения.

3. Первообразные междометия образовались не случайно, они создаются, подчиняясь определенным закономерностям, которые требуют особого исследования не только на материале литературного языка, но и говоров.

ON METHODS OF STUDYING SEMANTICS OF RUSSIAN LANGUAGE WITH ARAB STUDENTS

By

Dr. ALI ABO EL-FOTOH EL-SHEIKH

Али Абу Эль-Фотух
Ибрагим Эль-Шейх

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СЕМАНТИЗАЦИИ РУССКИХ СЛОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В АРАБСКОЙ АУДИТОРИИ

В научно-методической литературе по преподаванию иностранных языков отмечаются различные способы семантизации лексики неродного языка, многие из которых детально разработаны на основе современных лингвистических исследований/см., например, 2, 7, 10, 11, 12/. В настоящей работе рассматриваются специфические особенности использования некоторых из этих способов в процессе преподавания русского языка арабским студентам-филологам.

Одной из основных трудностей, возникающих при изучении неродного языка, является,как известно, преодоление интерферирующего влияния родного языка студента, в данном случае - арабского.Эта проблема встает перед преподавателем уже на первом этапе обучения студентов - при раскрытии номинативного и понятийного аспектов значения русских слов, поскольку здесь неизбежна двуязычная семантизация. При этом сравнительно легкой ока-

зывается семантизация той части конкретной лексики русского языка, элементы которой имеют однозначные соответствия в арабском языке, – здесь номинативный и понятийный компоненты значения слова практически совпадают, типа, стол – миндадатун; рука – зира̄ʿун; дом – манзилун и т.п.

Однако уже на этом уровне наблюдаются явления морфологической интерференции, в частности, в рамках грамматической категории рода. Так, некоторые существительные в русском и арабском языках, имея один и тот же денотат, относятся к разным грамматическим родам, например : книга /женск. р./ – кита̄бун /мужск. р./; ветер /мужск. р./ – ар-рӣху /женск. р./ и т.д., что затрудняет их усвоение и употребление в речи арабских студентов. Грамматическая интерференция такого рода влечет за собой искажения при конструировании словосочетаний с согласовательной связью моделей "прилагательное + существительное" или "притяжательное местоимение + существительое" типа *большой дверь, *мой дверь, *белый мышь, поскольку в арабском языке существительные ба̄бун /дверь/ и фа'рун /мышь/ – мужского рода.

При введении в лексикон студента русских слов из конкретной лексики, не имеющих прямых соответствий в арабском языке, наряду с описательным толкованием их значений, большую помощь в семантизации оказывает использование различных визуальных материалов /методический принцип наглядности/ – иллюстраций в учебниках и журналах,

фильмов и диапозитивов. Подобные же средства, строго организованные по степени увеличения сложности, с привлечением магнитофонных записей и пластинок используются и на последующих этапах обучения с целью повышения прочности усвоения языкового материала.

Особые трудности возникают в тех случаях, когда объемы понятий, выражаемых словами контактирующих русского и арабского языков, не совпадают /аналогичные явления для татарского языка отмечаются в "I"/. В качестве примера рассмотрим фрагмент лексико-семантического поля перемещения в пространстве, описываемый в русском языке глаголами движения идти и ехать.

Прямым значением глагола идти является значение "идти пешком", для обозначения же передвижения "не пешком" служит глагол ехать с необходимыми уточнениями, описывающими средства передвижения. Так, в случае передвижения верхом на каком-либо животном используется модель словосочетания /ехать (верхом) на (коне, верблюде, ..., слоне) /, а передвижение на каком-либо из видов транспорта обозначается словосочетанием, построенным по модели /ехать на (машине, метро, . . . , трамвае) /. Для арабской же аудитории различение смыслов слов идти и ехать затруднено интерферирующим влиянием иного способа семантического "картирования" описываемого фрагмента действительности в арабском языке, где используется один глагол со значением перемещения

йаз̱хабу, к которому в случае необходимости добавляется обозначение способа передвижения, например: йаз̱хабу ʿалā-л-к̣адāми буквально "передвигаться ногами"; йаз̱хабу ʿалā-л-джамали "передвигаться на верблюде", йаз̱хабу би-т-тирāми – "передвигаться на трамвае" и т.п. При этом использование глагола йаз̱хабу в сочетании со словами, обозначающими различные виды транспорта, имеет дополнительный оттенок значения "перемещение на близкие расстояния".

Лексико-семантические соответствия рассматриваемых глаголов идти, ехать и йаз̱хабу могут быть представлены в виде следующей таблицы:

русский язык				арабский язык	
Передвигаться	Идти /пешком/			ʿалā-л-к̣адāми	йаз̱хабу
	ехать	на животном /верхом/	на коне	ʿалā-л-джавāди	
			на верблюде	ʿалā-л-джамали	
			• • • • • • •	• • • • • • • •	
			на слоне	ʿалā-л-фӣли	
		на транспорте	на машине	би-с-саййāрати	
			на метро	би-л-метро	
			• • • • • •	• • • • • • • •	
			на трамвае	би-т-тирāми	

Указанными особенностями обусловлено неразличение семантики русских глаголов идти и ехать в речи арабских студентов на начальном этапе обучения, вызывающее ошибки типа *Я иду в университет на машине, *Он пришел на метро и т.п.

В свете изложенного представляется очевидным, что в процессе овладения неродным языком интерферентные искажения различных языковых уровней часто оказываются взаимообусловленными. В частности, морфологическая и лексико-семантическая интерференция влечет за собой нарушения на уровне словосочетания и предложения, что должно быть учтено в методике преподавания.

Установка на активное овладение русской лексикой арабскими студентами с целью общения на русском языке предполагает преимущественное использование одноязычной семантизации, т.е. раскрытие грамматических и лексико-семантических связей слов в системе русского языка, обусловливающих их правильное употребление и сочетаемость. С этой точки зрения интересной и важной для преподавания в арабской аудитории представляется, например, такая грамматическая категория, как вид глагола.

Как отмечает В.М.Солнцев, "между так называемыми лексическими и грамматическими значениями нет абсолютной границы" / "13", стр. 9/. Это утверждение в большой степени относится к смысловому противопоставлению завершенности/незавершенности действия /процесса/, выражаемому в рус-

ском языке морфемными средствами. Однако в речи, при описании реальной ситуации, это противопоставление может быть нейтрализовано при сохранении формальных категориальных признаков /см. об этом "6", стр. 45–46/.

В системе арабского языка грамматическая категория вида глагола отсутствует, однако это, безусловно, не означает невозможности адекватного выражения соответствующего ей смыслового противопоставления. На наш взгляд, здесь правильнее было бы говорить о неморфемных средствах выражения. Для сравнения приведем видо-временную парадигму предложения "Я читаю книгу". в русском и арабском языках:

Время	Русский язык	Арабский язык	Буквальный перевод
Н.	Я чинаю книгу /несов.в./	акра'у-л-китāба-л-āна	Я читаю книгу сейчас
П.	Я читал книгу /несов.в./ Я прочитал книгу/сов.в./	кара'ту-л-китāба лакад кара'ту-л-китāба	Я читал книгу Я кончил читать книгу
Б.	Я буду читать книгу / несов. в. / Я прочитаю книгу /сов. в./	сауфа акра'у-л-китāба са'антахӣ мин кирā'ати-л-китāби	Я буду читать книгу Я буду кончать читать книгу

Указанное несоответствие в средствах выражения создает значительные трудности употребления видовых пар русских глаголов, особенно в случаях их речевой актуализиции. Так, в речи арабских студентов даже на продвинутом этапе обучения вполне возможны высказывания типа *Я писал письмо вм. Я написал письмо, *ручка ломалась вм. ручка сломалась, *Я обедал вм. Я пообедал, *Я узнаю вм. Я знаю. И т.п.

В случаях, подобных описанному выше, необходимо, подробный сопоставительный анализ на формальном, семантическом и функциональном уровнях, результатом которого мог бы явиться ряд специальных упражнений, устраняющих влияние родного языка.

Такого же рода трудности возникают при обучении студентов-арабов правильному использованию пространственных предлогов и предложно-падежных конструкций с пространственным значением. Оставляя в стороне вопрос об их синонимии, сложности в обучении которой в большой степени аналогичны описываемым в работе Н.А. Василенко применительно к узбекской аудитории /"7"/, остановимся подробнее на моделях управления двух русских пространственных предлогов в и на. Эти предлоги многозначны - каждый из них может указывать либо место /где?/ , либо направление /куда?/ /мы не учитываем здесь их прочие значения, которые можно считать переносными, типа "цель действия" для в - сдать в

монтаж, "материал" для на – тесто на дрожжах и т.п./. При этом предлог в употребляется для обозначения места "внутри чего-либо" и направления /внутрь чего-либо", а предлог на – места "на поверхности чего-либо" и направления "на поверхность чего-либо". Эти значения манифестируются двойной синтаксической валентностью предлогов в и на – они требуют после себя либо предложного /место/ либо винительного /направление/ падежа.

В арабском языке для обозначения места употребляются два предлога: фӣ, соответствующий русскому в со значением "внутри чего-либо", и ʿала̄, аналогичный по значению русскому на – "на поверхности чего-либо". Направление же передается предлогом ила̄, в котором совмещены значения "внутрь чего-либо" и "на поверхность чего-либо". Все три предлога употребляются с одним падежом – предложным.

Русский язык			Арабский язык		
Место	предл. падеж.	в комнате на столе	фӣ-л-худжрати ʿала̄-л-миндадати	Место	П.
Направление	винит. падеж	в комнату на стол	ила̄ { -л-худжрати -л-миндадати	Направление	П.

Вследствие этого в речи арабских студентов

появляются конструкции типа *Студенты идут на университет, *Мой брат работает в заводе, *Дети играют в комнату и т.п., для устранения которых используются специальные упражнения из серии пособий по русскому языку для иностранцев.

Одноязычная семантизация лексических единиц русского языка путем раскрытия их парадигматических и синтагматических связей применительно к арабской аудитории должна быть предварена сопоставительным анализом таких системных явлений, как лексическая синонимия, антонимия, полисемия и омонимия. Остановимся на некоторых, на наш взгляд, достаточно сложных вопросах, связанных с указанными проблемами.

Синонимия

Традиционное арабское языкознание отмечает богатство лексики вообще и лексической синонимии в частности в классическом арабском языке. Профессор Де Наттег, например, собрал 5640 арабских слов, касающихся только семантического поля "верблюд". Подобные факты обусловлены большим числом диалектов арабского языка, каждый из которых внес свой вклад в его лексику.

Арабские лексикографы, например, Ал-Фирузабади, составитель четырехтомного арабского толкового словаря " Ал-Ка̄мӯс ал-мухӣт", стараясь сохранить полную картину языка, зафиксировали в словарях множество слов, обозначающих одни и те же предметы и явления действительности. Более

того, существуют работы, целиком посвященные синонимичным средствам выражения одного понятия. Например, Ибн-халавейх написал две книги: одну о названиях льва, другую – о названиях льва, другую – о названиях змеи. Ал-фирузабади посвятил различным названиям понятия "мед" книгу "Таркик ал-асал Ли тасниф ал-асал", где собраны 80 синонимов, обозначающих "мед".

Однако среди арабских лингвистов не существует единого мнения относительно природы синонимии и классификации синонимов.

По этому поводу существуют даже полярные точки зрения: некоторые лингвисты считают все слова, имеющие одно означаемое, равноправными членами синонимического ряда: другие, напротив, выделяют среди обширной группы слов одно-два обозначения, а прочие рассматривают как определения – прилагательные к ним, которые в конкретных ситуациях могут употребляться самостоятельно /субстантивироваться/. Последняя точка зрения утвердилась в современном арабском языкознании – ее придерживается, например, автор книги "Ал-музхир фи улуми-л-лугати..." ас-Суйути. Рассматривая синонимы к слову ас-сайф /сабля/, которых в арабском языке, по мнению Ал-фирузабади, насчитывается более тысячи, ас-Суйути пишет: "Существительное здесь одно – ас-сайф, все остальные названия – прилагательные" /"5", стр. 464/.

По нашему мнению, в арабской синонимике мож-

но найти ряд соответствий общепринятой классификации синонимов русского языка /см. "8"/, однако количественное соотношение групп синонимов будет различным. Так, в лексике литературного арабского языка в сравнении с русским языком, как уже говорилось, исключительно обширна группа идеографических и семантических синонимов. Однако большинство арабских идеографических синонимов должно быть, видимо, отнесено к разряду архаичных, поскольку в устной речи они малоупотребительны. Сфера их применения-классическая поэзия и проза, где они часто используются, например, для усиления значения. Так, в стихотворении :

Микаррин мифаррин мукбилин мудбирин маā
Кадӂулмӯди Сахрин ḫаттаху ассайлу мин али.

Поэтадоисламской эпохи Имруулькайса, описывая храбрость своего коня во время битвы, использует рядом синонимы микаррин, мифаррин, в переводе означающие "мчащийся", "летящий".

Более употребительные в речи семантические синонимы, актуализирующие какой-либо из смысловых оттенков основного значения слова. Это, например, синонимический ряд глаголов, описывающих различные способы "смотреть", приведенный в качестве примера в книге профессора филологического факультета каирского университета Али Абд ал-вахид Вафи "Языкознание" /I4/ , стр. I68, I69:

рамака - "смотреть во все глаза"
лахаза - "смотреть вбок, не поворачивая головы"
хададжа- "смотреть напряженно, с ненавистью"
шафана - "смотреть с брезгливым недоумением".

На основании изложенных замечаний можно сделать вывод, что хотя бы частичное овладение богатством синонимических средств русского языка, кроме постоянной работы над контекстами, в которых синонимы либо взаимозаменяемы, либо, наоборот, дифференцируются стилистически, предполагает уже некоторую предварительную теоретическую лингвистическую подготовку арабских студентов.

Полисемия и омонимия

Относительно лексической полисемии и омонимии в арабском языкознании существует вполне определенная теоретическая установка, согласно которой омонимия как лексическая категория понимается очень широко, вбирая в себя такие факты, которые в других языках квалифицируются как полисемия. Безусловно, вопрос о границах полисемии достаточно сложен. Представляется, однако, необходимой более тонкая дифференциация этого явления в лексическом составе арабского языка, для единиц которого, как и других языков мира, также характерно свойство вариативности, когда "как означающее, так и означаемое могут варьировать, оставаясь в пределах определенного ин-

варианта" /"9", стр. 273/. Для этого рассмотрим в качестве примера несколько слов, которые ливийский лингвист Абдалла Āл-Азази, автор книги "Языкознание" /3/, считает омонимами:

далӣл I/ – "тот, который показывает путь /проводник/"

далӣл 2/ – "тот, который ведет экскурсию /экскурсовод/"

далӣл 3/ – "книга, которую печатает бюро путешествий в каждой стране, чтобы туристы знали ее достопримечательности и маршруты к ним /путеводитель/"

Нетрудно заметить, что в указанных значениях четко прослеживается общий компонент – "показ пути". При этом далӣл I и далӣл 2 имеют еще один общий компонент значения – "лицо, указывающее путь", что позволяет с большой уверенностью квалифицировать их не как омонимы, а как разные значения многозначного слова. Далӣл 3 можно считать омонимом, который, в свою очередь, является полисемантическим словом – другое его значением является использование в качестве названия телефонного справочника, который содержит телефоны различных фирм, магазинов, скорой медицинской помощи и т.п. Таким образом, словарная статься к далӣл, по нашему мнению, может выглядеть, например, следующим образом:

далӣл I – I/ "тот, который показывает путь /проводник/";

2/ "тот, который ведет экскурсию/эк-

скурсовод/";

далйл 2 - 1/ "путеводитель по стране";

2/ "телефонный справочник".

Тем не менее арабский литературный язык содержит большое число "чистых" омонимов, происхождение которых связано либо с предельным расхождением значений многозначного слова, либо с фактами заимствований племенами отдельных слов, которые использовались затем для обозначения других предметов или явлений. Омонимия широко используется в арабской классической поэзии, для которой характерна одинаковая рифма для всех строк одного стихотворения. Интересный с этой точки зрения пример приводит профессор филологического факультета Дамасского университета Субхи ас-Салих в книге "Исследования по языкознанию" /"4"/:

Йауайха калби мин дауā ʿай алхауа
изā ракала алджӣрану ʿайнд ал-гурӯби
Атбаāтахим тарафи уакад азмаʿӯ
уадамʿу ʿайнӣ кафайды ал-гурӯби.

Обе сторчки стихотворения заканчиваются словом ал-гурби, однако из контекста становится ясным, что это два омонима: в первой строчке ал-гурӯб означает "закат солнца", во второй - "большое ведро, наполненное водой".

Как видим, даже на основании отдельных замечаний о характере системных лексических связей в русском и арабском языках можно рассмат-

ривать их сравнительное изучение как необходимую теоретическую основу для практики преподавания русского языка в арабской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

I. Агишев Х.Г. Лексико-семантическая интерференция в условиях двуязычия. "Русский язык в национальной школе", 1975, № 1.

2. "Актуальные вопросы обучения иноязычной речевой деятельности", сб., ч. I, М., 1974.

3. Ал-азази Абдалла. Фикху-л-лугати, Каир, "Дару аттиба'ати алмухаммадийати билазхари".

4. Ас-салих Субхи. Дирāсāтун фи фикхи эл-лугати, Дамаск, 1960 г.

5. Ас-Сиути. Ал-музхир фи 'улуми л-лугати, Каир, изд-во "Дāру ихйаа алкутуби ал'арабийати".

6. Ванников Ю.В. О некоторых актуальных проблемах семантики, "Проблемы семантики", М., 1974.

7. Василенко Н.А. Из опыта обучения студентов - узбеков синонимии пространственных предметов и предложно-падежных конструкций пространственного значения, уч. зап. Таш. пед. ин-та, 1974 г., том 144.

8. Галкина- Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык, ч. I, изд. МГУ, 1962 г.

9. Малаховский Л.В. О возможностях сравнительно-типологического исследования омонимии, в кн. "Проблемы семантики", М., 1974 г.

10. Мешко Ш. О семантизации лексики в преподавании иностранных языков, в жур. "Русский язык за рубежом", № 3, 1974 г.

11. Писаренко М.О. Лексико-грамматические упражнения как средство развития речи нерусских студентов, "Уч. зап. Таш. пед ин-та", 1974 г., том 144.

12. Рогова Г.В. О принципах обучения иностранным языкам, в жур. "Иностранный язык в школе", № 6, 1974 г.

13. Солнцев В.М. К вопросу о семантике или языковом значении, в кн. "Проблемы семантики", М., 1974 г.

14. Вафи Али Абд эль-Вахид. Фикху л-лугати, вып. 4, Каир, 1956 г.

ARABIC CULTURE AND PUSHKIN

By

Dr. MAHMOUD MAHMOUD EL-SHAZLY

Влияние арабской культуры на А.С. Пушкина

Махмуд Махмуд А.Эль-Шазли
кандидат фил.наук

"Пушкин А.С. лучше всего и больше всего знал именно Мусульманский Восток,причем в его время и Малая Азия,и Левант,и Египет со странами,Магриба,и даже часть Закавказья входили в одно государство - Османскую империю".I/

Мне кажется,что Пушкин больше всех других русских поэтов испытал влияние арабской культуры. На основе прочитанного материала я пришел к выводу,что причинами, обусловливающими влияние арабской литературы на Пушкина были следующие три фактора :

I.Принадлежность к африканскому роду /прадед Пушкина Ибрагим Ганибал из Северной Абиссинии /.

2.Арабская культура и ее влияние на весь мир.

I/См.подробно. Н.М.Лобикова "Пушкин и Восток".М.,1974,с.5 и дальше.

3. Большое количество переводов арабских произведений на русский язык в ХУШ и XIX веках.

Хотя и бессознательно, но первый фактор, на мой взгляд, сыграл основную роль в процессе влияния.

Пушкин хотел познакомиться с миром, связанным с происхождением его прадеда. Интерес Пушкина к африканскому континенту не ограничивался, разумеется, рамками истории его рода. Известно, что в годы южной ссылки молодой Пушкин, мечтая о побеге за границу, собирался "посмотреть Константинополь" и побродить под небом Африки. В творческих планах и замыслах поэта сохранились и другие упоминания об этой жаркой земле. Там, где "темная знойная ночь объемлет небо", должны были происходить, например, многие эпизоды из "Египетских ночей".

Противник крепостнических уз в России, Пушкин не только знал о тяжелой участи народностей Африки /"моей братии негров"/, но еще в 1824 г. искренне желал им скорейшего "освобождения от рабства нетерпимого", а потом он продолжал писать в "Литературной газете" и в "Современнике"I/.

I/. Д. И. Белкин. Тема зарубежного востока в творчестве А. С. Пушкина. Журнал "Народы Азии и Африки", № 4, 1965, с. 105.

Поэтому Пушкин жадно читал и знакомился с творчеством арабских писателей и русскими материалами об Арабском Востоке.

Пушкин познакомился с произведениями рус - ских писателей,написанными на восточные темы,как например,сатирическая повесть Крылова"Каиб",трагедия Ломоносова"Тамира и Селим".Внимательно читал журнал"Вестник Европы",в котором печаталось много материалов об Арабском Востоке."Восточные материалы в "Вестнике Европы"были весьма многообразны: эта описания путешествий,статьи,обзоры"Литературы и искусства,перевода образцов восточной поэзии и прозы - обычно французского языка,а иногда и с подлинника.В частности, внимание юного Пушкина не могли не привлечь первые русские переводы с древнеевропейского,персидского и арабского языков"I/.

Арабская культура столь велика,что неопровержимо можно сказать о ее влиянии на культуру всего мира.

Арабская культура очень сильно влияла на европейскую культуру и,в частности,на поэтов Запада,как например,на великого Гете. Существует большое сходство между произведениями бессмертного арабского поэта и фи-

---

I/Н.М.Лобикова."Пушкин и Восток",М.,I974, стр.9.

лософа Абу аль-Алаа аль Маарри и Гете[1].

В 1811 году в "Вестнике Европы"Уваровым была написана статья"Мысли о заведении в России Академии Азиатской",в которой он отмечал:"Россия,в сию минуту возрождения наук восточных,ужели одна останется позади всех других народов Европы"? Поэтому во всей Европе,в том числе и в России начали уделять большое внимание переводу арабских произведений.

И.Ю.Крачковский отмечал:"Во всяком случае относительно ранних эпох можно сказать,что знакомство отражало и восточные,и западные источники не только через книгу, но и непосредственные впечатления от страны и ее представителей.Сведения об арабских странах появились у наших предков очень рано.Уже в"Повести временных лет"говорилось,что"потече Волга на Восток и втечеть семьюдесят жерел в море Хвальское. Тем же и из Руси может идти в Болгары и в Хвалисы,и на восток дойти в жребий Симов"[2].

1/См.подробно Мухоммед Авад Мухоммед"Взаимное влияние между Востоком и Западом". Доклад на международной конференции. Токио,1959.

2/Крачковский. Очерки по истории русской Арабистики.М.,1950,с.13.

Продолжалось знакомство русских деятелей с Востоком. Число путешествий в Палестину и Египет было все же достаточно велико, историкам древней русской литературы они в большинстве хорошо известны, но арабские элементы, представленные в них, ни в какой мере не исследованы и не сведены в общий итог.[1/] Всем известны путешествия великого ученого Осипа Ивановича Сенковского на Восток"Изучение жизни и деятельности Осипа Ивановича Сенковского представляет собой несомненный интерес для историка, литературы и науки. Знаменитый ученый на протяжении многих лет широко и талантливо популяризовал достижения науки. Доказательством тому, что Сенковский среди самых разнородных занятий, в которые вовлекло его издание "Библиотека для чтения", не охладевал в любви к главной своей специальности, несправержимо служит множество ученых статей о Востоке, напечатанных им в этом журнале - пишет один из учеников Сенковского профессор В.В.Григорьев, известный ориенталист" [2/].

Кроме этого, можно отметить перевод на

I/Крачковский. Очерки по истории русской Арабистики. М., 1950, с. 18.

2/В.Каверин. "Барон Брамбеус", М., 1966, с. 5.

русский язык"Тысячи и одной ночи"[1/]и Корана,которые оказали большое влияние на Пушкина.

Как отметили русские литературоведы, одним из первых произведений в русской литературе,которое находилось под влиянием арабской культуры,было произведение М.Д. Чулкова"Пересмешник,или Славенские сказки / 1766-1789 /.Как утверждали многие русские литературоведы,был ярко выражен арабский мотив и в поэме Пушкина"Руслан и Людмила".Современники Пушкина заметили влияние арабских сказок на великого русского поэта.Большой интерес к этим сказкам,существовавший в то время,выражен в следующем свидетельстве:"Мы видим в сих сказках точную картину духа,характера, гражданской жизни и домашних нравов сильного никогда народа,коего искусства и завоевания распространились по трем частям света.Из сих сказок узнаем мы аравитян под шатрами пустыни и при дворе Халифов, в торговых обществах и в странствующих

1/См.подробно эту книгу.Сказки"Тысячи и одна ночь"были переведены впервые с французского языка в России в 60-е годы ХУШ века Алексеем Филатьевым.

караванах,в общественном кругу и во внутренности гаремов"1/.

Д.И.Белкин в своей диссертации и в своей статье,утверждает,что"Тысяча и одна ночь"оказала влияние на Пушкина,когда он писал свою поэму "Руслан и Людмила".Это бесспорно правильное замечание.

Даже сам Пушкин отметил это:

"Благо мне не надо
Описывать волшебный дом;
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила в том"

Под влиянием Востока Пушкин находился, когда он писал"Бахчисарайский фонтан".Мне кажется,что Пушкин интересовался арабской поэзией,ее романтизмом,и ее особенностями. О.Н.Секoвский писал об арабской поэзии "Непостижимой быстроте поэтической речи, стремящейся с силой горного потока,пропускающей все,что может быть дополнено воображением,набрасывающей одни только краски,широко,резко;как в театральной декорационной живописи,где художник старается единственно произвести эффект в целом, посредством искуссного освещения"2/.

1/"Сынотечества",СПб,1823,ч.88,№40,с.306 и см.Лобикова "Пушкин и Восток.

2/О.И.Сенковский.Поэзия Пустыни-собрания сочинений,т.7,СПб,1859,с.175.

Арабские поэты обратили большое внимание на описание природы, поэтому следующий отрывок из "Бахчисарайского фонтана" напоминает нам стихотворение "Ночь как волна моря", известного арабского поэта Имруу аль-Каиса, в котором он использовал такие слова, как ночь, небеса, Луна и т.д.

Пушкин написал:

"Настала ночь, покрылось тенью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, под тихой Лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд Луна восходит
Она с безоблачных небес"

"Я горжусь во славу корану" пишет Пушкин. Мне кажется, что попытка Пушкина подражания, является ярким примером влияния на него арабской культуры.

Русские литературоведы объясняли эту попытку по разному. "В течение ста с лишним лет исследователи творчества Пушкина пытались определить, что привлекло поэта к корану, что побудило его создать "Подражания". Стремился ли он к поэтической интерпретации корана/К.С.Кашталева/ и восточной культуры и нравов/В.И.Филоненко, Г.А. Гуковский/, или пытался прежде всего выразить собственные религиозные чувства /П.В. Анненков, Н.И.Черняев/, черты своей индиви-

дуальности/Н.В.Фризман/ свой оптимистический идеал творчества /Б.В.Гамашевский/[1].

Некоторые арабские поэты прошлых веков старались подражать корану,но они не достигли никакого успеха в этом,потому что форма корана отличается от поэзии и прозы особенностями своего построения и внутренней музыкой.

Обращает на себя внимание то,что многие русские литературоведы,исследующие язык корана,отмечают,что он был написан в форме стихов.Представляется,что такое мнение абсолютно неправильно,потому что,как уже было отмечено,коран написан в прозе, которой присущи свои особенности.

Уже в первом"Подражании" определился, таким образом,пушкинский метод обработки текста корана. То он берет готовый материал,не переделывая его,то вносит изменения, то создает совершенно новый текст,но в духе подлинника.[2]

Как например Пушкин пишет:

Восстань,боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.

1/Н.М.Лобикова."Пушкин и Восток",М.,1974, с.63.

2/Там же с.76

Действительно был такой случай, когда пророк эмигрировал из Мекки в Медину, но об этом было написано в Коране более подробно и более содержательно, и связано с другими историческими событиями. К сожалению поэт только выразил в своем стихотворении поверхностные события.

И дальше пишет Пушкин:

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны !

Такой отрывок не существует в коране. О чем Лобикова утверждает - "Эта характеристика снов пророка не основана на тексте корана и введена самим поэтом."

О женах пророка поэт пишет:

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень пророка.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно.

Существуют такие мысли в коране, но это связано было с другими мыслями о праве жен в Исламе, которые были самыми главными в этой суре и отсутствовали в стихах поэта. Даже поэт добавил одно обращение, которое

не было в коране.

О дети пламенных пустынь !

И Лобикова утверждает это.

Мне кажется,что поэта психологично привлекло высказывание о верности и чести жен, поэтому он написал его стихотворение.

Можно ли назвать это подражанием корану,если Пушкин вносит изменения или создает совершенно новый текст ?!

Кроме этого Пушкин,как известно,не знал арабского языка и тем более не знал форму и стиль корана. И последнее:существовавший в то время перевод корана не передает полностью ни содержания,ни тем более его формы.

Поэтому можно утверждать,что Пушкин А.С. в стихотворении "Подражание Корану" не ставил перед собой цель буквальной передачи содержания корана,и тем более его формы.

Можно предположить,что попытка А.С. Пушкина "Подражания корану"возникла в результате влияния,которые он испытал на себе от чтения перевода корана.Точно так как влияние арабских сказок,сказалось при написании " Руслана и Людмилы".

Сходство его судьбы с судьбой изгнанного из Мекки в Медину пророка

Мухамеда дает основание полагать,что А.С. Пушкин сочувствовал пророку,и это является еще одной причиной влияния корана на Пушкина.

Пушкин писал:

Всегда гоним,теперь в изгнаньи
Влачу закованные дни.

Действительно,Восток - это особый мир, фантастический , как отметил А.Н.Веселовский,и все это не прошло для Пушкина А.С. бесследно,как отметила Н.М.Лобикова в своей книге "Пушкин и Восток".

SOCIAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND ARABIC PROVERBS AND SAYINGS

By

Dr. MAHMOUD MAHMOUD EL-SHAZLY

Махмуд Махмуд Эль-Шазли

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АРАБСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Пословицы и поговорки отражают весь жизненный психосоциально-исторический опыт любого народа.

"Пословица- это обобщенная мысль народа, выраженная в краткой поэтической форме и обладающая самостоятельностью полного и законченного суждения. В пословичном суждении сосредоточено содержание обширной речи,могущей возникнуть по его поводу,суть ее." 1/

Фольклористы утверждают,что поговорки и пословицы формируются развитием человеческого общества. Сначала были такие поговорки и пословицы,которые отражали узкий круг деятельности человека,его наивный взгляд на природу.

В процессе формирования феодализма и капитализма поговорки и пословицы вбирают в себя не только первый взгляд человека на природу, но и на духовную жизнь человека,его протест

1/В.П.Аникин "Пословицы и поговорки народов востока". Сборник под редакцией проф.И.С.Брагинского,М.,1961,с.8.

против угнетателя,его мечту о хорошей жизни.

Русские,советские,западные и арабские фольклористы достаточно четко объяснили,как формируются и возникают пословицы и поговорки у любого народа мира.Поэтому цель данной статьи заключается в том,чтобы дать только сопоставление между русскими и арабскими,в том числе египетскими,поговорками и пословицами и найти сходство между ними.

Автор статьи использовал материалы таких русских фольклористов,как например,В.П.Аникин,Л.Г.Орлов,В.Андрианов-Перец,а также пословицы и поговорки русского народа из "Избранных пословиц и поговорок русского народа",М.,1957.Были использованы материалы арабских фольклористов,таких как Рушди Салеха и Абд-аль Хамида Юнуса.

Арабские и египетские пословицы и поговорки мной заимствованы из книги известного египетского писателя Ахмеда Теймура "Народные пословицы",которая вышла в свет в Каире в 1920 году.

Безусловно,"каждый народ,малочислен он или велик,обладает такими пословицами,которых нет ни у какого другого народа.Национальный специфичный смысл и применение даже пословиц,имеющих международное хождение,такие пословицы распространены у родственных народов и у народов,между которыми существовали

давние культурные связи."1/

Горький говорил:"Народ не только сила, создающая все материальные ценности, -он - единственный и неиссякаемый источник духовных ценностей,первый по времени,красоте и гениальности творчества филосов и поэт,создавший все великие поэмы,все трагедии земли и величайшую из них - историю всемирной культуры".2/

Известно,что фольклор отражает социальные условия,в которых он возник.Это помогает нам понять художественную жизнь любого народа.Как сказал один из европейских фольклористов Хейтман "Фольклор - это творчество многих поколений человечества,отражает их радости и грусти.Он черпается из земли,но его окончательный вид - это просто творчество неизвестных людей,которые живут близко к земле".3/

Поэтому,если мы хотим изучить тот или иной народ и особенности его духовного мира и психологии,недостаточно познакомиться с его языком,литературой и историей,но необходимо знать и его фольклор.

1/Там же,стр. 12

2/М.Горький.Собрание сочинений,ГИХЛ,1953, т.24,с.26.

3/Цит.из книги Ахмеда Рушди Салеха "Народное творчество",Каир,1958,с.15.

При изучении русских пословиц и поговорок не существует языковых трудностей,т.к. существует один общий литературный русский язык, что же касается изучения арабских пословиц, то трудность здесь заключается в том,что существует два языка:литературный и разговорный.Но фольклор,создававшийся в средневековье, был на литературном языке,как,например:

Джазā ʼу Синиммāр – Расплата Синиммара,

Фи-л-иāда ал-ифāда

Повторение – мать учения,

Фи-т-та'аннū ас-салāма уа

фи-л – аджала ан-надама

В медлительности благоразумие,а в поспешности опрометчивость.

Саллā уа сāма ли – амрин кāна матлубу -ху

фа – лāммā кудиа ал – амр ла саллā уа ла сāма

Годится – молится и соблюдает рамадан,не годится – не молится и не соблюдает рамадан.

Когда возникли разные арабские страны,в каждой из них появились и разные пословицы и поговорки со своими колоритными свойствами, хотя,исходя из общего сходства в исторических и экономических обстоятельствах в этих странах можно увидеть большое сходство между ними.Например,в Египте:

Иабūу – л – маийа фū Хāрат ас – Саккаиин

/Б.п./Продавать воду в квартале водоносов.

в России. Хорошо на дону, а не так как на дому.

В данной статье рассматриваются только египетские пословицы и поговорки, т.е. такие, которые зафиксированы на египетском языке.

В процессе сопоставления русских и арабских пословиц и поговорок выделялось сходство в основном по значению, а в отдельных случаях как по значению, так и по форме.

И в России, и в Египте в период феодализма фольклор отражает в присущих ему формах /сатирических, юмористических и т.д./ страх и отчаяние народа в результате гнета господствующего класса, протест народа против эксплуататоров.

Если мы рассмотрим исторические судьбы народов России, то найдем между ними много общего. На протяжении многих веков в период феодализма и капитализма оба народа находились под сильным угнетением господствующих классов.

В процессе борьбы народов против своих угнетателей возникло большое количество пословиц и поговорок, в которых отражалась эта борьба.

Очень давно проникли в русскую литературу арабские сказки. "Уверенно можно сказать, что в древней русской литературе есть материал арабских сказок. Арабский Восток, переживавший в ранее средневековье культурный подъем,

производит большое впечатление на Европу".1/

Литературоведами признано,что сказки "Тысяча и одна ночь",переведенные на русский язык,оказали влияние на русскую литературу и фольклор.

Еще до ХУШ века русские имели возможность читать арабские произведения на своем родном языке.Историки литературы отметили ряд совпадений между повестью "Стефаний и Ихнилай" и повестью об Акире премудром,не только в мотивных,но и в изречениях.Так,обе повести заканчиваются одинаковым афоризмом о том, что готовящий яму для друга своего,сам попадет в нее".2/

Не копай другому яму,сам в нее свалишься.

Великий русский поэт А.С.Пушкин находился под влиянием восточного фольклора,когда создавал свою поэму. "Руслан и Людмила".А.С.Пушкин вводит в русский былинный эпос элементы ближневосточного фольклора,черпая новые образы и мотивы из знаменитых арабских сказок "Тысячи и одной ночи".3/

1/Абдель Ати-Ханафи. Сборник "Тысяча и одна ночь" и русская литература и фольклор.Канд. дисс.М.,1977.с.90.

2/Там же,с.97

3/Н.М.Лобикова."Пушкин и Восток",М.,1974, с.3.

Таким образом можно сказать, что это сходство возникло не только в результате влияния, но также и в результате сходства между историческими судьбами обоих народов в прошлом.

Сытый голодного не разумеет
Ал-гани маефхаш ал-факир
Б.п./Богатый не понимает бедного/
Богатому не спится, богатый вора боится.
Илли андо фулус ма енамш
Б.п./богатому не спится/
Торг дружбы не знает
ат-тигара малхаш сахеб
На бедного везде каплет
ан - нас кулдаха алла ал-факир
Б.п./ все люди против бедного/
Б.п. Кто ничего не имеет, тот ничего не боится
Маандуш хага хайхаф ала еих
Голому разбой не страшен
ал-таан маихаф
Б.п./ Голодный не боится /
Согласному стаду волк не страшен
ал-кутра тиглиб ал-шгаа
Б.п./ Большинство побеждает смелость/
и как оба народа славят работу:
Что посеешь, то и пожнешь
ман зараа хасад
не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня.

Ла-туаххир амал ал-йойм ила̄ ал-г̣ад
дело шутки не любит
Аш – шуг̣л мафихш хиза̄р
Труд-дело чести;будь всегда на первом месте
ал – ǎмал шараф

Б.п. Труд – это честь.

Понятия о чести и совести,вера в социальную справедливость:

Лучше смерть,чем позор
Ал-мау̌т ахсан мин ал-ф̣ади̇̄ха
Честь дороже жизни
Аш-шараф аг̣ла̄ мин ал-хаи̇̄а
Не устоять худу против добра
Аш-шар ма – юк̣афш удда̄м ал-хейр
Умные речи приятно и слушать
ал-кала̄м ал-хелв ессамаǎ

Б.п./сладкие речи слушаются/.

Кто много имеет,больше еще хочет
Ис̣ма̄н ла йашбǎан т̣а̄леб-л-ǎмл уа т̣а̄леб -л – ма̄л

Б.п. двое не будут сытыми,требующий науки и требующий денег

Годится молится,а не годится – горшки покрывать.
С̣алла̄ ва с̣а̄ма лиамр ка̄на иат̣лубуху фаламма̄ куд̣и̇̄а ал-амр ла с̣алла̄ ва ла с̣а̄ма

Б.п./Годится молится и соблюдает ромадан,не годится-не молится и не соблюдает ромадан/.

Четыре полы, а бока голы
Енду миат феддан ва маши ериян
Б.п./у него сто федданов, а голый ходит/
Человек не камень: терпит, терпит, да и треснет
Ал-бани адам лахм уа адм барду
Б.п./Человек ведь тоже из мяса и костей/
Не разом москва построилась
Раббина махалааш ал-дунийа марра вахда
Б.п./Не разом бог создал мир/
Правда светлее солнца
Ал хакика вадха зай аш-шамс
Б.п./Правда светла как солнце/
Лучше свое отдать, нежели чужое взять
Илди ахсан матахуд
Б.п./лучше дать, чем взять/
Лучше жить бедняком, чем разбогатеть грехом
Ал-вахид еейш факир лакин бишарафу
Б.п./Лучше жить бедняком, но с честью/
Слово давать, так слово держать
Ваад ал-хор даинон алейхи
Не шути с огнем – обожжешься
Илли елаб биннар ехрак иди
Б.п./Не шути с огнем, руки обожжешь/
Снявши голову, по волосам не плачут
Хал юзи аш-шах салхуха баада запхуха
Б.п./Зарезанной козе не повредит, если снять с нее шкуру/
Из грошей рубли растут

Ал- фулӯс тгйб фулӯс

Б.п./Деньги к деньгам/

Красота без разума пуста

Халāва ала ал - фади

Б.п./Красота,но пуста/

Ученье - свет,а неученье - тьма

Ал-илм нур уа ал-гахл залāм

Повторенье - мать ученья

Фи ал-иаада ал-ифāда

Б.п./В повторенье - польза/

Ложь стоит до улики

Ал-казиб малӯш реглēн

Б.п./Ложь не имеет ног/

В глаза ласкает,а по заглазью лает

Фи ал-веш мирāя ва фи ал-кафа селлāя

Б.п./В лицо зеркало,а в затылке иголка/

Говорит направо,а глядит налево

Халли калāмк дугри

Б.п./Говори прямо/

Трус собственной тени боится

Ал-габāн ехāф мин хоялу

Велик телом,да мал делом

Тавйл ва ахбал /длинный,идиот/

В решете воду носить

Емлā ал-мая фи ал-гурбāл

На воре шапка горит

Элли ала расу батха ехес биха

Б.п./У кого на голове рана,чувствует ее/

Язык-мой-враг мой,прежде ума моего рыщет

лисанак хусанак ин сунту санак ва ин
хунту ханак
Б.п./Твой язык твой конь,зависит от тебя
будет он другом или врагом/
Скажешь слово — добавят десять
Есмаа килма езавуд ашара
Зоб полон,а глаза голодны
Букку малян ва ену фарга
Б.п./Рот полон,а глаза голодные/
Живи подольше,так увидишь побольше
элли ейш ешуф актар
утро вечера мудренее
Ан-нахар лох енен /день имеет глаза/
Чтобы узнать человека,надо с ним пуд
соли съесть
Ал аарафу алу ешт маaa
Б.п./Сказал,я знаю его,говорили,ты жил с ним/
Сделав добро,не хвались
Еемал ал-хер ва ирмих фи ал-бахр
Б.п./Сделай добро и бросай в море/
что в сердце варится,на лице не утаится
Элли фи калбу ала вешу
Б.п./Что в сердце,то и на лице /
Беда беду родит /Ал факр егеб ал-факр/
Сам стар,да душа молода
Агуз лакин калбу ахдар
Б.п./Стар,но у него свежее сердце/
Здоровью цены нет
Мафиш ахсан мин ас-сихха
Здоровья не купишь

Ма хаддиш екдар ештири ас-сихха
Тот здоровья не знает, кто болен не бывает
Ас-сихха тагон ала руус ал-асиххаа ла
ерах илла алмарда
Б.п./Здоровье – это корона на голове здоровых, только больные видят ее/

Кроме того, большое сходство наблюдается между русскими и арабскими пословицами и поговорками в области семьи и любви, что вероятно отражает известное сходство обычаев и традиций обоих народов.

Сердце сердцу весть подает
мин ал-калб лил калб расул
Б.п./От сердца к сердцу посланник/
Не дорог подарок, дорога любовь
Мафиш агла мин ал-хубб
Старая любовь долго помнится
Мафиш аква мин ал-хуб ал-кадим
Б.п./Нет сильнее старой любви/
Не ищи красоты, а ищи доброты
Мадаввар ала ал-гамал даввар ала
ал тайба
Князю княгина, боярину Марина, а всякому
своя Катерина
куллун еганни ала Лайла
Б.п./Каждый воспевает свою Лейлу/
Нет такого дружка, как матушка
Мафиш ахсан мин ал-ум
Кто поле вспахал, тот т сеять будет
Элли харас ал-ард езрагха

Днем раньше посеешь-неделей раньше пожнешь

Ал-зарā ал-бадри̅ ахсан

Б.п./Ранее растение лучше/

Сохрани белую монету,на черный день пригодится

Ал-керш ал-абияд инфаā фи̅ ал-уоем ал-асвид

Б.п./Белый пиастр пригодится на черный день/

"В пословицах отразился не только "большой"мир важнейших общественных отношений,но и мир "малый" – жизнь частная,отношения людеи друг к другу в семье,в домашней жизни;в пословицах отразился светлый взгляд народа, тяготившегося дикими патриархальными обычаями и порядками.В основу своих нравственных представлений народ положил понятие о труде, без которого не мыслил жизни".1/

В пословицах о труде отражается отношение людей к труду.

Дело мастера боится

Эдди̅ ал-ēшли хаббазину

Б.п./Дай хлеба пекарю/

Из всего вышеприведенного материала следует,что действительно,когда существуют общие социальные и исторические условия,

---

1/Под ред.проф.А.И.Кравцова "Русское народное творчество" М., 1971,с.85.

возникает сходство в мире пословиц и поговорок. Сопоставление арабских и русских пословиц и поговорок подтверждает высказывания таких русских ученых, как В.П. Аникина, А.Г. Орлова, В.А. Андрианова-Перетц и др.

(MEDITATIONS) ON SHAKESPEAR'S SONNETS

By

Dr. TALAAT AHMED SALEH

Shakespeare's sonnets offer the crities and readers the greatest puzzle in the history of English literature. It has long leemed completely intractable, it has provided ground for the wildest, as well as sensible, speculations,but there has been little certainty.

Nevertheless, the Sonnets were not written as a puzzle, they were written straightforwardly, directly, by one person for another, with an immediate and sincers impulse. They were autobiography before they became literature. And if only we can know enough about the historical circumstances in which they were written, the references to events that were occurring while they were being written, the persons involved, then a flood of light pours in and much that was dark and uncertain becomes clear.

The aim is to let what Shakespeare says stand forth clear, and, in commenting, to clarify what may be obscure or to bring out what lurks behind the text. But to solve all the major problems of the Sonnets would be most presumptuous and perhaps incredible

The Sonnets begin happily enough, and he made the most of his enforced leisure by writing his two long poems (VENS & ADONIS) and (LUCRECE), taking his chance to stake out his claim as a poet. But as the Son - nets go on, they show increasing signs of dission, sense of insecurity, anxiety re-sentment at his circumstances, at his ill-ohance in life, at the blows of fortune - all this is expressed again and again. And in order to live he had to recommend him - self to a patron.

This was the chance he had been waiting for, it was the chance of a lifetime. It gave him an introduction to the intimate life of highest society, with its sophis - tication and aesthetic tastes, its culture and elegance and heightened sensibility . No wonder shakespeare fell for the young lord to whom he owed all this, whatever he felt about his dependence, he remained al-ways grateful for Southampton's generous impulses, and for this opening-out of life like a flower. The effect is to be seen in the emotion that flowed from it, a suffused affection that was a genuine love, not the less passionate for not being sexual in its

nature.

So far as Shakespeare was concerned the relationship was not at all homosaxual . He makes that perfectly clear, though everything that we know about him shows that he was not made that way. Marlowe was, com - pletely, and the subject, the attitude, crops up repeatedly in his plays, his moems and conversation. In the whole of Shakes - peare's work there is nothing of it-except for Achilles'historic relationship with patroclus, reported with some distaste in TROILUS and CRESSIDA. In the very sonnet (20) in which he describes Southampton's ambivalent typo,ayyouth who combines the appeal of both masculine and feminine, and who appeals alike to women and to men, Shakespeare's attitude stands forth unmistakably:

> A woman's face with Natures own hand painted Hast thou, the master - mistress of my passion.. A man in hue, all hues in his controlling, which steels men's eyes and women's souls amaeth.

He continues:

And for a woman wert thou first crea-
ted, Till Nature, as she wrought thee,
fell adoting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose no-
thing. But since she pricked thee out
for women's pleasure.
Mine be thy love, and thy love's use
their treasure.

An amusing way of putting it, but what could be clearer ? Shakespeare does not want the young man physically: he is defrauded by his sex, all would be well if only he were a woman. With Shakespeare the first phase of the friendship is occupied with persuading the young man to marry and breed a family. He then understandably and with the extreme responsiveness of his own nature to every kind of physical beauty, comes under the spell of the youth's charm, his looks and spirit, everything that is at his command in this springtime of life. The next thing that happens is that Shakespeare gets the young poet to write to his behalf to the lady whom the poet is pursuing, with whom he is infatuated, and Southampton becomes entangled with her, And this seems to be

peare himself is wondering,

> Why is my verse so barren of new
> Pride,
> So far from variation or quic
> change ?

Why does he not move with the fashion to new techniques and more striking modes of expression ?

> Why write I still all one, nor the
> same...
> That every word doth almost tell my
> name ?

His answer is the simple one:

> O, know, sweet love, I always write
> of you.

Southampton was the most sought after, the most frequently painted, the most praised by poets, of all the young men of his time 'Fond of Praise', as he was, and keen about lite^rature and writers, it was natural that he should welcome the homage of the leading poet of his generation. The moment this poet makes his appearance(Sonnet 79) Shakespeare acknowledges him as ' a worthier pen', his only claim for himself is that his love is more sincere. The rival is a rhetorician, but from

Shakespeare's phrase for him, 'thy poet', it is clear that he was received a welcome. The round, and literary-minded, Southampton was evidently glad to attach to himself two such poets. In Sonnet 80, Shakespeare recognises the other to be 'a better spirit', whose genius daunt him, pleads and for himself:

knowing a better spirit doth use your name,
....
But since your worth, wide as the ocean is,
The humble as the proudest sail doth bear,
My saucy bark, inferior far to his.
On your broad main doth wilfully appear.
....
Then if he thrive and I be cast away,
The worst was this , my love was my decay.

Underneath, this means a critical situation for Shakespeare, in this year 1593 the theatres are still closed, he has no support but Southampton - if he were'cast away', what would become of him ?

The next sonnets continue to refer to the comoetition between Southampton's two poets. Shakespeare, discouraged by the brilliant intruder, has been somehow re - miss in singing his patron's praise:

And all the rest forgot for which he
toiled.

There is a reference to the fall of Sir Walter Balegh, which was the sensation of the year 1592, and it presents his personality quite recognisably: the glittering favourit, who was a soldier famous for his fights,but who was hardly less well known for his energy and industry, his 'painful', i,e.painstaking, toil.

Much later, with Sonnet 107, we come to the most celebrated orux in the dating of the Sonnets, which has hitherto never been resolved. In fact, in this famous sonnet which has seemed an insoluble problem for so long, there are two contemporary references, the convergence of which upon one point in time gives us certainty:

The moral moon hath her eclipse
endured,
And the sad angur mock their own
presage,
Incertainties now crown themselves
assured,
And peace proclaim olives of endless
age.

To take the second reference first: the un-

certainties whether there would be peace in France and an end brought to the religious wars there that had lasted all Shakespeare's lifetime were resolved with the submission of Paris to Henri IV in March 1594 and the achievement of peace. 'The mortal moon' in Elizabethan parlance always refers to the Queen, and at this very time she had come through an eclipse, the threat to her life of the lopez conspiracy. Dr. Lopes, her personal physician, was found to be in correspondence with Spain with the idea of poisonning her, and he was executed in this spring of 1594. 'This most balmy time'is, therefore, the spring of this year, which we have now reached in the Sonnets.

In looking back over his relationship with Southampton, Shakespeare avers that his love was subject neither to time nor accident, as exemplified in Sonnet 124:

> nor falls,
> Under the blow of thralled discontent,
> Where to the inviting time our fashion calls:
> It fears not policy, that heretic,
> which works on leases of short - numbered hours,

But all alone stands hugely politic...
To this I witness call the fools of
time,
Which die for goodness, who have live
for crime.

Anyone can see that the reference in this sonnet are politico-religious : 'thralled discontent', 'heretic', 'crime', The thralled discontent' refers to the discontent of the Catholics, pent up and held down, and the last couplet reflects the government's harsh campaign against the Jesuits in 1594-5, which resulted in the execution of a large number of priests, including such noted jesuits as Reobert Southwell, Henry Walple and John Cornelius. The concluding couplet of the sonnet aligns Shakespeare's attitude with that of the government and the country in general over the matter.

This gives us a **terminal date** for the Sonnets in the spring of 1595. It confirms for us that they are in reasonable chronological order, and that any re-arranging is out of the question. Some little time before, in Sonnet 104, Shakespeare writes:

Three winters cold
Have from the forests shook three

summers' pride,
Three beauteous spring to yellow autumn turned
In process of the seasons have I seen,
Three April perfumes in three hot Junes burned,
Since first I saw you fresh, which yet are green.

We are in a position to say, then, that the winters were those of 1591-2, 1592-3, 1593-4. and that this immortal friendship, so providential for Shakespeare and for our literature, may thus be dated. The next sonnet (105) assures us that

all alike my songs and praise be
To one, of one, still such, and ever so.

It is only with this establishment of a firm dating for the Sonnets that we are able to solve, with certainty, their outstanding problem - the identity of the rival poet. From the point of view of literature, this is vastly more important than that of who Shakespeare's mistress was.

By the time we reach Sonnet 76, which we may place at about early 1593, Shakes-

his initiation into relations with a Wo - man: it is in respect to this that Shakes- peare feels guilty towards Southampton. This does not end his relationship with his young patron, who extricated himself more easily from the humiliating entanglement than his poet managed to do, for we may infer that the young man's emotions were not involved. Shakespeare's sonneteering for him comes to an end when he achived financial security and independence with his purchase of a share in the Lord Cham- berlain's company, for which Southampton, generous as ever, provided the money.

The Sonnets tell an intellible story, and any attempt to re-arrange them is otiose and absurd. There is only one qua- lification to this. Sonnets L to 126 are written to Southampton and read, without difficulty, continuously. Sonnets 126 to 154, which are mainly concerned with Shakespeare's mistress, are not later in time: in time they come withing the Sout- ampton sequence, Sonnets 133 and 134 dup- licating, from the point of view of the relationship with her, the trouble that

is expressed in Sonnets 33 and 34 in his relationship with Southampton. She is the cause of the trouble, and this is where she makes her first appearance in time. The Southampton sonnets overlap those that concern her, and at both ends, before and after Though they are written about the lady, very few of them could have been insulting. They were not intended to be shown to her, but to Southampton. In any case, the Sonnets were his: they belonged to him as the poet's patron: this was what he was paying for.

As early as Sonnet 25 Shakespeare, complaining of his own lack of public honour or any favour of foture, writes:

> Great princes' favourites their fair leaves spread
> But as the marigold at the sun's eye,
> And in themselves their pride lies buried,
> Fort at a frown they in their glory die.
> The painful warrior famoused for fight,
> After a thousand victories once foiled,
> Is from the book of honour rased quite,

And therefore have I slept in
your report.

Nevertheless,

There lives more life in one of
your fair eyes
Than both your poets can in praise
devise.

Shakespeare has to accept the situation; he no longer has a monopoly of the generous youth or, probably, of his bounty;

Who is it that says most? which
can say more
Than this rich praise, that you
alone are you ?

Shakespeare can only claim superiority in affection:

But that is in my thought, whose
love to you,
Though words come hindmost, holds
his rank before.

There has been much controversy about Sonnet 86, and no one has noticed even that it is in the past tense. The rival is no more: Something shattering and dramatic has happened that keys Shakespeare up to write more sombrely and splendidly than in the discouraged son-

nets immediately before:

> Was it the proud full sail of his great verse,
> Bound for the prize of all too precious you,
> That did my ripe thoughts in my brain inhearse,
> Making their tomb the womb wherein they grew ?

How that Marlowe, his great rival, is safely dead, Shakespeare can claim with a new confidence that he had not been afraid of his competition as a writer, but of his favour with Southampton. Marlowe's removal cleared the way for Shakespeare in every sense, with Southampton, and in the threatre. From this time forward until the appearance of young Ben Jonson, Shakespeare would have no rival. As for Southampton, it does not seem that the 'hymns' Marlowe wrote him were preserved, Shakespeare's were.

Nevertheless, the friendship between the young patron and his poet had undergone a grave strain: things would

never be quite the same. Before Southampton took up with Narlowe,

> Whilst I alone did call upon thy aid,
> My verse alone had all thy gentle grace.

The sonnets after Marlowe's disappearance are altogether less transpa - rent, the disturbance the relation has undergone is evident in the verse, which is tormented with reflection and reproach. The very next sonnet (87) is valedictory:

> Farewell thou art too dear for my possessing,
> And like enough thou know'st thy estimate:
> The charter of thy worth gives thee releasing,
> My bonds in thee are all determinate.

This means that Shakespeare gives up all claim upon young man's affection, and allows that at the beginning he may have not known his own value.

Or me, to whom thou gave'st it, else mistaking.

This mood has its reaction, when Shakespeare

considers the possibility,

When thou shalt be disposed to set
me light,
And place my merit in the eye of
scorn..

or the contingency:

Say that thou did not forsake me for
some fault.

These thoughts lend to the bitter reflec - tions of Sonnet 90:

Then hate me when thou wilt, if
ever now,
Now, while the world is bent my
deeds to cross,
Join with the spite of fortune, make
me bow,
And do not drop in for an after-loss.

He speaks out in the bitterness of anguish and anxiety:

If thou wilt leave me, do not leave
me last,
When other petty griefs have done
their spite,
But in the onset come: so shall I
taste
At first the very worst of fortune's
might.

Shakespeare counts the blessings of his patron's friendship, and then ends in apprehension

> Wretched in this alone, that thou
> mayst take
> All this away and me most wretched
> make.

Shakespeare's life depends on a turn of Southampton's mind:

> O, what a happy title do I find,
> Happy to have thy love, happy to
> die

As a matter of fact, Shakespeare did not cease to share the personal sympathies of the Essex-Southampton grouping and of the Queen's reign, regardless of their follies. The queenexecuted Essex and imprisoned Southampton for life. Shamespeare remained loyal to the patron who has seen him through the crisis of his career.

In my opinion we are never likely to know the Shakespeare's mistress was: all that we know of her in internal to the Sonnets, and there is no likelihood of our establishing a junction with the ex - ternal world. It is clear that she was gentlewoman. But she was a lady of plea-

sure, whose lips had.

> Sealed false bonds of love as
> oft as mine,
> Robbed others' beds'revenues of
> their rents.

The first face of love is described in the long sequence of poems to the young man Southampton, the second in the appended sequence to the dark woman. The first love is non-physical, a mingling of the two selves or souls into one soul, the second love is a mingling of the bodies of man and woman-will with will - without the marriage of the minds. On the one hand is love without physical inter - course, on the other is lust without spiritual intercourse. Shakespeare makes it clear that love and lust (each cirected towards a different person) are inter - twined in the lover. The story of the dark woman takes place within the nar - rative of the love for the youth, the fact of lust is included in the history of love. At the centre of the 'triangle' sonnets; 40-2 and 133-4, in which the poet tells us of the sexual relations between the woman and the youth. In these

sonnets it is clear that the poet is' in love' with both the youth and the woman at the same time. They describe how the woman has deserted his bed for the young man's, they voice his feeling of being betrayed by both of them, and they attempt (more or less ironically) various kinds of consolation. The most profound explanation of the predicament is in sonnet 144:

Two loves I have, of comfort and despair,
Which like two spirit do suggest me still:
The better angel is a man right fair,
The worser spirit a woman coloued ill.
To win me soon to hell, my female evil
Tempteth my better angel from my side,
And would corrupt my saint to be a devil,
Wooing his purity with her foul pride.
And whether that my angel be turned fiend
Suspect I may, yet not directly tell,
But being both from me, both to each

friend,
I guess one angel in another's
hell.
Yet this shall I ni'er know, but
live in doubt
Till my bad angel fire my good one
out.

At one level, the poem expresses by means of puns the fear that the mistress and the beloved youth are committing fornication and that the youth will be infected with venereal disease. There is also the fear that the young man's lust will corrupt him spiritually as weel as physically. If the yout is corrupted, then the salvation offered to the poet in loving him disappears. At another level, the poet shows himself as a man swinging between salvation and damnation as he obeys the desires of his body and of his spirit. Ultimately, the living together which the poet describes is the living-together in his own heart of the purity of love and the impurity of lust. The final fear is that his own lust will contaminate and disfigure his capacity to love, and win him soon to hell. Each kind of affection has its own sequence. It seems right that the lust-sequence

should come last. Slowly, after 'all that pain', the sequence of sonnets to the fair youth reaches an equilibrium in the mu - tual forgiveness of faults when true minds are married (116 and 120 especially) . The appending of the second sequence shows how impermanent this equilibrium is, how it is always threatened by the grosser sexual needs. The victory in the first se - quence is subdued enough but ever so Shakespeare questions it. By adding the Dark Woman sonnets he shows a distrust of the respounding final chord which we shall find again and again in the plays.

The characteristic of the Dark Woman sonnets is that the suggestion of a 'real' relationship is created, running beneath poems which sometimes ostentatiously, show their failure to crystallize and compre - hend this relationship. The sonnets, strung along a thin line of narrative about wo - oing, conquest and disgust, are a poet's ordering of his own life, his answering 'the daily nessesity of getting the world right, and Shakespeare is observing his grim failure.

Each of the first four sonnets is a

posture, each introduces a partinculár king of artistic ordering which is to be followed up later. Sonnet 127 , 'In the old age black was not counted fair', proves that the dark woman is beautiful and is the first of a number of courtship poems in which the sonneteer, delighting in his own poetic wit, denies the distinction between evil and good. The second poem is the very necessary introduction of the purely conventional wooing-poem. The humble lover watches his mistress at her music, envies the keys which tough her hand and pleads for the gratification of a kiss. To explode this world of sighing poetry-love , there follows the great sonnet on lust (129):

> Th'expense of spirit in a waste of shame
> Is lust in action, and till action lust
> Is perjured, murd'rous, bloody,full of blame,
> Savage, extreme, rude, curel, not to trust,
> Enjoyed no sooner but despised straight,
> ....

A bliss in proof, and proved, a very woe,
Before, a joy proposed, behind, a dream.
All this the world well knows, yet none knows well
To shun the heaven that leads men to this hell.

The early sonnets in this sequence provide a study in self-deception, and the evidence for this is sonnet 129. Here the poet has a momentary vision of himself as a madman, her he sees his courtship as the longings of lust for its reward of self-loathing. Far from being an ending to the sequence, the sonnet on lust finds its proper place near the beginning. It poses the question to which the sequence as a whole finds that there is no answer, why does a man willingly poison himself ?

Sonnet 130 seems to be a direct attempt to cut through the nonsense of 128 and to come to a 'real'relationship. The poet's "love seems truer and warner in its independence of poetic flattery. When we can see that the final couplet conveys a double impression. First we congratulate

the poet on his honesty of his love which needs no lying comparisons to assist it . Then we reflect on the continuous play in these sonnets between fairness-beauty - virtue and darkness-uglinessvice, and we wonder whether a sophistical confusion between these two poles is not at work here too. The poet has a right to love whom he will, and to accept a plain woman is no crime, but in so far as the ground of his acceptance is the equality of women as non-goddesses, he shows himself insensitive to the distinction between ugliness and beauty. Shakespeare does not say out right that the woman is ugly, but no one can read the poem without a sense of considerable unattractiveness in the dun breasts, black hair, pallid cheeks and breath which, if it is not sour, is not exactly sweet. While showing that woman gains nothing from false flattery, the poet implies that physical demerits are of no accoun with him. To understand what the lover really achieves in this sonnet, we can turn to sonnet 150 for example:

To make me give the lie to my true sight
Ans sweer that brightness doth not grace the day.

The ugliness of the woman is made ob - vious in the subtle sonnet 131; in which the poet jokes that in spite of her un-promising face, his mistress must be a conventional beauty because she tryan - nizes over his heart like the heroine of any ordinary sonnet-sequence. He again denies distinction ('Thy black is fairest in my judgement's place') and tells us outright, for the first time, of the wo-man's viciousness:

In nothing are thou black save in thy deeds,
And thence this slander, as I think,
Proceeds.

Sonnet 132 carries the jesting on and depens the sense of ugliness. Conven-tional comparisons, rejected in 130, are trotted out with an accent which cleverly degrades the woman as they seem to praise her.

And truly not the morning sun of heaven
Better becomes the grey cheeks of the east,
Nor that full star that ushers in the even

Doth half that glory to the sober west
As those two mourning eyes become thy face.

The denial in this poem is emphatic, the denial of value is a price he is willing to pay for the satisfaction of his lust.

The extraordinary 'will' sonnets(135 & 136) show what wit can do to turn what is dreadful into amusement, the lover's plea for pity is advanced in a crudely physical way. His arguments for being admitted to her favours are at the level of mutual sexual satisfaction, he equates his whole being with carnal desire and his virility:

Make but my name thy love, and love that still
And then tou lovest me, for my name is will. (Sonnet 136)

The climax of the sequence is sonnet 137. At the moment of fruition, there is immediate and over-powering revulsion:

Thou blind fool, love, what does thou to mine eyes
That they behold and see not what they see ?

They know what beauty is, see where it
lies,
Yet what the best is take the worst to
be.
If eyes, corrupt by over-partial looks,
Be anchored in the bay where all men ride,
Why of eyes's falsehood hast thou forged
books
Whereto the judgement of my heart is tied?
Why should my heart think that a several
plot
Which my heart knows the wide world's com-
mon place ?
Or mine eyes seeing this, say this is not,
To put fair truth upon so foul a face ?

In thungs right true my heart and eye
have erred,
And to this false plague are they now
transferred.

The question, why does a man betray himself and swallow the bait ?, continues for the rest of the sequence, but in the end there is no answer to give beyond the simple statement that it has happened.

The sequence continues with a series of sonnets which are marked by the rapid alte-

rations of mood and the contraditions in veiewpoint that may seem bewildering, but they are by no means an indication that the order is happezard. Sonnet 138

> When my love swears that she is
> made of truth,
> I do believe her, though I know
> she lies,
> ....
> Therefore I lie with her, and she
> with me,
> And in our faults by lies we flat-
> ter'd be.

tries to follow the pattern of conciliation used in the sequence to the young man-not to insult and dispise but to recognize and accept onr's own imperfections as well as those of one's partner. But the solution has a very hollow sound, they will lie to each other and each will pretend to believe the other, for 'love's best habit is in seeming trust'. On this thin surface they will try to build, but all they have with which to build is sexual pleasure.

There I lie with her and she with

me, In 139, he shows himself afraid of his own facility for consoling himself by writing down specious excuses for the woman. The mod is very similar to the mood of sonnet 35 in which the poet begins to pour out tired exculpatory analogies on his behalf, ana then pulls himself up in disgust at his own lack of moral courage. In sonnets 141 and 142, the word"sin' enters for the first time, and the poet sees his suffering as condign punishment. Orthodox moral judgement of himself and his mistress as adulterers brings a new perspective into the sequence.

Sonnet 143, a study of whimsical self-derision, turns the lover into a neglected baby crying for the mother who is chasing a hen . If this ludicrous image for deserted lover and predatory female lowers the poet, the poem yet provides in the rounded movement of its own logic the promise of consolation:

But if thou catch thy hope, turn back
to me

And play the mother's part, kiss me,
be kind.

The idea of the woman's hate, as opposed

to coldness or indifference, was first introduced in 142 and is continued in 145 and in later sonnets.

The metaphor of heaven and hell makes a direct link with the preceding 'two loves' (sonnet 144) and with the morification-sonnet (146), which is a poet's attempt to relieve the presure on his life through the perspective of art.

Poor soul, the centre of my sinful earth, (Fooled by)these rebel pow'rs that theearray,
Why dost thou pine within and suffer dearth,
Painting thy outward walls so cotly gay ?
....
So shalt thou feed on Death, that feess on men,
And Death once dead, there's no more dying then.

That mortification of the pride of the flesh and a life turned towards God can be an answer to the attack of the female devil ('there's no more dying then') is ruled out by the next sonnet (147):

My love is as a fever longing still

For that which longer murseth the disease.

The wild music of the few remaining sonnets puts them among the greatest writing of Shakespeare. There is never a last word. The poet accepts his incurable condition as a madness in 147, but then he goes on to degrade himself in anger (149 and 150), blaming her for entangling him :

If thy unworthiness raised love in me,
More worthy I to be belov'd of thee.

The obscene sonnet 151 tries vainly to find refuge in the idea that there being nothing nobler in man than his sexual desire, he might find contentment in simply being the women's drudge. Sonnet 152 ends with yet another reiteration of the inexplicable:

And , to enlighten thee, gave eyes to blindness,
Or made them swear against the thing they see,
For I have sworn thee fair, more perfured eye,

To swear against the truth so
foul a lie.

The story of the poet and the dark Woman is not some isolated adventure. Shakespeare is writing about sexual desire, and he portrays it as a degradation that a man cannot withstand. What really concerns us is not Shakespeare's attitude towards art. The drama of the Dark Woman is not only the drama of the curse of the granted wish but also the drama of the poet groping to materialise his emotions in verse. In their entirety, and with their cumulative effect, the sonnets are a success of the highest order. Individual poems, however, may be failures in that they are shown to be separated from the life they pretend to record.

Another poet than Shakespeare might have made the lust-sonnet and the mortification-sonnet the final of his sequence, at the end of the af - fair, the poet-lover is made to re - congise the madness of desire and to turn his back on all earthly things. Shakespeare in dealing with great com-

plexities of the mind and the heart, on to which is added the driving need of the poet to use his to make sense of his condition.

COMMENTS ON THE TRANSLATION OF Dr. M. H. HEIKAL'S NOVEL «ZEINAB» INTO RUSSIAN

By

Dr. MOHAMMED ABDEL AZIZ MOHAMMED ALI

МУХАММЕД-АЛИ М.А.

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА МУХАММЕДА ХУСЕЙНА ХАЙКАЛА "ЗЕЙНАБ" I. НА РУССКИЙ ЯЗЫК.

Произведения египетских авторов в переводах на русский язык пользуются большой популярностью в Советском Союзе, где за последние годы опубликовано значительное число книг, в которых представлено творчество Таха Хусейна, Махмуда Теймура, Тауфика аль-Хакима, Нагиба Махфуза и других известных писателей.

Читатели в Советском Союзе всегда с большим интересом встречают каждую работу, посвященную Египту, его истории, экономике, культуре. Их внимание привлекают самобытные обычаи

I. Мухаммед Хусейн Хайкал. Зейнаб. /Картины сельской жизни и нравов Египта/. Роман. Перевод с арабского О. Фроловой, Л., изд-во "Художественная литература", Ленинградское отделение, 1973 г.

египетского народа, многие из которых берут свое начало в эпоху фараонов, прекрасные и величественные картины природы земли вечного Нила, яркие и непосредственные людские характеры древней страны пирамид. Среди вышедших за последние годы переводов египетской литературы на русский язык не может не вызвать интереса книга, выпущенная издательством "Художественная литература" в Ленинграде, которая знакомит советских читателей с одним из классических произведений как современной литературы Египта, так и всего Арабского Востока. Эта книга — "Зейнаб" — первый реалистический роман в арабской литературе, занимающий особое место в ее развитии. Этот роман оказал огромное влияние на многих крупнейших арабских писателей. Вышедший в свет перед первой мировой войны, в 1914 году, он стал классическим образцом египетской литературы и был включен в программы средних школ не только Египта, но и других арабских стран. Отрывки из него внесены и в Хрестоматию, составленную для русских студентов-арабистов под редакцией академика И. Ю. Крачковского, который высоко оценивал его художественные достоинства.

Благодаря переводу эта "драгоценная жемчужина" арабской литературы начала новую жизнь — жизнь на русском языке. Прежде всего может быть задан вопрос: каково значение и роль романа в этой новой жизни? Ведь он написан бо-

лее полувека назад, рисует старую египетскую деревню, окрашен в сентиментально-романтические тона. Что же в нем может привлечь нашего современника? И что в нем интересно советскому читателю? Отвечая на эти вопросы, можно сказать следующее.

Роман " Зейнаб " создан прежде всего для юношества. Он повествует о любви к родине и о любви к другу. Он учит юношей ненавязчиво, без назойливости, и тому и другому. В этом состоит его непреходящее значение для молодежи не только Египта, но и любой другой страны. Советский юноша увидит,как горячо любят египтяне свою родину, которая в тот период томилась под игом английского империализма. А любовь к страдающей, ограбленной стране всегда сильнее, чем к процветающей и счастливой:ведь землю, вместе с которой человек испытывает муки, "вовек разлюбить нельзя". Эти чувства не могут не быть близкими и понятными любому человеку, а для молодежи они в высшей степени и поучительны.

Книга рассказывает о жестокой тоске, которая посещает человека вдали от родины, наставляя юношей в том, как нужно ценить возможность жить на родной земле, и как следует беречь это право.

Реалистический роман "Зейнаб", который посвещен Египту и дорог сердцу каждого египтянина, имеет не только местное звучание: он

затрагивает общечеловеческие проблемы, и без сомнения не может не вызывать интереса и в Советском Союзе.

Общеизвестно, что "реалистическое произведение тем правдивее и тем больше в нем новаторства, чем непосредственнее писатель воспринял живую действительность, увидел ее звуки и речь".[1] Осуществление полноценного перевода такого произведения требует большого труда, литературного мастерства, прекрасного владения двумя языками: родным и иностранным. Доктор филологических наук, проф. О.Б.Фролова, по нашему мнению, не пожалела сил для решения этой задачи.

Приступая к анализу перевода романа "Зейнаб", мы сталкиваемся с необходимостью рассмотреть критерии оценки переводческого труда. Вопрос о критериях оценки художественного перевода не получил еще достаточного теоретического освещения, хотя имеет очень длинную историю практического применения. Более того, "до сих пор не решен еще и не затих спор о самом методе художественного перевода".[2]

---

1. Е.Эткинд. Из какого материала делаются книги?, "Тетради переводчика", "Ученые записки № I", изд-во "Института международных отношений", М., 1963 г., стр. 27.
2. Иван Кашкин. В борьбе за реалистический перевод, в сбор. статей "Вопросы художественного перевода", изд-во "Советский писатель", М., 1955 г., стр. 122.

Советский литератор Иван Кашкин, стараясь привести к общему знаменателю требования,предъявлявшиеся к переводу различными авторами, отмечает существующие в настоящее время "два диаметрально противоположных подхода к художественному переводу". Он пишет, что одни переводчики, "стоя на вербальной точке зрения, стараются прежде всего передать все слова, перечислить все частности, дать количественное соответствие и, сделав это, считают свою задачу решенной, не замечая, что подлинная задача художественного перевода остается не выполненной. Другие, соблюдая осмысленную верность подлиннику, стремятся передать самую суть... Они хотят добиться победы, сохранив всю свежесть восприятия окружающих красот, потому что они не забывают, что художественный перевод — это один из видов путешествия в прекрасное".[1]

Из изложенного ясно, что И.Кашкин ограничивается общими замечаниями о различных способах перевода, используемых обычно переводчиками в процессе работы. Более того, понятия, которыми он оперирует, не всегда четко определены.

Т. Сэвори в своем труде "Искусство перевода", стараясь собрать воедино различные требования, предъявляемые авторами к переводу, приводит следующий список:

I. Перевод должен передавать слова ориги-

I. Иван Кашкин. Указ. соч., стр. I23.

нала.

2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.[1]

Из списка требований Т.Сэвори ясно, что не только отсутствует единый критерий оценки переводов, но и существует много противоречивых взглядов на этот вопрос. Это дало право Н. Чхеидзе, исследуя вопрос о критериях верности художественного перевода в своём докладе на Всесоюзном Симпозиуме "Актуальные проблемы теории художественного перевода", задать воп-

I. Th. H. Savory. The art of Translation. London, 1957, pp. 48-49.

рос: "А каков сам критерий, определяющий ценность художественного перевода, его верность оригиналу?"[1] Отвечая на этот вопрос Н.Чхеидзе выдвигает следующие положения:

1. Верность перевода художественной действительности оригинала.
2. Верность отраженной в оригинале исторической действительности.
3. Верность исторической действительности, в которой живет переводчик.

Не подлежит сомнению, что вышеуказанные критерии оценки художественного перевода, которые выдвигает Н. Чхеидзе, слишком общие. Более того, они не отражают все требования, которые предъявляются к результату художественного перевода. Однако это не умаляет важности наблюдений Н.Чхеидзе, поскольку они представляются полезными в дальнейшей разработке критериев художественного перевода.

Разрабатывая критерии оценки перевода, В.Н.Комиссаров справедливо отмечает, что "к оценке перевода можно подходить с разных сторон". Он пишет: "Прежде всего, может оцениваться степень эквивалентности перевода оригиналу. Во-вторых, объектом оценки может быть степень сложности задач, решаемых переводчиком при дос-

---

1. Н.Чхеидзе. О критерии верности художественного перевода, Материалы Всесоюзного симпозиума "Актуальные проблемы теории художественного перевода", изд-во СП СССР, М., 1967 г.

тижении эквивалентности. И, наконец, можно попытаться оценить достоинства перевода /его "ценность"/ с точки зрения достижения той цели, ради которой был создан текст перевода".[1] В. Н. Комиссаров употребляет термин " эквивалентность " в широком значении. Под эквивалентностью он имеет ввиду "понятие чисто переводческое, рассматривающее результат перевода исключительно по отношению к оригиналу, по степени полноты передачи значимых элементов оригинала".[2]

В. Н. Комиссаров делает дальнейший шаг, подводя теоретическую базу для определения критериев оценки художественного перевода, он разрабатывает общие теоретические принципы, опираясь на которые можно дать оценку перевода художественного произведения. Он, однако, оперирует общими понятиями и терминами, не обращая внимания на то, что они нуждаются в уточнении, как-то : "степень эквивалентности перевода оригиналу" или "результат перевода по отношению к оригиналу" и " степень полноты передачи значимых элементов оригинала". В.Н.Комиссаров не выделяет также специальных критериев оценки стиля перевода.

Вопрос о стиле перевода художественного произведения является важным вопросом для

---

1. В. Н. Комиссаров. Слово о переводе, изд-во "Международные Отношения", Москва, 1973 г., стр. 190.
2. Там же, стр. 159.

переводчика, так как с ним связаны вопросы адекватности и эквивалентности перевода.[1] Этот вопрос не получил достаточного освещения в научной литературе. Более того, "вопросы стилистического изучения грамматического строя художественного произведения разработаны очень слабо".[2] Это положение утверждает М.Брандес, который справедливо пишет: "Понимание стиля произведения связано с большими трудностями: стиль — вопрос дискуссионный. Поэтому нет ни однозначного общего, ни расчлененого, то есть конструктивного, понятия "стиль".[3]

Опираясь на вышеизложенное об общих критериях оценки художественного перевода мы выдвигаем следующие критерии для оценки перевода романа "Зейнаб":

I. Как сумел переводчик воссоздать подлинник в единстве формы и содержания как художественное целое.

2. Степень верности перевода художественной действительности оригинала.

3. Степень отражения художественной действительности оригинала как единства формы и содержания, т. е. степень верности передачи

I. См. М.Брандес. Стиль и перевод, "Тетради переводчика", № 5, изд-во "Международные отношения", М., 1968 г., стр. 75-92.

2. А.И.Ефимов. О языке художественных произведений, изд. 2-е, изд-во "Гос. Учебно-педагогическое", М., 1954 г., стр. 218.

3. М.Брандес. Указ. соч., стр. 76.

авторского стиля.

Приступим к рассмотрению перевода романа "Зейнаб". Первая примечательная особенность перевода состоит в том, что русская "Зейнаб" говорит с читателем таким же прекрасным языком, как и арабская. Русский текст читаешь с таким же наслаждением, как и оригинал, ощущая, что дух подлинника сохранен полностью. Переводчица бережно подходит к передаче стиля произведения, а это чрезвычайно трудно, потому что местами повествование в нем ведется в торжественном тоне, представляя образцы высокого литературного слога, местами же содержит просторечие, диалектные и даже грубые выражения; причем переходы от одной манеры изложения к другой у автора очень резки и вместе с тем не нарушают единства звучания целого. Чтобы сохранить эту особенность при передаче на другой язык нужно было затратить немалый труд. Приведем некоторые примеры:

В разделе книги "Посвящение Египту", написанному по-арабски возвышенным стилем, переводчица удачно, на наш взгляд, передает во фразе الى بلاد لها عشت وأموت "стране, ради которой я жил и где окончу дни мои" слово أموت оборотом "окончу дни мои" /буквально أنهي أيام حياتي/; стилистически для русского языка в данном контексте такая замена оправдана и даже необходима: этот оборот, употребляемый русскими в торжественной речи, несет в себе

высокую степень эмоциональности. Контекстуально для передачи высокого эмоционального настроя переводчица привлекает старославянские слова: слово صوت передано как "глас" вместо "голос" /стр. 28 перевода/, слово معذب — как "страждущий" вместо "страдающий" /стр.17 перевода/, союз لِ — как "дабы" вместо "чтобы" /стр. 21/. Заметим, что эти слова не приводятся в "Арабско—русском словаре" Х.К.Баранова, там имеются другие слова — синонимы к выбранным переводчицей, но не обладающие той высокой экспрессивно-эмоциональной окраской, которая необходима для контекста.

Если лексика и фразеология отличаются четкой стилевой окраской своих единиц, то о морфологии и синтаксисе этого сказать нельзя. "Между тем, — как пишет М.Н.Кожина, — многие средства синтаксиса отличаются сильной эмоциональностью и экспрессивностью".[1] Для арабского языка характерны сложные предложения, которых очень много в романе "Зейнаб", они придают повествованию несколько замедленный темп, как бы подчеркивая размеренное движение деревенской жизни,неторопливость бытия. Такие предложения, переведенные на русский язык дословно, выглядели бы громоздко и неуклюже. Переводчица справедливо облегчает их, разбивает на несколько частей, обстоятельственные

---

1. М.Н.Кожина. Стилистика русского языка, изд-во "Просвещение", М., 1977 г., стр. 140.

придаточные предложения заменяются деепричастными оборотами, дополнительные придаточные предложения — соответствующими дополнениями, все это придает русскому тексту легкость и изящество, делая его в этом плане эквивалентным арабскому. Приведем некоторые примеры:

Русский текст

"Вечером следующего дня, распростившись с домом своей юности, своих надежд и пролив целое море слез, Зейнаб переехала в дом мужа".

/стр. 103 перевода/

Арабский текст

وفى مساء الغد انتقلت
زينب من دار أبيها ..
بعد أن ذرفت دموع
الوداع للدار التى قضت
فيها أيام صباها
وآمالها .
(الفصل الاول ٨٥)

В этом предложении наблюдается замена придаточного времени деепричастным оборотом.

Русский текст

"Но вот прошел и этот месяц. Все это время Зейнаб слушала беспрерывные наставления матери, а на свиданиях с Ибрахимом плакала горючими слезами. С сердцем, готовым разорваться от тоски, он прижимал ее к себе, целовал ее головку, и вместе с эти-

Арабский текст

مضى شهر من الزمان
كانت زينب فيه اما تسمع
ما تكرره لها أمها
من الكلام او هى بين يدى
ابراهيم تذرف الدمع
فيضمها اليه وقلبه
ينفطر حزنا و يقبل
صدغها فيجد فى تلك
القبلات ما يزيد وجده
وأساه .
(الفصل الاول ٨)

ми поцелуями в нем росли и страсть и горечь от неминуемой утраты любимой".

/стр. I02 перевода/

В этом примере наблюдается разбивка одного предложения на три, замена дополнительного придаточного распространенным дополнением, замена придаточного обстоятельства образа действия распространенным обстоятельством.

Интересно взглянуть на перевод романа "Зейнаб" с точки зрения передачи на русский язык арабских фразеологизмов. Проблемы арабской фразеологии до сих пор изучены недостаточно, особенно много пробелов можно найти в двуязычных словарях. Например, такие арабские фразеологизмы как سرير الموت , فكرة لازمة и دموع باردة во фразе حيث أنها دموع باردة فهي دموع الفرح и др. не найти в "Арабско-русском словаре" Х.К.Баранова. Перевод О.Б.Фроловой предлагает удачные русские эквиваленты этим фразеологизмам: соответственно — "навязчивая идея" /стр. 236 перевода/ , вместо дословного "обязательная идея", "смертный одр" /стр. 32/, вместо "кровать смерти", "легко льющиеся слезы" во фразе: "легко льющиеся слезы — слезы радости" /стр. I03/, вместо "холодные слезы", по-русски можно сказать "горячие слезы — دموع ساخنة , но оборот с антонимичным определением не употребляется.

Обращаясь к другим сторонам перевода, сле-

дует подчеркнуть, что ему присуща точность передачи всего, что касается бытовых и этнографических деталей. Роман "Зейнаб" до известной степени является энциклопедией египетской народной жизни начала XX века.

Переводчица старается сохранить все детали, передающие национальный дух народа, исторические условия Египта начала XX века, быт египетской деревни, повседневную жизнь феллахов, их одежду, пищу, орудия труда, игры, музыкальные инструменты, их чувства, переживания, мысли, склад ума, обычаи и традиции.

В теории перевода передача всех этих особенностей называется воссозданием национального колорита подлинника. При переводе романа "Зейнаб" это являлось трудной задачей, потому что роман насыщен материалами такого рода. Исследуя передачу слов, обозначающих реалии общественной жизни и материального быта, известный советский теоретик перевода А.В.Федоров отмечает: "Хотя, казалось бы, речь здесь идет о понятиях и вещах, допускающих точное описание и определение, получающих почти терминологическое выражение на данном языке, — при передаче их средствами другого языка возможны значительные колебания, варианты".[1]

В переводе романа "Зейнаб" применяется транслитерация арабских слов, там можно найти:

---

1. А. В. Федоров. Введение в теорию перевода, М., 1958 г., стр. 154.

I/ звания лиц, связанных с мусульманской религией, как " امام — имам" /стр. 68/, " فقيه — факих" /стр. 45/, " شيخ — шейх" /стр. 68/, " مأذون — маазун" /стр. 103/, при этом пояснения даются в подстрочных примечаниях или дополнительно вводятся прямо в тексте, например, "маазун, регистратор браков" /стр. 103/;

2/ названия реалий, связанных с мусульманской религией, как " ورد — вирд" /стр. 68/, " ركعات — ракаат" /стр.69/, " سورة من القرآن — сура Корана" /стр. 24/, " منبر — минбар" /стр.68/;

3/ названия видов национальной одежды, как " جلابية — галлабия" /стр. 60/, " عباية — абая" /стр. 220/;

4/ названия песен, музыкальных инструментов и игр, как " موال — мавваль" /стр. 174/," دربكة — дарабукка" /стр. 179/, " ربابة — ребаб" /стр. 63/, " طاب — таб" /стр. 71/;

5/ названия других реалий, как " سرادق — сурадик" /стр. 226/ и др.

Помимо транслитерации имеет место также перевод реалий на русский язык и их объяснение,как " طربوش — феска" /стр. 218/, " جرة — кувшин" /стр. 126/, " ساقية — водяное колесо" /стр. 135/ и т.п.

Не все в передаче реалий можно считать удачным. Как видно из русского текста, переводчица не вполне точно передала детали деревенской игры "таб — طاب " /стр. 71-72 перевода/.

Огромное многообразие фактов и реалий, содержащихся в романе, требовало от переводчицы хорошего знания жизни современного Египта. Этому требованию вполне удовлетворяет О.Б.Фролова, которая около пяти лет прожила в Каире и работала преподавателем перевода в Высшей Школе Иностранных Языков /ныне факультет Аль-Альсун Эйн-Шамского Университета/.

Мы хотели бы отметить, что несмотря на большое количество в романе реалий египетской жизни, которые непривычны русскрму читателю, текст "Зейнаб" на русском языке читается легко, все незнакомые предметы и явления воспринимаются без труда, естественно вписываются в общую канву повествования. Причиной этого, по нашему мнению, следует считать великолепный стиль перевода и местами его высокую поэтичность. Возьмем в качестве примера текст "Посвящения Египту" на арабском и русском языках:

Русский текст	Арабский текст
" Тихому, светлому краю благодатной природы; тем, кого я любил и люблю; стране, ради которой я жил и где окончу дни мои; древнему источнику мудрости и поэзии." /стр. 17 перевода/	الى هذه الطبيعــــة الهادئة المتشــــابهة اللذيذة... الى هــؤلاء الذين أحببت وأحب، الى بلاد بها و لها عشت و أموت .. الى مهبط وحى الشعر والحكمة أول الازل...

В этом отрывке эпитеты المتشابهة اللذيذة по от-

ношению к природе для арабского языка необычны, а их дословный перевод на русский язык звучал бы странно — "однотонная, сладкая природа". Переводчица, понимая дух произведения, правильно передает это словами "светлый" и "благодатный", более того она добавляет слово "край", потому что обращение направлено не собственно к природе, а к родному краю автора, Египту.

Русский текст	Арабский текст
"Сестра моя, ты первая египетская девушка, которую я полюбил!" /стр. 17 перевода/	وانت يا اخت اول من احببت من شبـــاب مصـــر.

Выражение من شبا ب مصــر переведено словосочетаеием " египетская девушка", что придает тексту легкость и поэтичность.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Перевод романа Мухаммеда Хусейна Хайкала "Зейнаб" заслуживает более подробного анализа и исследования, так как, по нашему мнению, он является адекватным и высоко художественным.

2. Более глубокое исследование романа "Зейнаб" может дать ценные материалы по теории художественного перевода с арабского языка на русский.

3. Реалии общественной жизни и материаль-

ного быта в переводе романа "Зейнаб" переданы тремя способами: путем транслитерации, перевода и описания.

4. Высокая художественность перевода романа " Зейнаб " достигается употреблением старославянской лексики, богатством синонимов и фразеологизмов, гибкими и точными синтаксическими оборотами.

A STUDY OF METHODS OF TRANSLATION OF RUSSIAN PHRASEOLOGY INTO ARABIC

By

Dr. ALI ABO EL-FOTOH EL-SHEIKH

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК

Как неоднократно отмечалось в исследованиях в области фразеологии и теории перевода, вопрос о способах адекватной передачи смысла и экспрессивно-стилистических особенностей фразеологизмов одного языка при переводе на другой представляют как теоретический, так и практический интерес. Теоретический аспект этой проблемы имеет целью разработку основных принципов, которые могли бы быть положены в основу методики перевода фразеологизмов. Данная работа представляет собой опыт такого рода исследования на материале фразеологизмов современного русского языка для перевода их на арабский язык. А.В.Федоров пишет[1/]: "Фразеологические вопросы и общая проблема разной сочетаемости слов в разных языках чрезвычайно существенны как для практики, так и для теории перевода: они часто представляют большие практические трудности и возбуждают большой

1/ В книге "Основы общей теории перевода, издательство "Высшая школа", Москва, 1968, стр.192 .

теоретический интерес, так как связаны с различием смысловых и стилистических функций, выполняемых в разных языках словами одинакового вещественного значения, и с различием сочетаний, в которые вступают такие слова в разных языках".

В основу настоящего исследования положена принятая в настоящее время в русской фразеологии классификация фразеологизмов, представляющая развитие Н.М.Шанским положений, изложенных в трудах по фразеологии В.В.Виноградова, А.И.Смирницкого и А.А.Шахматова[I/].
Согласно этой классификации выделяются четыре вида фразеологизмов:

I/ См.: В.В.Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. "Труды юбилейной научной сессии ЛГУ". Л., 1946; его же. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Сб."Шахматов", М., 1946; А.И.Смирницкий. К проблеме о слове /проблема отдельности слова/. "Вопросы теории и истории языка", М. 1962; А.А.Шахматов. Сб. статей и материалов. М.-Л., 1947; Н.М.Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1969, и т.д.

I/ фразеологические сращения (идиомы), которые характеризуются невыводимостью значения целого из значений составляющих их компонентов. С точки зрения современного русского языка их значения ничем не обусловлены и не мотивированы, то есть здесь наблюдается отсутствие синтаксической связи между компонентами, например:

убить бобра. I. Ирон. Обмануться в расчетах, предпочтя плохое хорошему. 2. Приобрести что-либо очень ценное или добиться чего-либо значительного;

не ровен час.равно по смыслу " а вдруг"

2/ фразеологические единства, целостная семантика которых уже мотивирована отдельными значениями составляющих их слов, "семантическая неделимость такого рода фразеологических оборотов сближает их с фразеологическими сращениями, а их семантическая производность, обусловленность их значения смыслом отдельных слов отличает их от фразеологических сращений"[I/], например:

медвежий угол. Отдаленное, глухое, малонаселенное место; захолустье;

I/ Лексикология сов. рус. яз., Н.М.Шанский, издание второе, стр.200, Москва, 1972 год.

семь пятниц на неделе - часто меняет свои решения;

3/ фразеологические сочетания, отличающиеся связанностью лексического значения одного из компонентов. В отличие от фразеологических единств и фразеологических сращений в сочетаниях данной модели все понятно, то есть нет метафоры, переноса образа в их значение, такие, как:

беспробудный сон. Очень крепкий сон;

закадычный друг.

4/ фразеологические выражения, состоящие из слов со свободными значениями, которые, однако, в процессе общения не образуются говорящим, а используются как готовые единицы. Как отмечал Н.М. Шанский[1/], "от фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, которые возможны для слов с несвободным значением в группе фразеологических сочетаний", например:

трудовые успехи.

Указанная классификация отражает, как известно, различные степени градации семитиче-

---

1/ Н.М.Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

ской слитности компонентов фразеологизма. При этом максимальной степенью слитности отличаются фразеологические сращения (идиомы), а минимальной – фразеологические выражения.

Из них наиболее легко поддаются прямому переводу устойчивые словосочетания, составленные из слов со свободными значениями, которые в большинстве случаев употреблены без переосмысления, то есть фразеологические выражения. К ним относятся различные составные термины и наименования типа:

высшее образование – 'ат-та'алӣму ал-'āлӣ

التعليم العالي

грудная клетка – ал-қафасу ас-садрий

القفص الصدري

железнодорожный билет – тазкарату-сикка ҳāдид.

تذكرة سكة حديد

на данном этапе – фи эл-марҳалати аррāхинати.

في المرحلة الراهنة

поджигатели войны – мушʻилу нӣран ал-ҳрби и т.п.

مشعلوا نيران الحرب

Более сложным представляется перевод фразеологических сочетаний, в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением, причем степень связанности лексического значения несвободного компонента также может быть различной. Здесь для слов со

свободным значением возможен прямой перевод, связанный же компонент можно рекомендовать переводить следующим образом:

а/ если это слово полностью утратило собственное значение и употребляется только во фразеологизмах, то оно переводится словом, наиболее точно передающим общий смысл всего фразеологизма в целом, например:

ад кромешный – джахимун ла̄ йутаку

جحيم لا يطاق

/букв. "ад невыносимый"/;

б/ если связанный компонент употреблен в переносном значении, то его следует переводить словом, основной смысл которого соответствует этому переносному значению, например:

девичья память – з̄акиратун да'ифатун

ذاكرة ضعيفة

/букв. "слабая память"/;

глушить водку – яхтасӣ ал-вудка

يحتسي الفودكا

/букв. "пить много и охотно водку"/.

Фразеологические единства и сращения, как известно, наиболее трудны для перевода. Так, во фразеологических сращениях встречаются лексические архаизмы, непонятные даже носителям русского языка, как например: впросак /попасть впросак/, а также грамматические архаизмы типа ничтоже сумняся /сумнящеся/. В подобных случаях только обращение к "Фразеологическому словарю русского языка" помогает

достичь необходимую адекватность перевода, при этом на арабском языке либо излагается толкование фразеологизма, например:

попадать /попадаться/ впросак. Оказываться в неприятном, неловком или невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности -
уақаʿа фӣхараджин

يقع في حرج

/букв. "попасть в неловкое положение из-за своей ошибки/,
либо подбирается одно из адекватных по смыслу арабских выражений, часто воспроизводимых в готовом виде, таких, как:

сума переметная. Человек, легко меняющий свои взгляды, убеждения, непостоянный в своих поступках, действиях -
шахсун мутақаллибун

شخص متقلب

/букв. "человек меняющийся"/;
ничтоже сумняся /сумняшеся/. Ничуть не задумываясь, не сомневаясь в чем-либо, не колеблясь, ни перед чем не останавливаясь -
дуна' тафкӣр

دون تفكير

/букв. "не задумываясь"/.

Что же касается фразеологических единств, целостный смысл которых в какой-то мере моти-

вирован значениями составляющих их слов, то здесь при переводе приходится преодолевать определенную тенденцию исходить из прямых значений компонентов фразеологизма. В этом случае, видимо, также необходимо предварительное обращение к фразеологическим и толковым словарям русского языка для уяснения общего смысла русского фразеологизма. Далее, если это возможно, подбирается эквивалентный по смыслу арабский фразеологизм, например:

заморить червячка /червяка/. Перекусить, слегка утолить голод – гайара рӣқаху

غـــــــــير ريقـــــــــه

/букв. "менять слюну"/;

так точно. Выражение подтверждения чего-либо, утвердительный ответ в значении: да, именно так – бидабти

بالضـــــــــــبط

/букв. "точно, все в порядке, я готов" и т.п./.

Если же подобрать фразеологический эквивалент не удается, что, как и в случае фразеологических сращений, приходится переводить на арабский язык толкование русского фразеологизма:

собаку съел на чем-либо, в чем-либо.

Имеет, приобрел большой опыт, навык, основательные значния в чем-то – васала ила̄ мака̄натин мармӯкатин фӣ...

وصل الى مكانة مرموقة فى ...

/букв. "достиг высшей степени мастерства в чем-либо"/;

<u>биться как рыба об лед</u>. Тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать – йуха̄уилу ан йузӣда дахлаху би шатта ал-уаса̄или дӯна джадуа

يحاول ان يزيد دخله بشتى الوسائل دون جدوى

/букв. "стараться заработать разными способами и безрезультатно"/.

<u>ходячая энциклопедия</u>.–Обладающий самыми разносторонними знаниями, у которого всегда можно навести справку по самым различным вопросам – шахсун мутаадиду ал-ма-ʿаарифӣ

شخص متعدد المعارف

/букв. "человек, много знающий"/.

Все изложенное позволяет, как нам кажется, установить некоторую обратную зависимость между степенью семантической слитности как критерием фразеологизации словосочетания и степенью буквальной приближенности перевода фразеологизма к оригиналу. Так, переводы, характеризующиеся максималь-

ной семантической слитностью фразеологических сращений и единств, в большинстве случаев вовсе не отражают лексические значения составляющих компонентов соответствующих русских фразеологизмов.

Особый интерес представляет проблема перевода русских пословиц и поговорок, поскольку, как справедливо отмечает А.В.Федоров, "в отношении способов, какими пословицы и поговорки могут быть переданы на другой язык, возможна известная аналогия с переводом слов, выражающих специфические реалии. Во-первых, в ряде случаев, даже и при отсутствии традиционного соответствия в языке перевода, возможна близкая передача наново пословицы или поговорки, воспроизводящая вещественный смысл составляющих ее слов и вместе с тем вполне сохраняющая ее общий смысл и характер, как определенной и единой формулы, как фразеологического целого..."[1/]. Остановимся кратно на некоторых аспектах этой проблемы применительно к их переводу на арабский язык. Как известно, пословицы и поговорки также отличаются различной степенью смысловой мотивированности. С этой точки зрения выделяют обычно три типа.

I/ А.В.Федоров. Основы общей теории перевода. Москва, 1968, стр.199.

Пословицы первого типа употребляются в настоящее время только в иносказательном смысле, что сближает их по семантическим особенностям с фразеологическими сращениями и единствами, например: сухая ложка рот дерет, если не одаришь, не задобришь, горбатого могила исправит, недостатки, пороки не исправишь и т.п.

Ко второму типу относятся пословицы, употребляющиеся и в прямом, и в переносном смысле, такие, как аппетит приходит во время еды, интерес возрастает по мере того, как испытываешь, кашу маслом не испортишь и т.п., то есть близкие к фразеологическим сочетаниям.

Пословицы же третьего типа употребляются только в буквальном смысле, аналогично фразеологическим выражениям, например:

старый друг лучше новых двух, чем жирнее пища, тем лучше и т.п.

При переводе пословиц любого типа с целью максимального сохранения художественных достоинств языка оригина необходимо всегда стремиться подобрать эквивалентную или хотя бы близкую по смыслу пословицу же из арсенала образных средств языка перевода. Это почти всегда оказывается возможным, поскольку за пословицами и поговорками всегда стоит конкретное социально-историческое со-

держание, общечеловеческий жизненный опыт, наблюдения народного ума. Все это обуславливает значительную тематическую общность, а в ряде случаев – и буквальное совпадение пословиц и поговорок в разных языках, в частности в русском и арабском. Проиллюстрируем это на ряде примеров.

I тип[1]

Как /сколько/ волка ни корми, /а/ он все в лес смотрит, то есть сущность человека, его привычки, истинные чувства, как бы ни старались их изменить, рано или поздно себя обнаружат –

ابن الديب مايترباش

ибн ал-ди̅б ма̅ йитрабаш

/букв. "сына волка нельзя приручить"/;

око за око, зуб за зуб, то есть за причиненное зло платят тем же –

العين بالعين والسن بالسن

ал-ʿайну бил ʿайн, ўа ал-сину бил син

/букв. "глаз за глаз и зуб за зуб"/;

чем черт не шутит /пока бог спит/, что означает: все может случиться, всякое бывает. Говорится при опасении чего-либо дурного или о чем-либо неожиданном,

---

I/ Здесь и далее толкования даны по "Словарю русских пословиц и поговорок".

но возможном, на что надеются -

كل شـــــــئ ممكـــــــن

куль шаэ мумкин

/букв. "все возможно"/.

П тип

Пословицы этого типа переводятся в зависимости от контекста употребления либо буквально, либо арабской пословицей, эквивалентной переносному смыслу русской пословицы.

Примеры:

лежачего не бьют

الضـــــــرب فى الراقـــد حـــرام

I. Ад-дарбу фӣ ар-ра̄қиди х̣ара̄мун
/букв. "нельзя бить лежачего"/;

2. Пострадавшего, попавшего в беду щадят, не причиняют ему новых неприятностей - الضـــــــرب فى الميـــت حـــرام
ад-дарбу фӣ ал-майити х̣ара̄мун

/букв. "нельзя бить мертвого"/;

что посеешь, то и пожнешь

اللى تزرعـــــه تحصـــــــــد .

I. Илли тизраух тихсуду
/буквально "то, что посеешь, соберешь"/;

2. За свои /обычно неблаговидные/ поступки, дела приходится расплачиваться. Говорится тогда, когда неудачи, несчастья и т.п. являются результатом чьего-либо поведения -

мин а̄ама̄ликум суллит̣а ʿалайкум

مــــن أعمالكـــم ســلط عليكم

/букв. "за свои плохие поступки обязательно расплачиваешься"/.

Ш тип

Пословицы третьего типа, как уже говорилось, не требуют толкования. Показательно, что некоторые из них имеют буквальные соответствия среди арабских пословиц и поговорок, например:

бедность - не порок -

الفقـــر ليـس عيبـــا

ал-фак̣ру лайса ʿайбан;

молчание - знак согласия -

الســـكوت عـلامـة الرضـــا

ас-сукӯт -ʿала̄мату ар-рид̣а̄

бог дал, бог и взял -

الله جـــاب ، الله خـــد ...

алла̄ га̄б, алла̄ хад, и т.д.

Если же подобрать такого рода эквивалент не удается, то может быть дан просто перевод русской пословицы, однако и здесь необходимо следить не за буквальным следованием грамматическим особенностям оригинала, а за возможно более точной передачей смысла в хорошем литературном стиле, например:

лучше поздно, чем никогда -

التأخـير أحسن مـن عـدم الحضـور

ат-та̄хӣр ах̣сан мин ʿадам ал-х̣удур

/букв. "опоздать лучше, чем не присутствовать совсем"/;

без меня меня женили -

اتخذوا قرارا دون راى

иттхзу кра̄ран дӯна райи

/букв. "они решили без моего согласия"/.

Как видим, даже беглый взгляд на специфику перевода русских фразеологических единиц, а также пословиц и поговорок на арабский язык приводит нас к выводу о том, что переводчик должен обращать особое внимание на достижение смысловой адекватности перевода и оригинала, чтобы сохранить экспрессивно-стилистические особенности последнего. Поэтому, видимо, следует в процессе обучения переводу делать особый акцент на специфике фразеологии как одной из лингвистических дисциплин.

A COMPARATIVE STUDY OF PERSONAL PRONOUNS IN RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

By

Dr. LEILA GAMAL AZIZ

О СОПОСТАВЛЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

ЛАЙЛА ГАМАЛЬ АЗИЗ

В последнее время вопрос о сопоставлении языковых явлений двух неоднородных языков стал целесообразно и полезно. Цель данной статьи определить специфические и общие особенности личных местоимений в русском и арабском языках и оказать теоретическую и практическую помощь изучающим эти языки и также преподавателям в их работе .

В русской грамматической традиции многие ученые, признавая целый ряд особенностей, характеризующих местоимение, считали его частью речи /М.Ломоносов,Н.Греч,А.Востоков,А.Шахматов и др./. Другие ученые не включая местоимения в систему частей речи, распыляли его по существительным, прилагательным и числительным / А.А.Потебня,В.А.Богородицкий,А.М.Пешковский и др./.

Однако, как известно, местоимения имеют свои лексические значения, морфологические признаки и синтаксические функции. А так как части речи представляют собой лексико-грамматические разряды слов, "которые различаются по своим основ-

ным значениям,по характеру грамматических категорий,связанных с каждым из этих разрядов или классов...,различаются также по функциям, которые они выполняют в связанной речи."[1],то, по нашему мнению,нельзя исключать местоимения из системы частей речи .

В отличие от русских грамматических учений, местоимения в арабской грамматике не рассматриваются как отдельный разряд слов,но по своим грамматическим особенностям относятся к классу" الاسم"/имя/[2]. Несмотря на то,что личные местоимения арабского языка семантически и морфологически отличаются от других имен, они входят в категорию имен,образуя подкласс местоимения/الضمير/.В современной арабской грамматике принято их назвать "личные местоимения" вследствие влияния европейских грамматических учений, особенно в школьных учебниках. А в традиционной арабской грамматике, лингвисты обычно этим словам дают название "ал-дамир" ,т.е имя скрытое в мыслях. А мы склоны их назвать"личные местоимения"/ الضمائر الشخصية/ .

В данной статьи мы делаем попытку исследовать и сопоставлять морфологические признаки личных местоимений,их семантические значеня и синтаксические функции в русском и арабском языках .

I/В.В.Виноградов.Грамматика русского языка. Ч.I,М.,1952 г., стр.20 .
2/См.
سيبوية ـ الكتاب ـ الجزء الاول . القاهرة ١٩٦٦ ـ ص١٢ ـ ٢٠

Личные местоимения представляют собой своеобразный лексико-семантический тип слов. Они не называют предметов,лиц и других явлений действительности,а лишь указывают на них. По мнению А.Н.Гвоздева "Местоимения—слова,характеризуемые по значению совмещением обозначения предельно общих отношений с изменчивым конкретным значением,причем это конкретное значение в них раскрывается на основе контекста,ситуаций,отношения говорящего к другим участникам речи и ряда других условий" 1/.Согласно этому мнению,конкретное значение личных местоимений не только русского ,но и арабского языка становится понятным посредством содействия разнообразных условий.Например в вырванной из контекста фразе"он хорошо знает свой долг", остоется неясным лицо,обозначенное местоимением "он".Таким образом личные местоимения в арабском и русском языках только в речи,в связи с другими словами получают применение к действительным лицам,предметам или явлениям.

Из морфологических особенностей личных местоимений мы остановливаемся на различии и сходстве в категориях числа,рода и падежа личных местоимений русского и арабского языка .

В русской грамматике некоторые ученые считают местоимения"мы","вы" и"они" формами множественного числа местоимений "я","ты" и "он /-а,-о/",так как глагол в сочетании с формами

1/А.Н.Гвоздев.Современный русский литературный язык.Ч.I,М.,1973 г. ,стр.280.

"я","ты" и "он/-а,-о/"стоит в единственном числе, а с формами "мы","вы" и"они"—во множественном.Однако другие ученые считают,что личные местоимения лишены форм числа.Так по словам В.В.Виноградова"местоимения"я","ты" не имеют множественного числа.Много"я",много"ты"— эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами.Местоимения"мы","вы" имеют другие значения"1/.Категория числа личных местоимений в русском языке наполняется совсем другим содержанием,в отличие от существительных. "мы"- это "я",который скрывает себя за другими или говорит от имени других. Правильно считает А.А.Шахматов,что"....понятие "мы" содержит в себе не только меня, но и множество других неделимых различного рода"2/. Таким образом "мы"обозначает группу лиц , в сосав которой входит и сам говорящий.В таком случае"мы" обозначает не "я" и других"я",а"я" вместе с другими. Тогда здесь"мы" обозначает разнородные лица.В других случаях"мы"обозначает"я" объединенное с кем-нибудь.Например: мы с тобой /т.е я и ты/,мы с вами / т.е я и вы/ 3/.Однако,по нашему мнению,эти сочетания могут обозначать"мы" объединенное с кем-нибудь. Например:когда студенты обращаются к преподавателю:"мы с вами поедим на выставку".

1/В.В.Виноградов.Русский язык.М.,1972,стр.265.
2/А.А.Шахматов.Синтаксис русского языка.Л., 1941,стр.459.
3/В.В.Виноградов.Русский язык.М.,1972,стр. 266 .

Таким же образом В.В.Виноградов считает,что местоимение"вы" не является обычным множественным числом "ты". "вы" обозначает группу лиц, в составе которой находится второе лицо"ты", т.е "вы" имеет значение"ты" в совокупности с другими. При этом "вы" обозначает разнородные лица. Если речь обращена к одному лицу, местоимение"вы" может иметь значение "ты"объединенное с кем-нибудь другим.Напр.:/вы с ней /т.е ты и она/,вы с товарищем /т.е ты и товарищ/ [1].Однако мы считаем,что эти сочетания могут обозначать также "вы"/во множественном числе/объединенное с кем-нибудь другим/вы и она, вы и товарищ/.

Таким образом согласно мнению В.В.Виноградова "мы" и"вы" не имеют значения обычного множественного числа и не являются множественным числом"я" и"ты".

Однако, по нашему мнению,в других случаях местоимение"вы" может иметь значение обычного множественного числа.Это возможно в том случае, если речь обращена к нескольким собеседникам "ты". Напр.:когда какой-нибудь студент обращается к своим товарищам и говорит:"сейчас вы должены собраться у входа".При этом "вы" обозначает "ты" и других "ты"т.е обозначает однородные лица. А местоимение"мы" не имеет значения обычного множественного числа,так как"мы" обозначает совокупность неоднородных лиц.

1/См.В.В.Виноградов.Русский язык.М.,1972,стр. 266.

А местоимения 3-го лица имеют значение обычного множественного числа. "Они" обозначает совокупность как однородных ,так и разнородных лиц или предметов.

В арабском литературном языке личные местоимения характеризуются грамматической категорией числа. Известно,что эти местоимения никогда не принимают специальные знаки,которые указывают на число,как и другие имена. Следовательно от арабских личных местоимений един.числа нельзя образовать ни двойственного,ни множественного числа. Но каждое из этих местоимений само по себе, по своей структуре может обозначать одно определенное число[1]. Раздельное местоимение" نحن "и слитное" نا "считаются множественным числом местоимений" أنا " и " ياء المتكلم ". Множественное число местоимений" نحن " и " نا " имеет значение" أنا ",который говорит от лица коллектива, в других случаях может обозначать, что говорящий скрывает себя за другими. Напр.:

"نحن سعداء اذ وجدنا قريبا منك "(نجيب محفوظ ـ القاهرة الجديدة)

Мы считаем, что в некоторых случаях множественное число этих местоимений может иметь значение" أنا "или " ياء المتكلم " ,который совершает действие в совокупности с другими .Напр.:

قال: "هذه فرصتنا الأخيرة اما نحسن انتهازها ،فنحن في عيشة راضية،أما ندعها تفلت من أيدينا ،فنحن في عيشة ..."

(نجيب محفوظ ـ القاهرة الجديدة) .

<u>В таких случаях эти</u> местоимения обозначают мно-

1/См. ابن هشام الانصاري . قطر الندى وبل الصدى . الطبعة الثانية . القاهرة . ١٩٦٦ ـ ص ١٢٩ ـ ١٣٠ .

жество лиц разного рода.

Из сопоставительного исследования ,по нашему мнению, значение множественного числа местоимений" نا "," نحن ",в некоторой степени, совпадает со значением множественного числа местоимения "мы" в русском языке.

Раздельные местоимения/ الضمائر المنفصلة /2-го лица " أنتن "," أنتم " ,3-го лица "هن","هم" и слитные местоимения/ الضمائر المتصلة "/ نون النسوة "," واو الجماعة "имеют значения обычного множественного числа. Они являются множественным числом местоимений 2-го лица" أنت","أنت" , " تاء المخاطبة " и 3-го лица "هي","هو"," هاء الغائب ".Указанные выше местоимения 2-го и 3-го лица в множественном числе обозначают множество однородных лиц,так как эти местоимения различаются по роду[1].Однако необходимо отметить , что в арабском языке местоимения 3-го лица множ. числа женс. и муж. рода не употребляются для выражения множественного числа неодушевленных предметов. Вместо них употребляется местоимение" هي ".Напр.:

ارتفعت الطائرات وهي تحلق في السماء .

Вместе с тем,такое же употребление личного местоимения"هي" также свойственно живым,одушевленным существам,за исключением человека.Напр.:

رأيت الطيور وهي تبحث عن الطعام .

Мы считаем,что множественное число указанных местоимений 2-го лица может обозначать,в некоторых случаях, "أنتَ" или "أنتِ"объединенный с кем-

---

I/См.
عباس حسن ـ النحو الوافي . الجزء الاول . القاهرة،١٩٧١ ص٢١٨.

нибудь другим и совершающий действие вместе с ним. Напр.: "... والآن دعني اقدمك الى العروس ووالديها . فقال مبتسما : لعلكم لا تحتاجون الى تعارف ..." (نجيب محفوظ ـ القاهرة الجديدة) .

Кроме того, личные местоимения 2-го и 3-го лица имеют еще и двойственное число, которое в отличие от множественного числа, не различается по роду. Поэтому местоимения двойственного числа обозначают как два однородных, так и разнородных лица или предмета.

Сопоставительное исследование, по нашему мнению, показала, что существует большое различие в значении и употреблении арабских личных местоимений 2-го и 3-го лица множ. числа. Вместе с тем, наблюдается сходство в значении множ. числа местоимений I-го лица русского и арабского языка .

А что касается категории рода, то в русском языке местоимения "мы" и "вы" /в значении множественного числа/ лишены родовых различий. Определяющее слово согласуется с полом, обозначаемого лица, выраженного местоимением "вы" /если оно выступает в роли местоимения "ты"/. Напр.: какая вы, какой вы, вы сами и др./.

Местоимения "я, ты/и вы/лишены формального указателя родовых различий. На наш взгляд, они в этом отношении имеют сходство с существительными общего рода. Местоимения "я" и "ты" непосредственно могут обозначать лицо говорящего или собеседника, и тогда их род определяется полом лица к которому они относятся. В других случаях они

могут относиться к лицам посредством их названий, и тогда их род определяется родом лица, от которого они выступают. Правильно считает А.А.Шахматов, что существенным признаком личных местоимений является их способность "заимствовать в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представления о субстанции или о существительном"[1].

Родовые значения получают выражение в местоимениях 3-го лица един. числа. Они непосредственно обозначают лица или предметы и тогда их род определяется посредством рода имен существительных, на которые они указывают. Форма "они" характеризуется родовым безразличием .

Из основных особенностей личных местоимений арабского языка то, что они характеризуются грамматической категорией рода. Однако раздельные и слитные местоимения I-го лица един. и множ. числа лишены родовых различий. Но род местоимений I-го лица един. числа / انا ، ياء المتكلم / может определяться полом лица, от которого они выступают или из контекста . Напр.:

قال على الفور : "انا اسعد لانى وجدت قريبين مثلكما ...."
(نجيب محفوظ ، القاهرة الجديدة) .

Местоимения 2-го и 3-го лица двойственного числа не имеют формальных указателей родовых различий. Напр.:

انتما مدبرتان ، هما شريكان متعاونان .[2]

1/ А.А.Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1927, стр. 3.

2/ См. عبد العليم ابراهيم ، النحو الوظيفي القاهرة ١٩٧٣ ، ص ٢١٩

В таких случаях род местоимений определяется полом лица, к которому они относятся при наличии определяющего слова , которое должно принимать определенные,формальные знаки,чтобы показать род и число местоимений.

Раздельные и слитные местоимения 2-го и 3-го лица множественного числа / انتم ،انتن ،هم ،هــــن واو الجماعة ،نون النسوة/ характеризуются родовым различием. Необходимо отметить, что в категории рода арабского языка не различается средний род. Следовательно в арабском языке нет определенных местоимений для обозначения среднего рода.

Из сопоставительного анализа категории рода в русском и арабском языках,мы сделаем вывод, что местоимения русского языка"я,ты/и вы/и местоимения арабского языка" انا ، ياء المتكلم " ,которые не имеют формальных показателей родовых различий,в некоторой степени,имеют сходство с именами существительными общего рода.Таким же образом мы считаем,что существуют большие различия между категориями рода личных местоимений 2-го и 3-го лица един. и множ. числа русского и арабского языка.

Существенным различием,отличающим личные местоимения русского языка от подобных им в арабском языке,является склонение. Правильно считает А.М.Пешковский,что "...морфологические особенности этих слов так велики , что во многих языках ... приходится говорить об особен-

ном местоименном склонений "I/.

В русском языке склонение личных местоимений представляет собой изменение не только окончаний, но и основ .Характерно в склонении личных местоимений в русском языке противопоставление формы именительного падежа формами косвенных падежей: я-меня-мне и т.п., ты-тебя-тебе и т.п. Такие противопоставления разрушают общности корневого элемента в всех формах личных местоимений. Поэтому Пешковский заявил , что в местоимениях "... весьма трудно различить основу и окончание, так что со стороны звуковой это слова неизменяемые"2/.

Более того к личным местоимениям 3-го лица в косвенных падежах присоединяется/-н/.Обычно формы с /-н/ употребляются в косвенных падежах после предлогов. Из анализа мы находим , что формы с/-н/ не употребляются в следующих случаях :

I/ После предлогов наречного происхождения: согласно,вопреки,вслед,навстречу и др.,также после предлога глагольного происхождения-благодоря . Эти предлоги употребляются с дательным падежом. Напр.:

"Нельзя,нельзя -закричала вслед ему служанка"./Пушкин,Станционный смотритель /.

2/ После сравнительной степени прилагательных.Напр.: "Разве мы хуже ее ? "/Бабаевский, Кавалер золотой звезды /.

I/А.М.Пешковский.Русский синтаксис в научном освещении.М.,1956 ,стр.156.

2/ См. Наш язык.вып.2,М.,1923,стр.173.

3/ После сочетаний существительных с простыми предлогами: не в пример им, при помощи ее, по поводу ее и т.п.

В этих случаях, по нашему мнению, указанный звук обычно добавляется к личным местоимениям 3-го лица по стилистическим причинам.

Необходимо отметить, что в арабской грамматике различаются два типа личных местоимений. Такое деление основывается на том, что выступает ли личное местоимение в предложении в качестве отдельного, самостоятельного слова. Следовательно выделяются следующие разряды:

I/ ал-Дамāир ал-мунфаṣила/الضمائر المنفصلة/. Эти раздельные местоимения выступают в предложении в качестве отдельных, самостоятельных слов. В предложении они могут выполнять различные синтаксические функции.

2/ал-Дамāир ал-мутаṣила/ الضمائر المتصلة /. Эти местоимения, мы предпочитаем назвать "слитные местоимения", которые в отличие от раздельных местоимений, не имеют самостоятельного семантического значения. Несмотря на это, слитные местоимения характеризуются самостоятельным грамматическим значением. Слитное местоимение может присоединяться к предшествующему глаголу, имени или предлогу, образуя вместе с ним одно слово.

В этом отношении, по нашему мнению, заключается одна из основных особенностей арабской грамматики. Роль слитного местоимения в предложении зависит от того, к чему оно присоеди-

няется [1].

Некоторые арабисты считают,что слитные местоимения являются личными суффиксами . С этим мнением мы не согласны,так как несмотря на то,что слитные местоимения не являются самостоятельными словами и не имеют семантического значения,они,в отличие от личных суффиксов при глаголах русского языка,имеют грамматическое значение и могут выполнять в предложении важные синтаксические функции.

В арабском языке понятие склонения имеет другое значение. Морфологический анализ арабской речи, который лежит в основе деления слов на флективные"معرب" и " нефлективные" مبنى" /т.е наличие или отсутствие форм словоизменения /, служит основанием отнесения арабских местоимений к классу нефлективных слов.При описании местоимений, арабские грамматисты исходили из рассмотрения их,в первую очередь,в синтагматическом аспекте /т.е в теории 'и^{c}ра̄б" "اعراب" /. Только при таких условиях им удалось установить основные морфологические и синтаксические особенности этой группы слов .

Следует отметить, что раздельные и слитные местоимения, по своим морфологическим и синтаксическим признакам,делятся на следующие классы:

I/<u>Дама̄'ир ар-раф^{c}/ ضمائر الرفع</u> /.При этом состоянии предполагается наличие словоформы" марфу^{c}"/<u>فى محل رفع</u> /у личных местоимений , которые

1/См.

عباس حسن • النحو الوافى ـ الجزء الاول • القاهرة • ١٩٧١ • ص ٢٢٣ •

могут выступать в предложении в роли подлежащего / مبتدأ /, заместителя действователя/نائب فاعل/, субъекта действия/ فاعل/ и др. Напр.:

قال باسما : "انا الذى استفيد منك ، فانت فى سن الشباب"

(محمد عبد الحليم عبد الله . سكون العاصفة) .

В этом примере личное местоимение" انا" выступает в роли подлежащего /مبتدأ/ именого предложения .

2/ Дамā'ир ан-насб / ضمائر النصب /. Эта форма предполагает наличие словоформы "мансуб"/ فى محل نصب/ у личных местоимений. При этом местоимения могут выполнять роли объекта действия / مفعول به /, предикативного члена при глаголе "кāна"/خبر كان /и др. Напр.:

قال تعالى "ربنا لا تؤاخذنا ان نسينا او اخطأنا"

В этом предложении местоимение" نا"при глаголе /تؤاخذ/ играет роль объекта действия/مفعول به/

3/ Дамā'ир ал-джарр/ضمائر الجر/. Это состояние образуется только при сочитании слитного местоимения с именем или с предлогом. При этом посредством конструкции" الاضافة", предполагается наличие словоформы "маджрур"/فى محل جر/.Напр.:

قال فى اعتزاز : "انا كنت اريد ان اعرف رايك"

(محمد عبد الحليم عبد الله . سكون العاصفة) .

В этом примере местоимение" الكاف" присоединилось к имени/ راى/ и считается "мудāф маджрур / مضاف فى محل جر /.

Из анализа грамматических особенностей личных местоимений арабского языка, мы обнаруживаем,что слитные местоимения широко употреблены при глаголах. А раздельные местоимения

в роли действующего лица,не всегда употребляют-ся при глаголах .Часто отсутствуют эти место-имения/ضمائر الرفع المنفصلة/ и словесно не выражаются вречи.В таких случаях необходимо подразумевать субъект действия или его заместитель,который должен быть подразумеваемым личным местоимени-ем,уподобляющим раздельному местоимению.Напр.:

اين تذهب في هذه الساعة من الليل؟(نجيب محفوظ ـ اللص والكلاب)

В этом примере ,субъект действия при глаголе /تذهب/словесно не выражен в предложении.Здесь субъект действия является подразумеваемым лич-ным местоимением,которое соответствует во вы-ражении раздельному местоимению" انت".При этом невозможно ставить в предложение , в явной форме,раздельное местоимение,соответствующее подразумеваемому местоимению,и выполняющее роль действующего лица.Так нельзя говорить:

"اين تذهب انت في هذه الساعة ....

Однако бывает случаи,при которых вместо под-разумеваемого местоимения можно ставить в пред-ложение в явной форме раздельное местоимение. Но это возможно лишь при определенных морфоло-гических условиях, как например при употребле-нии частиц исключения типа" الا ".Напр.:

الطائر ما تحرك الا هو .(عباس حسن . النحو الوافي) .

В глагольных предложениях обычно глагол ал-мударӣ[c],обозначающий настоящее время,начинает-ся с определенными префиксами/احرف المضارعة / , которые непосредственно присоединяются к этому глаголу.Субъект действия словесно не выражает-ся в таких предложениях.При этом глагол ал-

мудāри^{c} содержит в себе большую грамматическую и семантическую нагрузку, так как с помощью этих префиксов/الهمزة، النون، تاء المخاطب، ياء الغائب، تاء الغائبة/ глагол указывает на субъект действия, который должен быть раздельным местоимением, не выраженным в речи.

В этих предложениях отсутствуют местоимения I-го лица един. и множ. числа, местоимения 2-го лица един. муж. рода и местоимения 3-го лица един. числа муж. и жен. рода[1/].

Рассматривая грамматические особенности арабских личных местоимений в таких предложениях, мы наблюдаем сходство между подразумеваемыми местоимениями и опущенными личными местоимениями в определенно-личных предложениях русского языка. Широко распространено в русском языке употребление форм глагола I-го и 2-го лица без подлежащего-местоимения. При этом глагольная форма сама по себе дает представление о подлежащем, не выраженным местоимением. Отсутствие подлежащего-местоимения I-го лица в будущем и настоящем времени широко распространено в формах изъявительного наклонения. Напр.:

"Пьесу начну в феврале, так рассчитываюсь по крайней мере."/Письмо Чехова Станиславскому/.

В этом примере посредством личного суффикса при глаголе "начну", определяется действующее лицо, не выраженное местоимением.

В этом отношении, по нашему мнению, глагол в

1/ См.
ابن هشام ، ضياء السالك الى اوضح المسالك ، الطبعة الثالثة ، ١٩٧٣ ، ص٢ ، ١٠ .

таких предложениях уподобляет глаголу ал-муда̄риᶜ в арабском языке.

В отличие от арабского языка,редко опускается личные местоимения 3-го лица един. числа в русском языке. Но,по нашему мнению,это возможно лищь в том случае,если из окружающей обстановки ясно кто является субъектом действия.

В прошедшем времени личные местоимения русского языка необходимы, потому что иначие нельзя узнать лицо,совершающее действие.

В арабском языке обычно не употребляются , в отличие от русского языка,раздельные местоимения при глаголе ал-ма̄ди̣ ,обозначающий прошедшее время. А слитные местоимения при этом глаголе употребляются во всех лицах кроме 3-го лица един. числа муж. и жен. рода.Только при этом случае отсутсвует местоимение и тогда необходимо подразумевать его.Напр.:

ونهض من المتلقاه ،فجلس على الكنبه في الظلام ....
(نجيب محفوظ . اللص والكلاب) .

В этом примере по грамматическим причинам, местоимение"هو" не выражается в речи,так как нельзя говорить: نهض هو .... فجلس هو .....

Известно,что в русском языке совершенно не возможно личное местоимение I-го лица "мы" в повелительном наклонении.Напр.:

"Ну- сказал он Полине - я решел: едем" .
/М.Горький,Дело Артамоновых/.

Таким же образом при повелительном наклонении обычно отсутствует местоимение 2-го лица/ты и вы/.А.М.Пешковский правильно считает,что"...

присутствие личных слов можно рассматривать в русском языке как норму,а отсутсвие их - как отступление от нормы....Только в повелительном наклонении трудно настаивать на таком понимании ,так как употребление местоимений при нем, напротив,является исключением"[1].

В арабском литературном языке обычно раздельные местоимения не употребляются при повелительном наклонении. А слитные местоимения присоединяются к глаголу ал-'амр"الامر"выражающему повелительное значение. В таких случаях субъект действия -местоимение явно выражается в предложении. Но вместе с тем, только слитное местоимение 2-го лица един.числа муж.рода отсутествует при глагольной форме повелительного наклонения.Напр.:

اذهب واشتر شيئا تأكله . (نجيب محفوظ . اللص والكلاب) .

В этом примере действующее лицо является подразумеваемым местоимением/ضمير مستتر وجوبا تقديره أنت/ которое грамматически и стилистически не может выражается | в речи.Однако в некоторых случаях по стилистическим причинам раздельное местоимение словесно выражается в речи и тогда на него подает логическое ударение.Напр.:

راغب : ... اجلس أنت واكتب مؤلفاتك واطبع وانشر ...
(توفيق الحكيم - الوطنه) .

По нашему мнению,структура этого предложения грамматически считается неправильной.

Таким образом из анализа этого вопроса ,мы

1/ А.М.Пешковский.Русский синтаксис в научном освещении.М.,1956 ,стр.187.

сделаем вывод , что существенное отличие, различающее структуру обоих языков заключается в том, что в русском языке личное местоимение/действующее лицо/ отсутствует, по крайней мере, не по морфологическим, а лишь по стилистическим причинам. По мнению Д.Розенталя "пропуск личного местоимения...в роли подлежащего придает речи динамичность, ускоряет ее темп, вносит разговорный оттенок "1/.

По нашему мнению, личное местоимение-подлежащее русского языка можно вставить в предложение и при этом семантическое значение предложения не изменяется. А с точки зрения морфологии, в структуре предложения не происходят никаких-либо существенных изменений. Но в виду этого, синтаксически изменяется лишь тип предложения. Оно становится личным двусоставным предложением.

В отличие от русского языка, в арабских предложениях, где отсутствует личное местоимение— субъект действия невозможно словесно выражать его , за исключением отдельных случаев. При этом в структуре предложения происходят некоторые грамматические изменения и отчасти изменяется семантическое значение предложения.

По нашему мнению, эти предложения , в которых опускается личное местоимение, уподабляют в русском языке определенно- личным предложениям. В таких арабских предложениях, мы считаем, что глагольная форма является вполне самостоятельной

1/Д.Розенталь, М.Теленкова. Практическая стилистика русского языка. М., 1976, стр. 188.

и не нуждается в местоимении,так как эта глагольная форма сама по себе,по своей структуре может указывать на местоимение, выполняющее в предложении роль действующего лица.

Следовательно, по нашему мнению,подразумеваемое местоимение не является существенным , важным членом предложения.Как показало исследование, что без этого местоимения предложение является польным и имеет законченный смысль.

Мы считаем,что в русском языке можно обнаруживать аналогию подразумеваемого местоимения арабского языка в определенно-личных предложениях.Из анализа предложений,где отсутствует личное местоимение в роли подлежащего,глагольная форма является самостоятельной и сама по себе дает представление о действующем лице,не выраженном личным местоимением в обоих языках.

Таким образом в этом отношении,по нашему мнению,отчасти заключается сходство между обоими языками в случаях нерегулярного употребления личных местоимений в роли подлежащего при глаголах. Следовательно мы склоны считать, что подразумеваемые местоимения арабского языка уподабляют в русском языке пропущенным личным местоимениям в определенно-личных предложениях .

ВЫВОДЫ

Из сопоставительного анализа рассмотренного нами вопроса,мы приходим к следующим выводам:

Основное значение личных местоимений в русском и арабском языках в основном совпадает,

но в способе их выражения есть расхождение. Это общие слова , отвлеченные от конкретной действительности , которые только в речи , в связи с другими словами получают применение к действительным лицам или предметам .

В арабской грамматике различаются два типа личных местоимений /раздельные и слитные место имения/, в зависимости от того, выступает ли личное местоимение в предложении в качестве отдельного,самостоятельного слова.

По нашему мнению,слитные местоимения не являются личными суффиксами. Они ,в отличие от личных суффиксов при русском глаголе , имеют самостоятельное грамматическое значение,хотя и не имеют самостоятельного семантического значения.Вместе с тем, эти местоимения могут играть в предложении разнообразные синтаксические функции.

Мы считаем,что значение и употребление множественного числа местоимений арабского языка " نحن،نا. ", в некоторой степени,совпадают со значением множ. числа русского местоимения"мы". В отличие от русского языка,мы находим в арабском языке местоимения 2-го и 3-го лица для обозначения двойственного числа.

Наблюдается расхождение в категории рода личных местоимений в обоих языках. в арабском языке,в отличие от русского ,личные местоимения 2-го лица един. и множ.числа и также 3-го лица множ.числа характеризуются родовыми различиями. В арабском языке нет местоимений для обозначе-

ния среднего рода. Из сопоставительного анализа ,мы склоны считать,что личные местоимения русского и арабского языка , которые не имеют формальных указателей родовых различий,имеют сходство с именами существительными общего рода.

В склонении личных местоимений характерным является изменение основ в русском языке и неизменяемость их в арабском языке. Личные местоимения арабского языка являются нефлективными словами. Несмотря на это,при синтагматическом анализе личных местоимений предполагается наличие словоформ марфу^{c} , мансуб и маджрур , чтобы определить разные синтаксические функции ,выполняющие арабские личные местоимения в предложениях.

К личным местоимениям русского языка 3-го лица в косвенных падежах добавляется звук/-н/, по нашему мнению,не по грамматическим , а по стилистическим причинам.

Мы считаем,что в русском языке мы можем обнаруживать аналогию подразумеваемого местоимения арабского языка в определенно-личных предложениях.Из сопоставительного анализа,мы можем сказать,что в случаях нерегулярного употребления личных местоимений-подлежащих при глаголах в обоих языках,глагольная форма сама по себе дает представление о действующем лице, не выраженном личным местоимением.В этом отношении,по нашему мнению,подразумеваемые местоимения арабского языка отчасти уподабляют в русском языке пропущенным личным местоимениям в определенно-личных предложениях.

SOME PECULIARITIES IN SHORT STORIES A.P. CHEKOV AND YUSSEF IDRIS

By

Dr. MOHAMED ABBAS and Dr. NADIA SULTAN

О некоторых особенностях рассказов А.П.Чехова и Ю.Идриса

Зарождение и становление современной египетской новеллы относится к концу XIX века. Однако, жанр короткого рассказа, как самостоятельный утвердился только в начале XX века. Большая роль в формировании этого жанра принадлежала первому поколению новеллистов- Махмуду Теймуру, Тахеру Лашину, Братьям Исе и Шихате Убейду и др. Эти пионеры были хорошо знакомы с западноевропейской и русской литературой и, естественно, попали под её влияние. Они признавали своими учителями Мопассана и Чехова. Об этом свидетельствуют слова Махмуда Теймура: "Когда я начал знакомиться с мировой литературой и отбирать для чтения лучшие её произведения, я узнал великого Чехова. Я полюбил его рассказы, ставшие для меня источником знаний и вдохновения. Впоследствии я познакомился и с другими западными писателями, но, как и прежде, оставался верным своей любви к этому гениальному новеллисту, который помог мне понять, оценить и полюбить таких русских писателей как Толстого, Тургенева, Достоевского и Горького."I/

I/ "Современный Восток", 1958, №9, стр. 65.

Если А.Чехов является одним из талантливейших мастеров короткого рассказа в русской литературе, то Ю.Идрис один из самых лучших писателей не только в египетской, но и в арабской литературе, обновивших жанр современной новеллы. О творчестве Ю.Идриса и его роли в развитии этого жанра много было написано. Творческую оригинальность Ю.Идриса как художника, талантливого прозаика, мастера новеллы и драматурга отмечали многие современные писатели и критики. Таха Хусейн, крупнейший египетский писатель считает, что " Юсуф Идрис как будто родился для того, чтобы стать писателем и драматургом. Обладая тонким писательским чутьем, он смог проникнуть в тайны повествования и таким образом достиг вершины художественного мастерства." Египетский критик Мухаммед Мандур также подчеркивает, что " Ю.Идрис является великим мастером жанра новеллы в современной арабской литературе." Известный египетский писатель Тауфик аль-Хаким говорит : "По моему мнению Юсуф Идрис является без сомнения выдающимся писателем, обновляющим жанр короткого рассказа." Необходимо упомянуть и высказывание Аниса Мансура -" Ю.Идрис - талантливый художник в области короткого рассказа. По всей вероятности он является одним из самых лучших авторов этого жанра в Египте."I/

I/См.Ю.Идрис.Пол.собр.соч., Т.I, Каир, 1973.

В последние годы высказываются мнения, утверждающие близость творчества египетского писателя Ю.Идриса и А.Чехова. Ю.Идрис " является умнейшим учеником чеховской школы "[1], "Гораздо ближе / чем другие египетские новеллисты/ к Чехову стоит творчество Юсуфа Идриса "[2], " Юсуф Идрис.., несомненно, испытал на себе влияние Толстого, Чехова и Горького."[3]

В настоящей работе делается попытка проанализировать творчество этих писателей в раскрытии мира " маленького человека " на примере нескольких рассказов и показать какими средствами они это делают.

Когда речь идет о творчестве писателей разных стран, литературные сопоставления основываются, как правило, на проблемах традиций и взаимосвязи национальных литератур. Классическая русская и советская литература оказала плодотворное влияние на развитие египетской и общеарабской литературы. Влияние это вырисовывается особенно четко в реалистическом направлении литературы Египта и признается египетскими писателями и критиками.[4]

1/ Фуад Даввара. "О новелле", Серия"Тысяча книг № 627, Изд."Центр книг Ближнего Востока", Каир, 1966, стр.11.

2/ В.Кирпиченко. "Литература востока", Изд. "Наука", М. 1969, стр.5.

3/ Ю.Нагибин. См.Предисловие повести Ю.Идриса "Грех", Гослитиздат, М.1962, стр.6.

4/ И.Ю.Крачковский. "Чехов в арабской литературе, Избранные сочинения,Т.III,М.-Л.,стр. 314.

рьбе с ними.

Фабула очень проста и у А.Чехова и у К.Идриса это эпизод из жизни. Оба рассказа лаконичны и выразительны, композиционно построены в одном плане. Иона стоит со своей повозкой на улице в ожидании седоков:"Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется."I/

Рассказ Ю.Идриса "Вечерний марш" начинается с подобного же описания: герой стоит на мосту, зазывая покупателей. Зимний вечер. Холодно и холод в сердцах людей. "Была зима . Солнце только что село. Все вокруг озарено тем неверным светом, какой бывает между закатом и наступлением сумерек. Люди молча и торопливо идут по мосту, и в их поспешности- все уныние угасающего зимнего дня."2/

И у А.Чехова и у Ю.Идриса люди спешат, бегут и в спешке им нет дела до несчастья других "но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски."3/

I/А.П.Чехов. Пол.собр.соч.в двенадцати томах, Т.III, Гослитиздат, М., 1967, стр.437. В дальнейшем все цитаты по этому изданию.

2/Ю.Идрис. Сб.рассказов "Конец света", Каир, 1961, стр.100.

3/А.П.Чехов. Т.III, стр.440.

Однако, если первые египетские новеллисты попали под "мопассанско-чеховское " влияние , то новое поколение 50-х годов, в ряду которого и стоит Ю.Идрис, почти освободилось от него.

В статье нет возможности проанализировать все произведения А.Чехова и Ю.Идриса, поэтому ограничимся рассмотрением нескольких рассказов.

А.Чехова занимали и просто люди- не возвеличенные до демонизма, не разоблаченные до позора,а представленные в своем действительном облике, в будничном течении жизни, где все просто и сложно: "Люди обедают, только обедают , а в это время слагается их счастье и разбивается их жизнь". Много рассказов Антон Павлович посвятил трагической судьбе "маленьких людей", судьбе "униженных" и "обездоленных". Рассказ "Тоска" повествует об извозчике Ионе, который пережил тяжелое горе: умер его сын. Иона пытается поделиться своим горем с седоками, однако им, сытым и веселым, нет дела до чужих страданий. Напрасно ищет он хоть кого-нибудь, кому можно было бы поведать о своей тоске, но никто не слушает его. Наконец, он рассказывает обо всём своей лошади.

Египетский писатель Ю.Идрис большое внимание уделяет судьбе "маленьких людей". Герои его рассказов типичные представители определяной социальной среды-крестьяне, городская беднота-полицейские, торговцы, мелкие чиновники,

ремесленники. Много общего можно обнаружить в рассказах А.Чехова и Ю.Идриса хотя на первый взгляд они мало похожи. Герой рассказа А.Чехова "Тоска"- извозчик, а герой Ю.Идриса "Вечерний марш"-продавец эрксуса.+/ Однако оба рассказа роднит единая мысль. Это мысль о трудной судьбе "маленького человека", его потерянности в большом и жестоком мире, о безразличии к нему окружающих людей. Герой Ю.Идриса продает эрксус зимой в холодную погоду. Никто не покупает его товар, несмотря на звон медных тарелочек, которым он зазывает покупателей. Кувшин тяжел, оттянул плечи, холод пронизывает его до костей. Как и Иона, герой Ю.Идриса не может заработать себе на пропитание, его охватывает отчаяние. Продавец эрксуса находит утешение-лишь в звоне медных тарелочек, который помогает ему справиться с тоской и печалью. Оба героя находят утешение не у людей, а с тем существом или предметом, которые являются помощниками их труда.

Оба сравниваемых рассказа представляют реалистические произведения, отражающие реальную жизнь. А.Чехов и Ю.Идрис правдиво изображают здесь отрицательные явления жизни, обнажают социальное зло, заставляя их внимание к социальным порокам, призывая их тем самым к бо-

---

+/ Эрксус-египетский национальный напиток.

Авторы очень скупо рассказывают о героях, о многом и читатель должен догадываться сам. Оба героя старики. Иона приехал из деревни, где у него была семья. В городе он живет в извозчичьем дворе. Ю.Идрис подробнее описывает наружность своего героя: "Как и большинство продовцов подобного рода, он уже немолод. На нем традиционная одежда- рубаха с длинными рукавами, вязанная у пояса полинялой, но чистой красной тряпкой: из-под шаровар, свисающих сзади мешком, выглядывают босые ноги."1/

Мы ничего не знаем о продавце эрксуса, однако обо всем можно прочитать как бы в своеобразном подтексте.

И А.Чехов и Ю.Идрис относятся с глубоким сочувствием к своим героям. А окружающий мир холоден, чужд человеку, как "омут,- пишет А.Чехов,- полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей"2/ Герой Ю.Идриса "остановился в стороне, разглядывая землю и небо, огни далекие и близкие..", а вокруг "мир бесконечно велик, а мрак непроглядно глубок."3/

А.Чехов и Ю.Идрис смело используют в своих рассказах народные слова и выражения. У

1/Ю.Идрис."Конец света", Каир, 1961, стр.99.
2/А.П.Чехов.Т.III, стр.437,
3/Ю.Идрис."Конец света", Каир, 1961, стр.100, 104.

А.Чехова мы находим следующие выражения: "идтить", "прыть", "хлобысни-ка" и др.

Ю.Идрис широко использует диалект:

يامنعنش ، ياكريم سترك ، ميتانه

Все изложенное позволяет сделать вывод о несомненном идейном и художественном созвучии. При всей самобытности Ю.Идриса, на примере этого короткого рассказа, можно проследить определенное влияние А.Чехова и подтвердить в известной мере мнение высказываемое литературоведами и критиками.

Много рассказов А.Чехов посвящает быту мелких чиновников. Это не случайно. Именно в чиновничьей среде особенно резко проявляется неравенство, определяемое "табелю о рангах". Тема описания чиновничьей среды характерна, как для русской литературы, в которой она стала одной из традиционных тем,так и для литературы других народов.

Ярким примером нового и интересного раскрытия этой традиционной темы является рассказ Ю.Идриса "Алиф в слове "аль-ахрар"[1/]

Идрис описывает контору крупной компании, расположенную на одной из центральных улиц Каира:стеклянные,блестящие двери,швейцары и прислуга с медными бляхами.Ровно в восемь ча-

---

I/Алиф - первая буква арабского алфавита.
аль-ахрар - свободные.

сов утра все на месте: чиновники за своими столиками с пищущими и счетными машинами, прислуга у дверей. В девять часов из кабинета начальника машинописного бюро раздаются раздраженные голоса и крики. Служащие с беспокойством прислушиваются. Как могло случиться, что вежливый и учтивый Ахмед Рашван, который всегда говорит изысканно и почтительно, вызвал такой гнев начальника. Впервые в жизни Ахмед своим поведением навлек на себя недовольство своего шефа, а причина оказалась очень странной. Незадолго до этого в депеше, которую переписывал Ахмед на машинке, он заметил описку: "хамза" была поставлена над "вав". Ахмед хотел исправить ошибку. Однако, начальник не встретил его усердия с радостью, а наоборот сделал ему внушение, говоря :" Послушай, уважаемый, ты здесь не для собственного удовольствия. Ты должен переписывать то, что написано. Ошибка, не ошибка- не твое дело. Ты что будешь указывать компании? Если компания хочет "хамзу" над "вав", пусть она будет "вав", а если она захочет выбросить её на ветер, то "хамза" полетит на ветер. Понял, уважаемый! Пожалуйста, выполняй свою работу и знай хорошенько свое место. Ты здесь переписчик на машинке, а если ты переписчик- это значит, что ты должен переписывать, то есть, делать то, что тебе прикажут. Машинка печатает то, что написано и ты

действуй так же. Понял уважаемый?"[1]

С этого дня Ахмедом овладела идея -фикс. Он стал размышлять, отличается ли он чем-нибудь от машинки. Наконец, он твёрдо решил доказать, что он живой и разумный человек, с высшим образованием, что он не машина. И вот удобный случай. Перед ним доклад, в котором написано: "Тогда мы будем свободными в своих действиях."[2] Его внимание привлекло слово "свободными" и он переделал фразу, опустив падежное окончание, выражаемое в арабском языке буквой алиф, написав: "Тогда мы будем свободны". Через некоторое время его вызвал начальник и потребовал вставить окончание, но Ахмед упорно стоял на своем. Он решил бороться. Это была борьба за достоинство человека, за его право быть свободным и разумным, и просто за право быть человеком. Ахмед терпит поражение в этой борьбе, он уволен из компании. Он бредет на улице несчастный, обреченный, может быть, на долгое время на безработицу и нищету. Никто не обращает на него внимания. А он кричит в лицо бездушной толпе " Ведь я человек."

Обращаясь к сопоставлению этого рассказа с рассказами А.Чехова, прежде всего следует отметить, что несмотря на кажущуюся разницу в освещении этой темы Ю.Идрисом и А.Чеховым в них что-то, на первый взгляд неуловимое, что

1/Ю.Идрис.Пол.соб.соч.,Т.I,Каир,1971,стр.417.
2/Там же, стр.420.

роднит их. В русской литературе классическим примером описания маленького человека, жалкого чиновника является повесть Н.Гоголя "Шинель", которая вызывала у читателя жалость и сострадание. Однако Н.Чернышевский подчеркивал вину Акакия Акакиевича на то, что судьба его в действительности есть закономерный результат образа жизни ничтожного человека, в общем и не имеющего основания претендовать на иную долю. Г.Бердников в своей работе писал, что чеховское отношение к "маленькому человеку" совпадает с "мыслями, высказанными Чернышевским": "Чехов показывает не только умственную убогость своих героев, не только отсутствие у них чувства собственного достоинства, элементарнейшего самосознания, но их кровную связь с тяготеющим над ними деспотизмом."[1/] В этом заключается коренное различие между взглядами Ю.Идриса и А.Чехова. А.Чехов обличает своих героев, выражает к ним свое резко отрицательное отношение.

У Ю.Идриса позиция иная. Он также, как А.Чехов, показывает рабство, деспотизм, рисует приниженность и задавленность своего героя. Но герой Ю.Идриса деятелен и активен, наделен автором чувством протеста против существующего положения, он борется за свое человеческое достоинство.

I/Г.Бердников."А.П.Чехов",М.-Л., 1961 ,стр. 35-36.

Эта разница закономерна, её корни следует искать в различии эпох:Россия 80-х годов прошлого века, и Египет 50-х годов XX века.

Восьмидесятые годы прошлого века в России были годами жестокой реакции. Революционная организация "Народная воля" была разгромлена, участники покушения на царя Александра П были казнены. В стране господствовали черносотенцы. В этой удушливой атмосфере разгула реакции А.Чехову казалось, что революции в России никогда не будет, и только позднее при приближении революционных событий 1905г. это убеждение писателя поколебалось.

Деятельность же Ю.Идриса падает на 50-ые годы XX века, когда в Египте происходят революционные события, огромные социальные сдвиги, когда идеи социализма побеждают во всей стране. И это отразилось в творчестве писателя. Но несмотря на это , читателя почему то не покидает чувство, что Ю.Идрис по духу близок к А.Чехову. Объяснение этому следует искать в творческом методе Ю.Идриса, во многом созвучного с А.Чеховым.

Это прежде всего умение видеть в мелочах жизни, в повседневности типичные особенности всего общественного уклада, умение видеть важное, характерное в обычном повседневном.

Эпизод мелький, казалось бы, незначительный в жизни чиновника- изменение одной буквы в перепечатанном тексте- Ю.Идрис поднимает до об-

щественно значимого факта и ставит вопрос о человеческом достоинстве маленького чиновника, а в твердости, с которой Ахмед отстаивает слово аль-ахрар-"свободные", из-за которого и происходит конфликт, Ю.Идрис поднимается до обобщения, переходящего в символ. Одной из черт творчества А.Чехова тоже, как известно, является типизация и обобщение, переходящие часто в символы.

Г.Бердников отметил, что в юмористических рассказах А.Чехова "..перед нами возникает удивительная картина жизни, где и в самом деле трудно провести грань между рабством и деспотизмом."1/

В рассказе "Торжество победителя" мелкий и забитый чиновник, поднявшись на ступеньку выше, сам становится тираном и притеснителем. Эта мысль повторяется и у А.Чехова в разнообразных вариациях. Например, в рассказе "Анна на шее" вот как описывается поведение Анны после бала и внимания, оказанного ей его сиятельством: "И в это самое время вошел её муж, Модест Алексеич...И перед ней также стоял он теперь с тем же заискивающим, сладким, холопски-почтительным выражением, какое она привыкла видеть у него в присутствии сильных и знатных,.."2/

1/Г.Бердников."А.П.Чехов",М.-Л.,1961,стр.36.
2/А.П.Чехов,Т.УIII,стр.23.

Яркое проявление деспотизма и тирании по отношению к нижестоящим и рабской зависимости перед сильными мира сего изображает Ю. Идрис в своем рассказе "Алиф в слове " аль-ахрар ". Генеральный директор компании, выслушав объяснение Ахмеда обращается к нему со словами, ярко характеризующими положение людей на социальной лестнице : "Так что ты думаешь, как тебя там! Не один ты только машина, и Абд аль- латиф - твой начальник - машина, и я тоже машина, все машины. Разве я не генеральный директор ? И надо мной тоже начальник- член административного совета компании. Предположим, что он сказал мне : купи тысячу акций компании. Могу ли я купить 999 акций ? Нет, я должен купить тысячу. А если я сделаю иначе, меня уволят. Так, что же я в таком случае ?Отвечай. Что ?"[1/]

Красочно описывает Ю.Идрис поведение служащих компании во время кризиза Ахмеда "Конечно, коллеги не стояли сложа руки. Они пытались успокоить начальника. Все было бесполезно, а Ахмед относился к их трескотне и их просьбам с отвращением потому, что видел, что они все трудятся ради куска хлеба, лицемерят, заискивают, не могут понять и оценить его поведение. Все они лобзают ноги начальников, подбирая хлебные крохи с барского стола..."[2/]

I/Ю.Идрис. Пол.собр.соч.,Т.I,Каир,I97I,стр.428.
2/Там же, стр.423-424.

Другой художественной особенностью творчества А.Чехова и Ю.Идриса является " бесфабульность" или упрощённая фабула. В рассказе "Алиф в слове аль- ахрар-свободные" фабула чрезвычайно проста : незначительный эпизод из жизни скромного переписчика на машинке. Но этот штрих создает образ Ахмеда.

Не малую роль, по-видимому, сыграло и медицинское образование Ю.Идриса, и его работа в больнице Каср аль-айни в Каире, а затем и в других лечебных учереждениях. Исследователи творчества А.Чехова отмечают, что и писательскому мастерству Антона Павловича в большой мере способствовала профессия врача, давшая ему наблюдение, глубокое знание жизни людей, их характеров и привычек.

Нельзя не отметить ещё одну черту присущую манере Ю.Идриса и А.Чехова—это тонкий юмор, грустный, иногда переходящий в осуждение. Вот как описывает Ю.Идрис момент возникновения у Ахмеда крамольной мысли: "В прошлую ночь у Ахмеда случился сильнейший приступ бессонницы. Он лежал на неудобной постели, и уже почти заснул, если бы его не разбудила проклятая блоха, которую Ахмед решил изловить живьём во что бы то ни стало, а блоха решила обмануть его, поводить за нос и не дать одержать над собой победу."[1/] Похожая ситуация встречается и у А.Чехова в рассказе "Ночь перед судом": Это черт

1/Ю.Идрис.Пол.собр.соч.,I.Т.,Каир,1971,стр.412.

знает, что такое!– услышал я в то же время женский голосок.– Проклятые клопы, вероятно, хотят съесть меня! ......Оставалось теперь предложить хорошенькой головке средство от " энциклопедии " и – знакомство готово."[I/]

Язык и манера его использования у А.Чехова и у Ю.Идриса имеет много общего. Известно, что А.Чехов был редким знатоком и непревзойденным мастером передачи разговорной речи различных слоев общества. В письме к А.С.Суворину от 3о мая 1888г. А.Чехов писал: " Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т.е уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком."[2/]

Строго индивидуален язык персонажей Ю.Идриса. Тихий и приниженный Ахмед Рашван, имеющий высшее образование, говорит на литературном языке, употребляя почтительные выражения : " позвольте, ваше превосходительство", " разрешите мне и не взыщите", " примите глубокую благодарность". После его бунта, его речь становится проще и он начинает говорить на диалекте, в который ещё врываются литературные слова и обороты.

Другим совсем языком говорит начальник Абд аль-Латиф : " Свое мнение ты можешь завернуть в бумажку и съесть его натощак.

I/А.П.Чехов. Т.III, стр.444-445.
2/А.П.Чехов. Т.XI, стр.22I.

Свое мнение можешь высказать дружкам, когда вы сидите в кофейне. Свое мнение— папе с мамой. А здесь нет твоего мнения, здесь фирма со своими законами и приказами, здесь надо идти и надо дописать алиф. Не знал я, что ты хороший парень, я тебя не так бы отругал. Давай, почтенный."1/

О языке Ю.Идриса спорит арабская критика, считая совершенно недопустимым, что он вводит в речь много вульгарных слов и выражений, большое количество диалектизмов. А.Чехов тоже считал, что нужно писать смело, не боясь осквернять повествование народной речью, вульгаризмами, диалектизмами, а наоборот используя их как художественное средство.

В 1961г.Ю.Идрис написал рассказ "Это сводит с ума". Необходимо сказать несколько слов о политической обстановке в Египте в этот период. В 1952г. в Египте произошла революция, был свергнуть король Фарук.Страна вступила на новый путь развития: была проведена аграрная реформа, нанесён удар феодальному укладу.

Рассказ Ю.Идриса отражает общее настроение в стране до революции. Ощущение, которое пронизывает его рассказ— это страх перед тюрьмой, перед жизнью, лишенной свободы.Однако автор передает это чувство не в трагическом,а в юмористическом плане, где внимание обращено на

1/Ю.Идрис, Пол.собр.соч.,Т.I, Каир, 1971,стр. 422.

мелкие незначительные факты жизни, вызывающие горький смех. Этот прием, которым пользуется Ю.Идрис, - говорить о незначительном, о "мелочах", и видеть через них важные общественные явления жизни - восходит к замечательному писательскому открытию А.Чехова. Б.Эйхенбаум в статье "О Чехове" писал:"Чехов открыл целую обширную область жизни, не использованную литературой,-область житейских мелочей и случаев, на первый взгляд незначительных и только смешных или странных, а на самом деле характерных, достойных пристального внимания. Оказалось, что литература глядит из каждого окна, из каждой щели, -надо только поспевать, чтобы заносить этот колоссальный материал наблюдений в записную книжку."[I]

Высказывание Эйхенбаума было уточнено Г.Бердниковым, подчеркнувшим важность чеховского открытия, которое состояло в том, что "Ему удалось взглянуть на эти мелочи новыми глазами, увидеть в них характерные черты общего строя жизни, антигуманного и противоестественного с точки зрения просветительских идеалов. Именно этот новый взгляд, в свое время предложенный Герценом, этот новый угол зрения на "мелочи жизни", на повседневность и открыл перед ним безграничные творческие просторы. Тогда-то и оказалось, что литература

I/Б.Эйхенбаум,"О Чехове","Звезда",1944,№5-6, стр.75.

действительно " глядят из каждого окна, из каждой щели."[1/]

Именно это открытие А.Чехова, имеющее исключительное значение для мировой литературы, почувствовал и проникся им Ю.Идрис, что и позволил ему с такой обличающей сатирой и вместе с тем с такой глубиной и в такой обобщение показать и раскрыть нравы, характеры, быт и обстановку старой египетской провинции с её косностью и застоем.

Повествование выводит нас за стены тюрьмы провинциального города. Рассказ начинается с французской пословицы " во всем ищи женщину ", однако, как оказывается, в тюрьме нет ни одной женщины, единственное существо женского пола там - собака тюремного надзирателя, которая в то же время - единственное существо в тюрьме, пользующееся завидной свободой.

Однако тюрьма остается тюрьмой, и собаку не выпускают за её стены даже для удовлетворения естественного инстинкта размножения. Собака стала злой, без причины бросалась на людей. Надзиратель тюрьмы нашел выход. У одного из заключенных был породистый пёс, от которого могло бы быть великолепное потомство. Пёс же, заключенных за решетку думал только о свободе, и трижды вырывался из тюрьмы, улучив удобный момент. Наконец, после последнего побега исчез навсегда.

I/Г.Бердников."А.П.Чехов",М.-Л., 196I,стр.46.

Содержание рассказа направлено на то, чтобы вызвать у читателя ощущение необходимости свободы для всякого живого существа. Если обратиться от общей идейной направленности этого рассказа к деталям, то станет ясно, что многое роднит его с чеховским " Хамелеоном". В обоих рассказах перед нами предстает " комедия нравов". И там и здесь действие происходит в провинции, герой А.Чехова – полицейский надзиратель Очумелов, а у Ю.Идриса надзиратель тюрьмы. У А.Чехова Очумелов грубый и беззастенчивый самодур в отношение своих подчиненных, таков же надзиратель тюрьмы и у Ю.Идриса. Солдат не досмотрел и пёс убежал . Надзиратель обрушил на него свой гнев : он поклялся усами своего отца, что при первом удобном случае отправит его на каторгу в пустыню, гнев его обрушивается и на заключенного, несмотря на извинения последнего за поведение его пса и обещание наложить на собаку наказание– временно лишить её пищи.

Однако другой персонаж рассказа, владелец пса, Фавзи Бек, сидящий за растрату, но богатый и занимающий высокое положение, ведет себя с надзирателем подобострастно. Надзиратель заявляет ему о решении наказать пса, в ответ на это Фавзи Бек рассыпается в словах благодарности по поводу той большой чести, которая оказана его скромному псу.

Советский исследователь А.Роскин заметил

интересную черту чеховского реализма и назвал её "приёмом перенесений".

В качестве одного из примеров А.Роскин рассматривает повесть "Палата № 6". Он пишет: "Написанная так же, как и "Дуэль", непосредственно после поездки на Сахалин, "Палата № 6" есть -повторяем в известной мере- изображение царской каторги. А.Чехов прибегнул к аллегорическим приемам её изображения ровно настолько, насколько это приходилось делать, учитывая цензурные условия."[1] И далее критик пишет: "Сузив сюжет до пределов палаты № 6, Чехов дал изображение по своему значению более широкое, чем даже изображение режима каторги. От палаты № 6 протянулась нить-через каторгу- ко всей стране, суггестивность чеховского письма придала повести тот высший в литературном творчестве род многоплановости, которая очень сложна по своей художественной структуре и в то же время не требует никаких комментаторов и специалистов по "медленному чтению".[2]

Подобный же прием трансформации применен и Ю.Идрисом в его повести "Это сводит с ума". например, описание тюрьмы, аллегорически рисующее дореволюционный Египет. "До сих пор никто в точности не знает, что увидел пёс и что его разволновало. Склад выходил тыльной сторо-

1/А.Роскин. А.П.Чехов, М., 1959г., стр.214, 215.
2/Так же, стр.218.

ной на внутренний двор тюрьмы, по которому шли заключенные литера "Б", построенные в ряд для прогулки.Может быть, вид сотен заключенных в синей одежде, в брюках, то слишком коротких, так что они открывали колена, то слишком длинных, так что волочились по земле, и являли собой отвратительное зрелище.Или может быть, встречи через решетку, когда сотни людей стояли по одну сторону, а десятки заключенных по другую. Все они напрягали голоса , крича в тоске разные слова приветствия, что превращало это свидание в безумное зрелище множества людей, размахивающих руками, взывающих о помощи и рыдающих.А может быть вид вышедших для суда, сидящих на корточках на земле в серо-грязных одеждах людей, когда почти невозможно было отличить одного человека от другого, а их одежду- от пыли..А может быть общая атмосфера тюрьмы, которая на все накладывает странный, горький отпечаток, и где заключенные кажутся тысячами сине- белых пятен, покрывающих землю подобно саранче, прилипших к стенам, лишенных одежды, ползующих по канавам и бредущих по двое с ведром , наполненным водой, похлёбкой или отходами. Или, пса взволновали решетки, везде решетки. Везде железные прутья, отделяющие тюрьму от внешнего мира".I/

I/Ю.Идрис,Пол.собр.соч.,Каир,Т.I,I97I,стр. 449.

Описание тюрьмы - решетки, арестантская одежда, карцер - в какой то мере напоминает чеховскую " Палату № 6 "

Гнетущая атмосфера неволи в рассказе Ю.Идриса заставляет любого бежать куда глаза глядят, не обращая ни на что внимания. Автор показывает, что в такой удушливой убогой обстановке не может жить даже собака. Ю.Идрис предоставляет читателю самому судить о том, каково было людям в этой тюрьме. Собака могла покинуть город безвозвратно, а людям бежать некуда. Неизбежно напрашивается вывод : люди должны бороться за право быть свободными.

Анализируя юмористические произведения А.Чехова Г.Бялый отмечает, что "во многих рассказах Чехов сравнивает своих героев с животными, кладя это сравнение в основу характеристики персонажа".[1/]

В рассказе Ю.Идриса явно проводится параллель между людьми и животными, что наводит читателя на мысль об ужасающем содержании заключенных в тюрьме. Далее Ю.Идрис сравнивает людей с саранчой, чтобы подчеркнуть многочисленность людей, доведенных жизнью до животного состояния.

Животные, как и дети в рассказах А.Чехова служат средством раскрытия идей автора. Они так же видят жизнь в её подлинном, а не иска-

---

I/История русской литературы XIXв., изд. АНСССР, I956г., стр.352.

женном свете. Именно собака и в рассказе Ю.Идриса сумела понять весь ужас неволи, именно она потеряла рассудок от тюремных стен за которыми творятся возмутительные безобразия. И этот прием роднит Ю.Идриса с А.Чеховым.

Ю.Идрис также как А.Чехов стремится излагать события, не высказывая своего отношения к ним. Эти события с достаточной ясностью предстают перед читателем в комическом плане. Например, после первого побега, пса вернули в тюрьму. Ю.Идрис пишет : " Надзиратель тюрьмы обратил особое внимание на принятие дополнительных мер предосторожности : пёс заключен в одиночную камеру, куда помещают особо опасных преступников в случае их неповиновения или каких- либо нарушений. Для охраны пса он назначил самого свирепого тюремщика этого отделения.."[1/] Сам факт противоречащий естественной человеческой логике, когда собака является важным преступником, вызывает смех. Подобный метод выявления противоестественности событий и поведения персонажей характерен и для А.Чехова, и с этим Антон Павлович выступил как первооткрыватель. Г.Бердников пишет : " Оригинальность А.Чехова состояла и в тоне, стиле обнажения противоестественности существующих социальных отношений"и далее : "..он стремится к полной иллюзии объективного

I/Ю.Идрис. Пол. собр. соч., Каир, 1971, стр. 450.

художественного письма, когда явления и события говорят только сами за себя."[1/]

Здесь нельзя не отметить, что вышесказанный рассказ Ю.Идриса в известной мере можно сопоставить с произведениями А.Чехова, написанными под влиянием его поездки на Сахалин и впечатлений о царской каторге ; новелла Ю.Идриса рассказывает о переживаниях человека, сидящего в тюрьме за прогрессивные взгляды.

Подводя общий итог всему сказанному следует подчеркнуть, что А.Чехов и Ю.Идрис являются художниками разных исторических эпох. При всем сходстве и различии средств и решений, они ставят общечеловеческие проблемы. Человек, его жизнь, полная мелких забот и конфликтов - вот что более всего заботит этих писателей. А.Чехов и Ю.Идрис внесли большой вклад в развитие жанра новеллы в литературе своих стран. В своих произведениях, А.Чехов и Ю.Идрис не приукрашивают действительность, а изображают её такой, как она есть с глубоким, тонким и правдивым пониманием.

То, что оба писателя врачи по профессии, через руки которых прошли сотни людей, безусловно помогает им видеть внутрений мир человека, его душевную убогость и душевные пороки.

Судьба " маленького человека " красной нитью проходит через произведения того и

I/Г.Бердников,А.П.Чехов,М.-Л.,196I,стр.46.

другого писателя. Но каждый по-своему находит решение этой проблемы. А.Чехов обличает низкопоклонство, лесть, деспотизм, унижение, Ю.Идрис делает то же самое, но он идет дальше, он призывает к борьбе с этими пороками общества.

В заключение следует отметить, что в творчестве А.Чехова и Ю.Идриса существуют сходные моменты. Но было бы ошибкой говорить о подражательстве и преувеличении влияния А.Чехова на творчество Ю.Идриса, ибо самобытная оригинальность египетского писателя говорит сама за себя.

Египетская критика единодушно высоко оценивает творчество египетского новеллиста. Ю.Идрис, по существу, создал новую школу короткого рассказа в Египте. Его приемы, композиции, тщательный отбор художественных средств, сочный язык, уходящий корнями в народную речь позволили изобразить египетский народный характер в тесной связи с породившей его общественной средой.

TRANSLATION OF RUSSIAN «CHTO» INTO ARABIC

By

Dr. FAWZI ATTIA and Dr. SALEH HASHEM

"ЧТО" ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК

АБДЕЛЬ-САМИЕ ФАВЗИ АТТИА М.,

САЛЕХ ХАШЕМ МУСТАФА

Процесс перевода, как известно, распадается на два взаимосвязанных и взаимодействующих этапа: анализ [1] (распознавание компонентов сообщения) и синтез (порождение, воспроизведение сообщения на языке перевода). Задача переводчика при анализе заключается в уяснении всех содержательных компонентов текста оригинала с целью преобразования полученной информации в речевые произведения другого языка, что составляет основу процесса синтеза. Синтез предполагает выбор соответствий и оформление их в зависимости от совокупности лексических и грамматических норм языка перевода. В силу этого переводчик сталкивается с рядом проблем, связанных с соотношением систем двух языков.

---

[1] См. в данном сборнике статью "Анализ художественного текста при переводе с русского на арабский".

Русский и арабский — генетически и типологически разные языки. Такое положение сказывается в способах лексического и грамматического выражения, в нормах лексической сочетаемости и построения предложения, в стилистическом использовании разных средств языка. Отсюда возникает необходимость выяснения моментов сходства и различия в плане речевого воспроизведения на всех уровнях языковой структуры. Постановка вопроса таким образом требует разработки отдельных проблем перевода с русского языка на арабский. Среди них проблема перевода местоимений.

К местоимениям "относятся такие слова, которые указывают на предметы и на их признаки, но не называют их и не определяют их содержания".(I-385) С семантической точки зрения местоимения делятся на личные (Я, ТЫ, ОН, МЫ и т. д.), притяжательные (МОЙ, ТВОЙ и т. д.), вопросительно-относительные (КТО, ЧТО, КАКОЙ, ЧЕЙ и т. д.), указательные (ЭТОТ, ТОТ, и т. д.), определительные (САМ, ВЕСЬ, КАЖДЫЙ и т. д.), отрицательные (НИКТО, НИЧТО, НИКАКОЙ и т. д.), неопределенные (НЕКТО, ЧТО-ТО, КТО-НИБУДЬ, КОЕ-КАКОЙ и т. д.) (см. I,385-386).

Местоимения представляют большой интерес в переводческом аспекте. Это объясняется тем, что они отличаются широкой

употребительностью, разнообразием синтаксических и морфологических особенностей, многообразием выражаемых ими значений и оттенков. Все эти особенности проявляются в контексте. "В разговорной речи обстановка и синтаксико-фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям". (2-260) Не менее интересным для теории и практики перевода является вопрос о стилистической роли местоимений в речи. "Стилистическая роль местоимений очень велика и разнообразна, что зависит как от своеобразия семантики местоимений, так и от частоты их употребления". (3-147)

В данной работе мы ограничиваемся рассмотрением вопроса передачи инвариантов русского "ЧТО" на арабский язык. "Грамматика русского языка" АН СССР включает "ЧТО" в разряд вопросительно-относительных местоимений. При этом подчеркивается, что "совмещение в местоимениях этой группы вопросительных и относительных значений придает им смысловое и грамматическое многообразие". (I - 393) Однако, думается, что функции "ЧТО" в современном русском языке шире данного определения. "ЧТО" может выступать в качестве:
а) местоимения, напр., "Перебираешь невольно всю свою жизнь. ЧТО было и ЧТО осталось, куда пришел и ЧТО еще будет дальше?"

(В. Короленко. Не страшное); б) союза,напр., "Начну с того, ЧТО я ясно помню, с того места и тех лиц, которые окружали меня с первых лет" (Л. Толстой. Воспоминания); в) частицы, напр., "А ЧТО, много еще у нас в батарее солдат, которые в Дарго были ?— спросил я." (Л. Толстой. Рубка леса); г) компонента фразеологизированных сочетаний слов, напр., ЧТО ТОЛКУ, МАЛО ЛИ ЧТО, ВОТ ОНО ЧТО. Таким образом, функции "ЧТО" в современном русском языке разноплановы и многообразны. В рамках данной работы мы постараемся пролить свет на семантические особенности русского "ЧТО" в переводе на арабский язык.

"ЧТО" отличается большой употребительностью в русском языке, как в книжной речи, так и в разговорной. Лишь в одном рассказе А. Чехова "Тряпка", оно встречается 38 раз в функциях местоимения, союза, частицы и компонента фразеологизированных сочетаний. Кроме того, "ЧТО", выступая в одной и той же функции, может иметь разные значения. Если в следующем отрывке "ЧТО" выступает в функции вопросительного местоимения с конкретно-предметным значением, напр.," — ЧТО бы такое купить ? — бормотал Унылов, заглядывая по дороге в окна магазинов и лавок." (А.Чехов. После Бенефиса), то "вопросительное "ЧТО ?" может приобретать расширенное значение, имея в виду не конкретный предмет,

а действие предмета, состояния, отвлеченное понятие и, наконец, представление о целом явлении (совокупности предметов в их связях и отношениях; предмет в его действии и т.д.) (4– IO), например, "Перебираешь невольно всю свою жизнь, ЧТО было и ЧТО осталось, куда пришел и ЧТО еще будет дальше?"(В. Короленко. Не страшное). Отсюда большой интерес, который представляет разработка вопроса о переводе "ЧТО" с русского на арабский.

В роли местоимения "ЧТО" выступает с различными значениями. Прежде всего оно выступает в вопросительных конструкциях со значением общего вопроса о предмете, явлении, действии. Главным эквивалентом "ЧТО" в таких контекстах является арабская вопросительная частица " ما ", выступающая или отдельно, или в сочетании с " ذا " , например: "— А ЧТО это ? (وما هذا ؟)— Генерал указывает на покрывало. Пятно-с, — трепещущим голосом говорит сиделка." (В.Слепцов. Сцены в больнице); "— ЧТО ты знаешь ? (ما الذى تعرفه ؟ ماذا تعرف ؟) — тихо спросила дьячиха, не отрывая глаз от окна."(А. Чехов. Ведьма); "— За номер и обед я еще подожду отдавать, успею. Табаку фунта три... штиблеты. ЧТО еще ?" (وماذا غير ذلك ؟) (А. Чехов. После Бенефиса).

Общеизвестно, что местоимение "ЧТО" относится к неодушевленным существительным, в

то время, как "КТО" связано с одушевленными. "Однако факты свидетельствуют о том, что "КТО ?" чаще и преимущественно соотносится с лицом, и потому имеет более определенную и ограниченную сферу употребления; но "ЧТО ?" может относиться и к лицу и к нелицу и потому сферу употребления имеет более обширную" (4 – I2), например:"— Я, брат, привык к таким приветствиям, не обижаюсь... Ха-ха... Назвался груздем, полезай в кузов... Не так ли ? ЧТО я такое ? Тапер, прислуга... официант, умеющий играть!" (А.Чехов. Тапер).Такое употребление "ЧТО ?" передается арабским "مــن ؟" . "Неловко же так жить на свете, и на вопрос: "ЧТО ты ?" (مــن أنـــت ؟) надо отвечать хоть это: "Я чиновник!". (Н. Помяловский. Молотов). Однако, если употребление "ЧТО ?" имеет в виду общую характеристику лица, его оценку, общественное положение с оттенком неполноценности личности, ее ущербленности, незначительности (см. 4–I2), то передача "ЧТО ?" на арабский язык обусловливается содержанием контекста: "Шабельский: Кто я ? ЧТО я ? (مــا هــو حـــالي الآن ؟) Был богат, свободен, немного счастлив, а теперь... нахлебник, приживальщик, шут." (А. Чехов. Иванов).

Ситуативные условия, в которых применяется вопросительное местоимение "ЧТО ?", раскрывают разнообразие значений, выражаемых

кажущимся на первый взгляд простым словом при переводе. Так, "ЧТО ?" может выражать:
а) значение "в каком состоянии или положении находится кто-,что-нибудь", например, "— ЧТО же лошади ? (وماذا عن الجياد ؟) — спросила она вошедшего человека. — Давно готовы-с — отвечал лакей."(Ф.Достоевский. Дядюшкин сон). Иногда "ЧТО?" в таком употреблении отражает малозначительность факта, лица с точки зрения оценки говорящего, например, "Да хоть бы и в самом деле сатана: ЧТО сатана ? (ومن يكون الشيطان هذا ؟) Плюйте ему на голову." (Н. Гоголь. Сорочинская ярмарка), "— Какой образованный нашелся! Тургенев, Тургенев... Да ЧТО Тургенев ?(ومن يكون تورجينيف هذا ؟) . Хоть бы и вовсе его не было." (А. Чехов. Контрабас и флейта);
б) значение "неважно", "не имеет значения": "— Так что же, ЧТО слепой? (وما أهمية أنه كفيف؟ ، وما العيب في أنه كفيف ؟) — сказала она, — но ведь если девушка полюбит слепого, так и выходить надо за слепого"(В. Короленко. Слепой музыкант). С таким же значением "ЧТО ?" может выступать в безличных конструкциях: "— ЧТО умереть? (ما أهمية الموت؟) Это чепуха умереть." (А. Куприн.Поединок);
в) значение "зачем? для чего? с какой целью?", например, "— Закрой-ка, Яша, дверь, не будем ложиться,— говорит старик.

— ЧТО даром свечку жечь?(لم نشعل الشمعة عبثا ؟) (А. Чехов. Холодная кровь). Близок к этому значению оттенок причинности, выраженный "ЧТО?" в следующем отрывке: "— ЧТО стоите ? (لماذا تقفون ؟) – кричит он, на бегу снимая сюртук,— человек потонул, а они стоят" (Л. Толстой. Метель); "Яков: Ты ЧТО не сядешь? (لماذا لا تجلسين ؟) Софья(опуская голову): Не хочется..." (М. Горький. Последние) г) значение "сколько": "— Купите, говорю, сударь, скворца.. ЧТО, говорит, стоит?(فسألنى ما ثمنه ؟) Что дадите, говорю." (И. Горбунов. Из московского захолустья);

д) значение вопроса о качестве, свойствах лица или предмета: "— Ну – ЧТО море, ЧТО небо?(كيف يبدو البحر وكيف تبدو السماء ؟). Какие краски там? – слышу я ваши вопросы." (А. Гончаров. Фрегат "Паллада").

е) значение "кому-нибудь все равно!", "кому-нибудь что за дело", например, " — Приспичило? — съязвил Митька. Старик управился с последней пуговицей и вынул изо рта пряжку. — А тебе ЧТО ?" (وماذا يضيرك أنت؟، وما شأنك انت ؟) (М. Шолохов. Тихий дон).

В диалогической речи "ЧТО?" может выступать: а) как ответ на обращение, напр., " — Арина! — говорил дворник. — ЧТО, голубчик? (ماذا تريد يا عزيزي؟ماذا يا عزيزي ؟). Уйди, говорю, отсюда!" (Гл. Успенский. Нравы Растеряевой улицы), б) в значении побуждения

повторить сказанное: "Любовь (негромко). Вот так же бежал отец когда в него стреляли ... Вера: ЧТО? (ماذا تقولين؟)· Любовь: Наверное, так же." (М. Горький. Последние), в) в значении "что хочет делать"; " Кухарка направилась к столу. — ЧТО ты? (ما الذي ستفعلين؟) — Самовар убрать." (Гл. Успенский. Нравы Растеряевой улицы); г) в значении "как реагировать?": "Вера: Напрасно? Благодарю вас! Мне приказывают: Вера, будь женой красножего, лысого, с большим животом и зелеными усами, - а я ЧТО же?(وماذا كان علي أن أفعل؟) Должна сказать - merci да поцеловать папину ручку?" (М. Горький. Последние); д)в значении "побуждения дополнить, развить мысль, вывести следствие": "Якорев: Как нельзя более... Только попробуйте! Вера: И - ЧТО же? (وما الذي سيحدث؟) Якорев: Немедленно ославлю на весь город." (М. Горький. Последние); е) в значении "возражения": "Иван (встает): ЧТО ты, брат? (ما هذا الذي تقول يا أخي؟) Разве я поступил так плохо? ЧТО ты ? (ما هذا الذي تقوله؟) Ты ошибаешься!"(М.Горький. Последние); ж) в значении "ну как?": "Ольга: ...(очнулась) ЧТО? (ماذا ترين؟) Я слишком разболталась? (М.Горький.Чудаки); з) в сочетании с личными местоимениями Ты - Вы в именительном падеже в значении "что с тобой": " Медведева: (тревожно) ЧТО ты? (ماذا بك ؟) Что ты какая, бог с тобой!

Зина: Устала." (М. Горький.Чудаки); "Антипа (вскочил, подходит к ней):ЧТО ТЫ?(ماذا بك؟) Воды дать? Софья (прислоняясь к нему): Нехорошо..."(М. Горький. Зыковы).

Вопросительное местоимение "ЧТО?"встречается в речи в формах всех падежей русского языка. В данном выше иллюстративном материале оно употребляется преимущественно в форме именительного падежа (за исключением "ЧТО ты знал?" и "ЧТО стоит?"— в значении сколько стоит?, где "ЧТО?" употребляется в винительном падеже). Применение "ЧТО?" в том или ином падеже с предлогом или без него находится в полной зависимости от лексико-грамматических особенностей слова, управляющего "ЧТО?". Так, "Павла: А ЧЕГО вы боитесь?" (ومم تخاف؟) (М.Горький.Зыковы) (родительного требует глагол"бояться"); "Елена: (взглянув на него). ЧЕМУ это вы рады?" (ما مبحث سرورك؟) (М.Горький. Чудаки) (рад чему); "Елена: ЧЕМ вы так взволнованы?" (ما مبحث قلقك؟) (М.Горький. Чудаки) (взволнован чем); "Мастаков: Дай мне подумать! Ольга: О ЧЕМ?(فيم؟) (М.Горький.Чудаки). Вопросительное "ЧТО?" может встречаться в формах всех падежей с предлогами: "Посмотрите на всех нездешних уроженцев: НА ЧТО они похожи?" (كيف يبدون؟) (И. Гончаров.Обыкновенная история. Эпилог); "Сегодня я уеду. — НА ЧЕМ? (وماذا ستركب؟)На палочке верхом?"

(А. Чехов. Попрыгунья); "Петр: В ЧЕМ я виноват?" (فيم اذ نبت؟) (М. Горький. Последние). Необходимо подчеркнуть, что при переводе вопросительных конструкций, в которых "ЧТО?" выступает в формах разных падежей с предлогом или без него, учитываются лексико-семантические и грамматические особенности арабского эквивалента, соответствующего русскому слову, от которого грамматически зависит "ЧТО?".

В функции "ЧТО?" иногда встречается форма родительного падежа "ЧЕГО?", характерная для разговорной речи. Передача "ЧЕГО?" на арабский язык основывается не на лексико-грамматической характеристике управляющего слова в русском тексте, а на контексте применения "ЧЕГО?". Так, очень старая, полуглухая няня Федосья в пьесе М. Горького "Последние" поёт, а к ней обращается Любовь: "Любовь (громко): Перестань, няня! Федосья: ЧЕГО?" (ماذا تقولين؟) ; "Мастаков: ...Так ты говори сразу.. ЧЕГО тебе надо?" (ماذا تريد ؟) (М. Горький. Старик); "—А что, братцы, примете в артель Максимку? — ЧЕГО спрашиваешь зря?" (لماذا تسأل عبثا ؟) (К. Станюкович. Максимка).

Вопросительное местоимение "ЧТО?" сочетается с некоторыми предлогами для выражения целевых и причинных значений: ДЛЯ ЧЕГО?

"— А и теперь, ДЛЯ ЧЕГО я живу? (ما الهدف الذى اعيش من اجله ؟) Племянники не родные: нынче и на родных-то детей нельзя положиться". (А. Писемский. Тюфяк); К ЧЕМУ? "Ольга: А! К ЧЕМУ же мудрствовать? (ما الهدف من التفلسف ؟ ، ما الداعى من التفلسف ؟) Все ясно." (М.Горький. Чудаки); НА ЧТО? "— Да НА ЧТО вам мое отчество?" (ما حاجتك الى اسم ابى ؟) (И. Тургенев. Новь); ЗА ЧТО? " — Я должен выйти из полка и уже подал в отставку. — В отставку?.. ЗА ЧТО?.." (وما السبب؟) (К. Станюкович. Грозный адмирал).

Предлоги могут находиться в постпозитивном положении. ЧТО С + твор. п.: "ЧТО С тобой? (ماذا بك ؟) — повторила она свой вопрос.(В.Короленко. Слепой музыкант); ЧТО ЗА + имен. п. : "— Скажите, пожалуйста, ЧТО это ЗА огни? (ما هذه الانوار؟) — спросил я шепотом у татарина, ехавшего подле меня." (Л. Толстой. Набег); "— А ЧТО ЗА человек этот Пугачев?(اى رجل بوجاتشيوف هذا ؟) — спросила комендантша." (А. Пушкин. Капитанская дочка). Ср. перевод на арабский "ЧТО ЗА" в следующей конструкции: "Александр: Где мать? Петр: Зачем тебе? Александр: ЧТО ЗА вопрос?" (وهل هذا سؤال يسأل ؟) (М.Горький Последние).

Небезынтересно указать и на вопросительные конструкции, в которых "ЧТО?" сочетается с существительным или местоимением

в дательном падеже: "Елена: ЧТО ТЕБЕ мнение этих людей?" (ماذا يضيرك رأى هؤلاء الناس ؟) (М. Горький. Чудаки); "Федосья: А ТЕБЕ ЧТО? (وما شأنك ؟) Не твое это дело!" (М. Горький. Последние).

Вопросительное местоимение "ЧТО?" входит в состав многих сочетаний, которые приобрели устойчивый характер и стали речевыми штампами. Так, со значением причины выступает сочетание ЧТО ТАК?: "— Мне твою мать особенно жалко. — ЧТО ТАК?"(ولماذا ؟) (И. Тургенев. Отцы и дети); "— Ну сестричка, я к тебе уж больше не приду зимой, — сказала Марья Андреевна.. — ЧТО ТАК? (وما السبب ؟) — Да больно далеко." (Ф. Решетников. Свой хлеб); со значением"кем - чем является, что собой представляет"выступает сочетание ЧТО ТАКОЕ?: "— Ну, а сам господин Базаров собственно ЧТО ТАКОЕ?" (ومن يكون السيد بازاروف هذا ؟) (И. Тургенев. Отцы и дети); "— Это ЧТО ТАКОЕ?(ما هذا ؟) — медленно процедил барон, указывая пальцем на палубу."(К. Станюкович. Куцый). Значение сочетания ЧТО ТАКОЕ? может варьироваться в зависимости от контекста употребления: "Петр (строго): Зачем ты это сказала? Любовь: Просто так... Вера: ЧТО ТАКОЕ она сказала? (وما الذى قالته لتستحق عليه التعنيف ؟) (М. Горький. Последние); "Яков (тихо просит): Я хочу поговорить с тобой о Любе. Можно ?

Софья (подозрительно): ЧТО ТАКОЕ?" (وما الذى تريد قوله ؟) (М.Горький. Последние), "Иван...(тревожно): Ты что... что ты так смотришь? ЧТО ТАКОЕ? (ما الذى حدث ماذا بك ؟) Софья (тихо): Потемнело в глазах." (М. Горький. Последние). Речевыми клише выступают также сочетания ЧТО ДЕЛАТЬ?: "Софья:... Зачем ты дал ему денег? Он снова будет пить всю ночь. Яков: Но ЧТО же ДЕЛАТЬ? (وهل كان هناك ما يمكن ان افعله غير هذا ؟) Надо же было, чтобы он ушел!" (М.Горький. Последние); "Софья (уходя, с улыбкой): ЧТО ДЕЛАТЬ?(ما العمل ؟) Человеку всегда хочется немножко счастья." (М.Горький. Зыковы); ЧТО кому ДЕЛАТЬ?: "ЧТО же МНЕ ДЕЛАТЬ? (ما عسای ان افعل ؟) — робко спросил Маркел Иванович. (А.Чехов.Индейский петух); "Любовь (тихо и холодно): Скажи — ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ? (قل لی ما الذی یمکننی عمله ؟) (М. Горький. Последние); А ЧТО?: "Вера (тихо): Вас видел кто-нибудь? Якорев (понижая голос): Прислуга. А ЧТО? (ماذا فی الامر ؟) (М. Горький. Последние); А ЧТО ЖЕ?: "Любовь (серьезно): Ты думаешь, молчание — ложь? Петр: А ЧТО ЖЕ?(وماذا تعتقدين فيه اذن) Конечно — ложь." (М. Горький. Последние).

Функции местоимения "ЧТО" выходят за рамки вопросительных конструкций. Местоимение "ЧТО" выступает в речи: а) со значением "каждый": "...И всю эту неделю жена, ЧТО ночь (ما ان يحل الليل) до самого

бела-света гуляла с Сергеем" (Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда). С таким же значением встречается "ЧТО" в сочетании с отрицательной частицей "НИ": "ЧТО НИ год, (كـــل عـــام) в нашей стране миллионы голов скота через них (волков) недосчитываются" (В. Бианки. Как дяденька Волов искал волков); б) со значением "все, всякое" (при последующем отрицании в форме родительного падежа): "На тачанке у него лежал дорожный мешок, а в том мешке ЧЕГО только НЕ было.(كل ما يتخيله العقل) (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды). Интересно здесь указать на способ передачи данного значения вопросительной конструкции,где в арабском тексте видоизменяется конструкции — становится повествовательным: "Ты и теперь настоящий моряк, а вернешься таким мичманом, что чудо. И ЧЕГО только НЕ увидишь? (سترى كل ما يتخيله العقـــل)" (К. Станюкович. Вокруг света на "Коршуне"); в) со значением "что-нибудь": "Но Акакий Акакиевич если и глядел на ЧТО اذا حدث ونظر الى اى شـــى , то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки" (Н. Гоголь. Шинель). Местоимение "ЧТО" может употребляться при сопоставлении, чтобы показать малозначительность одного в сопоставлении с другим: "— Пьянствовал? — спросил кто-то. — Это ЧТО هـــذا هـين ا نـــه — пьянствовал!" (К. Станюкович. Вокруг света на "Коршуне").

Оно также встречается в речи со значением "сколько": "— Невозможно? Пари. — Идет. Если вы ночуете у него, то я ЧТО хотите" (سا دفعلك ما تــريــد) (Л. Толстой. отец Сергий).

О т н о с и т е л ь н о е м е с т о и м е н и е "ЧТО" присоединяет к главному предложению придаточное определительное, выступая при этом со значением "который": "Эти две дамы, ЧТО идут (اللتان . . تسيـران) слышали его слова." (А. Чехов. Тряпка). В функции относительного местоимения форма родительного падежа "ЧЕГО" соответствует по своему значению наречию "почему": "Уронив голову ему на грудь, мать тихо плакала. И он не понимал, ЧЕГО она плачет." (ما الـــذى يبكيها،لم تبكـــى) (Л. Пантелеев. Ленька Пантелеев). "ЧТО" в роли относительного местоимения может означать "а это", "и это": "Если батюшка был не в духе, — ЧТО с ним в последние годы его жизни случалось довольно часто (وهو ما كان يحدث له كثيرا جدا) — то тогда он просто был страшен." (Л. Лесков. Детские годы). "ЧТО" встречается со значением "как", "словно": "О господи, народ-то ЧТО зверь (النـــاس مثل الوحـــوش), где живому быть." (Л. Толстой. Война и мир); "Мужчина без жены, ЧТО гусь без воды (كالاوز بـدون المـــاء) (Е. Пермитин. Поэма о лесах).

Передача на арабский язык "ЧТО" в функции с о ю з а не вызывает затруднения. Отправным пунктом при переводе придаточных предложений с союзом "ЧТО" является семантическая направленность этих предложений. В составе придаточных дополнительных союз "ЧТО" передается арабской частицей "أن", если сказуемое главного предложения выражается глаголом речи, мысли, чувства: "— Тьфу, Паша, прости! Забыл, ЧТО ты "انك" о нем слышать не можешь." (В. Шугаев. На тропе); "Мастаков: Она сказала, ЧТО запоздает (انها ستتأخر) к молебну." (М. Горький. Старик). Если придаточное дополнительное изъясняет причину, основание действия, то союз "ЧТО" передается арабским "لأن": "Вот господин корреспондент на меня в прретензии за то, так сказать, ЧТО я (لأنني) ... эээ... некоторым образом высказал прротест." (А. Чехов. Тряпка). Союз "ЧТО" в подлежащном придаточном, изъясняющем подлежащее главного предложения, передается арабской частицей (ما): "Первое, ЧТО бросилось ему в глаза (كان اول ما استرعى نظره) было какое-то странное белое, высокое, до самого потолка, сооружение." (Л. Ленч. Трошка).

В основном союз "ЧТО" переводится на арабский язык (ما — لأن — ان). Однако, некоторые конструкции требуют особого подхода. Союз "ЧТО" может выступать: а) со

значением "будто": "Он норовит пройти мимо неё раз пять и сделать вид, ЧТО (يكأنه) не замечает её." (А. Чехов. Тряпка); б) со значением "если": "Погуляем, что ль? — спрашивал покорный Назар. — Уж когда же гулять-то, ЧТО не ныне (اذا لم يكن الآن) — отвечал Лука." (Л. Толстой. Казаки); в) со значением "хоть": "— Бог с тобой, Петя. Мне он ЧТО есть, ЧТО нет." سواء كان له وجود ام لم يكن (В.Шугаев.На тропе) Союз "ЧТО" употребляется для изъяснения местоименного наречия главного предложения, характеризующего степень проявления признака: "Гостей с поздравлениями приезжало ТАК много в этот день, ЧТО (لدرجة أنه) на дворе,около подъезда, целое утро не переставало стоять по нескольку экипажей. (Л. Толстой. Детство); "Глаз НАСТОЛЬКО привык к темноте,ЧТО (لدرجة انه ،بحيث) различал смутными пятнами стволы деревьев, шапки курчавых ветвей." (К. Федин. Необыкновенное лето).

"ЧТО" входит в состав: а) причинных союзов "ПОТОМУ ЧТО (لان), В ВИДУ ТОГО ЧТО, В СВЯЗИ С ТЕМ ЧТО (نتيجة ان): "Она охотно и весело рассказывала обо всем этом Лопатину, ПОТОМУ ЧТО это (لان هذا) было ново и интересно." (К. Симонов. Из записок Лопатина); б) сложных союзов, вводящих придаточные следствия: ТАК ЧТО(وعلى هذا) В СЛЕДСТВИЕ ЧЕГО (تبعا لذلك) : "Дом этот давал изрядный доход, ТАК ЧТО (وعلى هذا) тетка могла без

нужды жить этими средствами и воспитывать сына." (Н. Лесков. Павлин); "Он поел выпил с стариком, ТАК ЧТО (بذلك) ему стало тепло и весело, и вышел на крылечко." (Л. Толстой. Казаки), ср. передачу на арабский речевой штамп ТАК ЧТО в следующих отрывках: "Возьмите выпейте, небось тоже горло пересохло... Да и пойдем, не зимовать же тут, я ротой еще в гражданскую накомандовался. ТАК ЧТО (وعلى هذا) на сегодня с меня хватит." (К. Симонов. Из записок Лопатина); "— ТАК ЧТО (اذن) койку принести?— спросила она." (Ю. Герман. Лапшин); в) сложного временного союза ТОЛЬКО ЧТО... КАК (لم يكد، بمجرد ان، ما ان) : "Но ТОЛЬКО ЧТО (ما ان) успела наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, КАК (حتى) вдруг увидела подъезжавшие к дому парные двуместные сани." (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон). Необходимо при переводе различать конструкции с союзом "только что... как" от конструкций, в которых применяется наречие ТОЛЬКО ЧТО: "Мальчик ТОЛЬКО ЧТО (لتوه) перестал играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истоме летнего вечера." (В. Короленко, Слепой музыкант).

Частица "ЧТО употребляется в вопросительных конструкциях. Частица "ЧТО?" в отличие от вопросительного местоимения: она не указывает на какое-то вещественное

содержание, не заключает в себе главное в вопросе, а лишь придается к вопросительному речению для усиления его вопросительности"(4-49): "ЧТО — (يا ترى) она приличная женщина, эта Соколова?" (М. Горький. Последние). Частица "ЧТО" в вопросительных предложениях может выступать: а) со значением "как": " — Ну, ЧТО, (كيف الحال) можно поздравить — сказал дядюшка, — Да выбрали." (Л.Толстой. Дьявол); б) со значением удивления, недоумения: "ЧТО, (عجبا ، هه) ты играешь еще на флейте?" (В. Соллогуб.Тарантас);в) при обращении: "Иван (Лещу): А ЧТО (ما رأيك) , Павел Дмитриевич, вы не поможете мне в этом" (М. Горький. Последние).

ЧТО ЛИ выражает раздумье, предположение, неуверенность в правильности высказываемой мысли: "Себя он считал в то время не то толстовцем, не то... опростившимся ЧТО ЛИ." (على ما يبدو) (В.Короленко.Не страшное). ЧТО ЛИ встречается: со значением"может быть": "Да что вы мне говорите!— оппонировал контрабас.— Сам я не знаю, ЧТО ЛИ?" (ربما تعتقد انني) (А. Чехов. Контрабас и флейта); б) со значением побуждения:Высокий парень спросил: - Папиросочку, барин, дашь, ЧТО ЛИ? (الن تعطيني) (М.Горький. Жизнь Клима Самгина).

Сочетание ЧТО ТЫ (ВЫ)! выражает значение "не может быть": "Софья (осторожно):

Тебе не кажется, что он революционер? Петр: (протестуя). Нет, мама, ЧТО ТЫ!"(هذا مستحيل) (М. Горький. Последние); "Он, может быть, и забыл, что приехал к вам в гости. — Ах,полноте, пожалуйста, ЧТО ВЫ!" (هذا محال) (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон), ЧТО ТЫ! в некоторых контекстах передается на арабский язык (على الاطلاق ، لا مطلقا) : "— Ты не сердись, папа, что я позволил себе откровенно высказать свое мнение... — ЧТО ТЫ, Сережа! (لا على الاطلاق) За что же сердиться?(К. Станюкович. Два моряка). Сочетание ЧТО ЗА! употребляется для усиления экспрессивности речи: "— И провористая же баба Петровна, я тебе скажу Федос... Ах, ЧТО ЗА баба! يالها) (من امرأة — повторил в пьяном умилении Нилыч после двух стаканов пива." (К. Станюкович. Нянька). Сочетание "ЧТО ЖЕ (Ж)" выражает согласие с мнением собеседника:" Мне бы тоже хотелось порыбалить, — сказала она помолчав. — ЧТО Ж .(لا مانع) , поедем, коли охота." (М. Шолохов. Тихий Дон); "— А теперь расскажите нам все, что вы знаете о Каролине Сабанской. — Ну ЧТО Ж,(حسنا)— согласилась Татьяна Андреевна." (К.Паустовский. Дым отечества). "ЧТО ЖЕ" употребляется для побуждения собеседника к разъяснению чего-нибудь:"Ольга (видит Елену):А, милостивый государь, теперь я вам сделаю небольшой скандал ... вам все-таки будет

неловко... Мастаков: ЧТО ЖЕ это будет! (أية فضيحة يا ترى) Чего вы хотите? (М.Горький. Чудаки). Сочетание ЧТО БЫ употребляется для выражения пожелания: "ЧТО БЫ (حبذا لو) вам нынче у себя вечер устроить с хорошим ужином и пригласить её." (А. Островский. Без вины виноватые).

В ходе изложения мы указали на то, что "ЧТО" как местоимение, союз, и частица, встречается в составе разнообразных речевых штампов. Такие речевые штампы носят фразеологизированный характер с точки зрения их воспроизводимости в речи в готовом виде, устойчивости их лексического состава. Речевые штампы, в состав которых входит компонент "ЧТО" могут выполнять в речи разные функции. а) Речевые штампы, выполняющие функцию с к а з у е м о г о : ЧТО НАДО: "— Честное слово... у меня к вам – большая симпатия! Работница вы у нас – ЧТО НАДО! (اكثر من ممتازة.) (М. Горький. Сомов и другие); ХОТЬ БЫ ЧТО: "Не хочет лечиться! Мы уж с мамой говорили, говорили ему... А он ХОТЬ БЫ ЧТО!" (فقد صمم! اذ نيه) (С. Баруздин. Повести о женщинах). В некоторых контекстах опускается подлежащее: "Титова: Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий? Лисогонов: Платок. Титова: Двадцать лет человека знаю и —ХОТЬ БЫ ЧТО! (لم يتغير فيه شيء) Замариновался, как гриб в уксусе." (М. Горький. Сомов и

другие). Сочетание ХОТЬ БЫ ЧТО выступает в качестве сказуемостного члена безличного предложения: "Муж не выдержал.— И чего ты Елена, воротишь рыло? Дома я не был целую неделю, а тебе ХОТЬ БЫ ЧТО." (وانت لا تبالين بالمسرة) (В. Смирнов. Золотой плес).

б) Речевые штампы, выполняющие функцию д о п о л н е н и я : ВОТ ЧТО: "ВОТ ЧТО (هـــذا هـــو) я узнал в тишине библиотек, пока ты гулял и валял дурака." (В. Шугаев. На тропе); "— Молодец ты, майор, ВОТ ЧТО я тебе скажу!" (هـذا ما يجدر ان اقوله لك) (А. Чаковский. Блокада); ЧТО УГОДНО: "Это могло означать все ЧТО УГОДНО (كـل مـا يخطر على بـال), кроме того, чего так нетерпеливо ждал он, — утверждение в новой должности."(А. Чаковский. Блокада).

в) Речевые штампы, выполняющие функции в т о р о с т е п е н н ы х ч л е н о в п р е д л о ж е н и я : ПОКА ЧТО — обстоятельство времени: "Наверника у песен птиц есть и еще какой-нибудь, ПОКА ЧТО (لا يـزال خـفـى الا ن) скрытый для человека смысл." (В. Песков. Песня); ТОЛЬКО ЧТО обстоятельство времени (см. выше); НИ ЗА ЧТО — обстоятельство образа действия: "—Я страшно люблю беседовать с Яковом Сергеичем, НИ ЗА ЧТОне поймешь(لن تفهم بحـال من الاحوال) шутит он или серьезно говорит." (М. Горький. Яков Богомолов); ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО (БЫЛО) —

обстоятельство образа действия: "Катя под конец зимы стала бояться за меня и решилась ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО (مهما كانت الظروف) везти меня за границу." (Л. Толстой. Семейное счастье).

"ЧТО" входит в состав многих фразеологизированных сочетаний модальной направленности: ВОТ ЧТО!: "Хеверн: Мне казалось, что вы считаете меня своим другом, мое дело – ваше! Софья: Ах, ВОТ ЧТО! (اذن هكذا) Ну, вы ошиблись... ." (М. Горький. Зыковы); ЭТО ЧТО!: "Он почти не слушает, стучит пальцами и двигает ногами от нетерпения и ждет не дождется конца повествования, чтобы, перехватив изо рта последнее слово, поспешно выпалить:– Подождите, ЭТО ЧТО! (هذا لا يقارن بما سأحكيه لك) А вот со мной какой случай случился..." (А. Куприн.Царский писарь); НЕ ТО ЧТО: "Никогда она так привлекательна не казалась ему. Да и НЕ ТО ЧТО (بل الاحرى القول لا .) привлекательна: никогда она так вполне не владела им." (Л. Толстой. Дьявол); ЧТО ТОЛКУ: "— Есть счастье,а ЧТО с него ТОЛКУ (وما الفائدة منها) , если оно в земле зарыто?" (А. Чехов. Счастье).

Количество фразеологизированных сочетаний с компонентом "ЧТО" — велико в русском языке. Такие сочетания необходимо рассмотреть в терминах фразеологии: определить степень семантической слитности составляющих

компонентов, принципы и нормы ввода их в речь, разработать вопрос об их лексическом составе, факультативности составляющих частей, установить круг значений, выражаемых ими, и в частности — круг модальных значений, которые варьируются в зависимости от контекстов употребления. Перевод фразеологизированных сочетаний с компонентом "ЧТО" на арабский язык, также как и на другой язык, требует особого подхода, так как он исходит из общих принципов передачи фразеологических единиц вообще. Поэтому,думается, что сочетания, компонентом которых является "ЧТО" нуждается в специальном исследовании.

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что вопрос о передаче "ЧТО" с русского на арабский имеет большое теоретическое и практическое значение. Не менее интересен этот вопрос и для двуязычной лексикографии. Нельзя сказать, что собранный в данной работе материал охватывает все случаи употребления "ЧТО" в русском языке. Однако, он может отражать типичные функции "ЧТО" и связанные с этими функциями его значения.

Главным мерилом для передачи "ЧТО" с русского языка на арабский является контекст. Это объясняется существующими различиями в грамматических системах двух языков. Категория "местоимения" в русском языке

отличается от категории "الضمائر" в арабском, также различны русские "союзы" от арабских "حروف العطف" и русские "частицы" от арабского класса "الحرف". Неравнозначны в грамматическом плане арабские من ، ما ، ماذا, как вопросительные артикли, и русское вопросительное местоимение "ЧТО?". В силу всего этого преобладает лексический способ передачи "ЧТО" при переводе с русского на арабский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1- Грамматика русского языка, т.I. Изд-во Академии Наук СССР, М. I960.

2- В.В.Виноградов. Русский язык. 2-ое издание. Изд-во "Высшая школа", М. I972.

3- А.Н.Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. 3-ье издание. Изд-во"Просвещение", М. I965.

4- Б.П.Ардентов. "Что" в современном русском языке. Изд-во "Штиинца", Кишинев, I973. Следует указать, что мы использовали некоторые примеры, приведенные автором данной книги. Были использованы также некоторые примеры из "Словаря современного русского литературного языка" АН СССР, т.I7. Изд-во "Наука" М.-Л.I965.

SOCIAL AND POLITICAL FOREIGN WORDS IN RUSSIAN LANGUAGE (A STRUCTURA L APPROACH)

By

Dr. SALMAN SELIM SALMAN

Сальман Селим Сальман.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Вопрос об иноязычной лексике издавно привлекал внимание лингвистов. Ему посвящено немалое количество научных работ. Проблема исследовалась в широком плане, так как под понятием "иноязычная лексика" скрываются явления очень различные: характеристика слов по месту в словарном составе русского литературного языка , по функции, по значениям, по стилистической окраске и т. п.

В данной работе ставится более скромная задача: показать некоторые характерные тенденции в процессе заимствования русским языком иноязычной лексики с привлечением конкретного материала. При этом мы ограничиваемся общественно-политической лексикой. Содержанием предлагаемой работы является описание становления

структурных типов слов, выявление языка источника с указанием на прототипы.

Заимствование слов является неизбежным следствием устного и письменного общения различных народов. В словарном составе каждого языка определенный процент составляет иноязычная лексика: без заимствований, как правило не об - ходится ни один язык на земном шаре. Заимствов вание является одним из основных процессов пополнения и развития словарного состава языка, и к этому явлению следует относиться положительно.

Причины заимствования разные, они могут быть связаны с общественно-политическими процессами, социально-философскими идеями, культурно-экономическими преобразованиями и с научно-техническим прогрессом, когда появляется потребность называть предметы /вещи/ новейших изобретений или наименовать новые понямия. Поэтому "с одной стороны , отмечается пополнение языка словами,выражающими новые понятия, и при этом прежде всего понятия о /предметах науки, общественности, всего цивилизованого/, с другой стороны говорится о появлении слов, необходимых

для выражения оттенков уже существовших общих понятий"[1]. Одной из языковых причин заимствования является то, что" заимствование иноязычного слова может происходить вследствие тенденции к устранению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры. Кроме того, часто причиной заимствования служит потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам"[2]. Нужно также учитывать, что иноязычное слово может обозначать понятие, несколько более специальное, чем близкое к нему по значению русское слово, например: Утверждать и ратифицировать" / утверждать - окончательно установить, принять, официально оформить ; ратифицировать - утверждать высшим органом государственой власти международный договор, заключенный представителем государства/. Могут быть и другие языковые причины, в частности словообразовательная гибкость того или

I. Ю.С.Сорокин. Развите словарного состава русского литературного языка 30-90е годы XIX в. М.-Л., 1965, с.56/приводится высказывание Белинского/.

2. Л.П.Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с.23.

иного иноязычного слова: интернационализировать, интернационал, интернационализм, интернационалист, интернационалистика, интернациональный, интернационалистический, интернационалистский.

К причинам заимствования следует отнести также тенденцию к краткости в наименовании понятий, т.е. вместо описательного слова или исконного словосочитания, заимствуется одно слово, выражающее то же понятие, которое закреплено за исконным словосочетанием, например: расчет приходов и расходов – бюджет, отличительный знак государства – герб, основной закон – конституция и т.д.

Сущность заимствованных слов трактовалась по-разному, встречаются и несопоставимые определения. Одни предлагают считать заимствованным "всякое иноязычное слово, зарегистрированное в словарях"[1]. Другие определяют его следующим образом: "loan word – это новая форма, воспринимаемая заимствователем вместе с вещью и обычаем"[2]. Критерии, которые могут послужить основанием для определения заимствованного элемента, "от-

---

1. И.Крейн. Выступление на конференции по формализации семантики языка. М., 1963.
2. Ch. Hockett. A course in modern linguistics, New Yourk, 1960, c. 204

носятся к разным планам - одни к диахроническому, другие - к синхроническому"[1]. Деление иноязычных слов на слова освоенные и не освоенные или частично освоенные,"усеченные и неусеченные"[2] широко распространилось и встречается почти во всех научных работах. Стремятся разграничить их и терминологически: освоенные называются заимствованными, а недостаточно освоенные - иностранными, "чужими". Понятие освоенности очень сложно, необходима дифференциация, по степени освоенности. Нельзя например одинаково рассматривать слова демократия, пролетариат и слова депо, клише.

В современных трудах по заимствованию выдвигаются различные критерии освоенности заимствованного слова. Авторы предлагают некоторые признаки[3], позволяющие считать иноязычное слово заимствованным, а именно:I.Графемно-фонетическ-

---

I. Л.П.Крысин. Указ. соч.,с.33.
2. О.Б.Шахрай. К проблеме классификации заимствованной лексики.В.Я.,М.,1961,№2, с.57.
3. Ср: Ю.С.Сорокин. Указ. соч.,с.62-63, О.Б. Шахрай.Указ.соч.,с.58-59, Л.П.Крысин.Указ.соч. с.43,и Н.С.Авилова. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М.,1967, с.7-8.

ая ассимиляция. 2. Семантическая самостоятельность слова, устранение смысловой дублетности. 3. Появление производных рядов. 4. Широкое употребление. 5. Фразеологическая активность. Специальное рассмотрение вопроса об освоенности, частичного или полного, не входит в план данной работы. Далее, как уже говорилось, делается попытка выявить структурных типов заимствованных слов в общественно-политических текстах.

Собранный материал насчитывает около четырехсот иноязычных по происхождению слов и слов - терминов. Среди наиболее употребительных / с начала XX века/ и имеющие широкое распространение как в прошлом, так и теперь, мы обнаруживаем такие слова:[I]

автономия	бюрократия	демократия
агитация	буржуазия	демонстрация
активный	гарантировать	депутат
арбитраж	генеральный	диктатура

I. Ср. приведенные списки таких слов авторами: С.О.Карцевский.Язык,война и революция., Берлин,1923; А.П.Бараников.Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы... Уч.зап.Самарского Г.У., №2,1919.; А.И.Селищев.Язык революционной эпохи.,М.,1928.;Н.С.Авилова.Указ.Соч.

интернационал	критиковать	рационализация
интернационализм	мандатная	ревизионная
империализм	марксизм	революция
капитализм	организация	революционный
коллективный	организовать	республика
комитет	ориентация	стимул
коммунизм	партия	социализм
контролировать	пролетарий	социал-демократ
кооперативный	пролетариат	федеративный
координировать	пропаганда	эксплуатация

I. Источники заимствования.

Анализ материала показывает, что заимствование происходит из разных языков,классических: греческого и латинского, и современных:французского,немецкого,польского и английского языков. Главную часть заимствований в общественно-политической лексике составляют слова французского происхождения; латинские по происхождению слова также составляют большую рубрику данной системы, поскольку латиеский язык составляет основной языковый фонд, из которого берется" строительный материал" /корни, преффиксы и суффиксы / для многих языков,,в том числе русского. Заим-

ствования из греческого языка составляют сравнительно малое количество слов; также очень малую часть составляют заимствованные слова из немецкого, английского и польского языков. Представим это более систематично/используется показание Большого Академического Словаря/.

I - Греческие:

автономия - αὐτονομία орган- ὄργανον
амнистия- ἀμνηστία патриотизм- πατρίς
демократия- δημοκρατία политика- πολιτικά
история- ἱστορία

2 - Латинские:

генеральный- generalis, демонстрация-demonistratio
депутат- deputatus , инстанция-instatio
интеллигенция- intellegentia
интеграция-integratio , информация-informatio
кандидат- candidatus , классовый-classis
компетенция-competentia, комплексный-complexus
консульский- consularus, материал-materialis
нация- natio , партия-partis
президиум-praesidium , прогресс-progressus
пропорциональный- proportionalis
процесс- processus , рекомендация-recommendatio

религиозный- religiosus республика- respub - lica
рациональный- rationalis референдум-referendum
санкция- sanctio , сессия- sessio
социальный- socialis статус- status
территория- territorium центральный-centralis
физический- physicus и т. п.

3 – Французские:

авангард-avantgrade автоматизация-automisition
админстративный- administrative антагонизм-antagonisme
арбитраж- arbitrage , база- base
банк- banque бюрократия-bureaucratie
денонсировать-denoncer империализм-imperialisme
империалистический- imperialistique
инициатива-initiative , капитализм-capitalisme
комитет- comite коммунизм-communisme
контролировать- controler, контроль- controle
кооперативный-cooperative критиковать-critiquer
министр-ministre мобилизация-mobilisation
организовать- organiser , ориентация-orientation
политический- politique профессиональный-professional
ревизионный- revesionnaire революционный-revolutionnaire
революция- revolution , регламент-reglament
секретарь- secretaire технический-technique

федерализм- federalisme федеративный- federative
экономический- economique ; эксплуатация- expleitation

4 - Немецкие:

авторитет- autoritat адвокат- advokat
документ- dokument пролетариат- prolitariat
транспорт- transport регулировать- reguliren
ратифицировать- ratificiren и т. п.

5 - Английские:

механизация- mechanisation митинг- meating
спорт- sport и т. п.

6 - Польские:

агитация- agitacja герб- herb

2. Структурная классификация.

Наиболее подходящей классификацией заимствованных слов оказывается классификация, построенная на основе структурного принципа и отражающая разновидность перехода лингвистических единиц из одного языка в другой. В современном русском языке структура слова создается словообразованием и формообразованием. Под структурой слова понимается его морфологическое строение. В этом отношении заимствованные слова, как слова русского языка, делятся на два основ-

ные типа: корневые и производные. Корневые слова равны корневой морфеме[1], а производные слова в данной системе представляют собой только суффиксально образованные слова, " в которых суффикс имплицитно выражает второй определяемый компонент, содержащийся в синтаксических отношениях или в семантике слова, а основа выступает в качестве определяющего компонента"[2].

Но основным критерием структурной классификации заимствований считается их деление на:

А/ слова, структурно совпадающие с иноязычными прототипами и переданные соответствующими средствами заимствующего языка без каких-либо морфологических изменений.

Б/ слова морфологически оформленные средствами заимствующего языка; или слова с частичной субституцией / обычно субституируются аффиксальная часть или второй элемент сложного слова./[3]

---

1. Н.М.Шанский. Очерки по русскому словообразованию. Изд. МГУ, 1968, с. 86.
2. С.С.Сальман. Структурно-семантическая характеристика русских электротехнических терминов и способы их перевода на арабский язык. АКД.,Л., 1972, с. 8.
3. Л.П.Крысин. Указ. Соч., с. 44.

В/ слова семантической индукции[1], т. е. кальки или так называемые слова семантического заимствования.

Кальки нужно выделять в особую группу заимственной лексики, поскольку их очень трудно определить по формально-грамматическим признакам. " выявление случаев семантической индукции сталкивается с очень серьёзными трудностями... здесь мы имеем дело обычно лишь с известной модификацией основного значения слова, со сближением и известным приспособлением его семантики к семантике слова другого языка, а часто всего лишь с расширением его фразеологических возможностей, ведущих к появлению новых фразовых сочетаний"[2]. Кальки - это слова или выражения, строение которых соответствует строению слов или выражений другого языка. Это конечно не только заимствование чужого значения и выражения его в родной форме. Здесь имеет значение форма, структура и конструция.

В связи с этим можно сказать, что заимствованные слова включают два основных структурных

---

1. Ю.С.Сорокин. Указ. соч., с. 164.
2. Ю.С.Сорокин. Указ. соч., с. 171.

типа: слова полного заимствования, т.е. те слова, которые графически, фонетически и морфологически равняются их прототипами; и слова частичного/ суффиксального / заимствования, т.е. те слова, в которых заимствован только корень, и которые приобретают в заимствующем языке суффиксы и окончание, определяющие их место в словарном составе данного языка.

I. СЛОВА ПОЛНОСТЬЮ ЗАИМСТВОВАННЫЕ

I. Корневые имена существительные.

а/ Усечения / устраняются окончания is, um, us/:

депутат -лат. deputatus — кандидат-лат. candidatus

коллегия-лат. collegium — контингент-лат. contingentis

материал-лат. matirialis — прогресс-лат. progressus

стимул - лат. stimulus — территория-лат. territorium

б/ Субституции:

инстанция-лат. instantia — история-греч. ιστορια

интеллигенция-лат. intelligentia — комиссия-лат. comisio

конституция-лат. constitutio — нация-лат. natio

пенсия-лат. pensio — позиция-лат. positio

санкция-лат. sanctio — сессия-лат. sessio

Все эти слова пришли в русский язык без каких-либо существенных морфологических из-

менений. Слова в основном заимствованы из латинского языка, в первой групше отпадают окончания /is , um , us /, определяющие родовые отношения их прототипов, а в словах второй групше субституируется аффиксальная часть.

2. Производные имена существительные:

а/ Соотношение суффиксов:-ация, -изация и иноязычных суффиксов:лат.atio ,франц. ation /isation/, англ.ization, например:

демонстрация - лат.demonstratio
информация - лат.informatio
механизация - англ.mechanization
мобилизация - франц. mobilisation
ориентация - франц. orientation
эксплуатация - франц. exploitation

Слова такого типа в русском языке осознаются производными так, как такие слова были заимствованы в большом количестве, а также потому, что есть слова с теми же корнями, но с другими суффиксами / ср. демонстрировать /. Их прототипы могут быть суффиксально образованы в языках-источниках от глагольных образований посредством указанных иноязычных суффиксов.

Но, такие слова пришли в русский язык без каких-либо изменений, и "здесь собственно русских образований нет"[1].

б/ Эквивалентность суффиксов -изм и - isme :

антагонизм - франц. antagonisme

империализм - франц.imperialisme

капитализм - франц.capitalisme

социализм - франц.socialisme

федерализм - франц. federalisme

Такие слова относятся к бесспорным полным заимствованиям, они пришли в язык целиком, почти как полные законченные слова, структурно равные прототипам и "под сильным воздействием на определенные стили литературной речи этого времени /середины XIXв./ французского языка, где образования на -isme и -iste были особенно распространены"[2]. Вопрос о том, почему не прдположить, что такие слова образованы в русском языке от уже сушесвовавших в нем основ слов, /тем более что суффикс -изм весьма продуктивен/ является неприемлемым, так как сам

I. Ю.С.Сорокин. Указ. соч., с. 265.
2. Ю.С.Сорокин. Указ. соч., с. 26I.

суффикс -изм является"иноязычным по происхождению".[I]

II. СЛОВА СУФФИКСАЛЬНО ЗАИМСТВОВАННЫЕ

Слова суффиксального заимствования представляют собой имена прилагательные и глаголы, тесно связанные с уже вошедшими в русский иноязычными словами, например: мандат-мандатная, эффект-эффективный, империалист-империалистический, критика-критиковать, организация-организовать и т.п. По грамматическому характеру суффиксально заимствованные слова бывают:

I. Имена прилагательные:-

Имена прилагательные в данной системе сочетаются с именами существительными исконно русскими или заимствованными, но они заимствуются реже чем существительные. Их функция заключается в том, что они выступают в качестве уточнителя к доминанте. "Появление в языке новых имен существительных было, однако, лишь одним из поводов к образованию и новых относительных или качественно-относи-

---

I. Г.Хютель-Ворт. Рецензия о книге Ю.С.Сорокина. Вопросы языкознания № 4, М. 1966.

тельных прилагательных. Не трудно заметить, что в эту эпоху / XIX в. / образованы и вошли в язык многие прилагательные, соотносящиеся по значению с существительными давно известными, как иноязычного происхождения, так и собственно русскими"[1]. В связи с этим суффиксально заимствованные прилагательные, в структурном плане, делятся на несколько групп. Значителбную группу составляют имена прилагательные образованные от заимствованных слов посредством суффикса - Н - и его ответвлений:

а/ С суффиксом - Н - :

активный-лат. activus /активное участие/ , комплексный-лат.complexus /комплексная механизация/, кредитный-лат. criditum/кредитная система/, мандатный-лат. mandatus/мандатная комиссия/, материальный-лат. materialis /материальный стимулы/, моральный-лат. moralis /моральные стимулы/, национальный-лат.nationalis ionali/национальное освобождение/, пропорциональный-лат. proportionalis/пропорциональное развитие/, центральный-лат.centralis /центр-

---

I. Ю.С.Сорокин. Указ. соч., с. 270.

альный комитет/, социальный-лат. socialis /социальный прогресс/.

б/ С суффиксами-ИВ- Н- , -ТИВ- Н- :

кооперативный-франц. cooperatif /кооперативная собственность/, прогрессивный-нов. лат. progressivus /прогрессивная деятельность/, федеративный-франц.federatif /федеративная республика/, эффективный-лат. effectivus/эффективное управление/.

в/ С суффиксами -ОНН- , -ОЗН- :

ревизионный-франц. revisionnaire /ревизионная комиссия/, революционный-франц. revolutionnaire революционные завоевания/, религиозный-лат. religiosus/религиозные культы/.

В вышеприведенных группах суффиксально заимствованных прилагательных посредством суффикса - Н - и его ответвлений отмечается, что они сохраняют суффиксально осложненные основы их прототипов, и это привело к созданию некоторых суффиксально осложненных разрядов в системе словообразования прилагательных русского языка[I].

I. Ср. В.В.Виноградов. Русский язык.,с.223-5.

г/ Соотношение суффиксов -ич- ЕСК -, лат. icus и франц. ique :

динамический-лат. dynamicus /динамическое развите/, политический-франц. politique /политическая система/, технический-франц. technique /технический прогресс/, физический-лат. physicus /физическое развитие/, эстетический - франц. esthetique /эстетическое воспитание/, экономический-франц. economique /экономическая система/.

Здесь замечается соотношение данного типа прилагательных с существительными на - ика -: динамика, политика, техника и т.п. "Иноязычные суффиксы ic(us) и ique , служащие для образования прилагательных сливались с русским суффиксом -ик"[1], который чередуется с -ич, образуя -ическ. Однако этот суффикс /-ическ-/ не только соотносится с существительными на -ик, во многих случаях также с существительными интернационального характера, оканчивающими на -изм и -ист , как:

---

1. Gr. Huttl-Worth. Forgein words in Russian, a historical Shetch. Berkely- Los Angeles, 1963, с. 49.

империализм-франц. imperialisme – империалист франц. imperialist – империалистический, /империалистическая интервенция/ , интернационализм-фран. internationalisme, интернационалист франц. internationaliste, /интернационалистические соревнования/ , социализм-франц. socialisme- социалист-франц. socialiste, социалистический / социалистическая демократия/.

2. Заимствование глаголов.

Значительно меньше в данной системе происходит заимствование глаголов, здесь большинство заимствованных глаголов пришли из французского языка. В современной системе словообразования, глаголы с заимствованной основой могут быть образованы как с помощью суффикса – ОВА, так и его производных -ирова, -изирова, /-изова/. Однако здесь "бывает только суффиксальное оформление глаголов на русской почве"[1], поскольку они заимствованы из разных языков в глагольной же форме, например:

денонсировать – франц. denoncer

информировать – лат. informare

I. Н.С.Авилова. Указ. соч., с. 169.

контролировать – франц. controler

координировать – лат. coordinar

критиковать – франц. critiquer

организовать – франц. organiser

ратифицировать–нем. ratificiren

регулировать – нем. reguliren

Процесс освоения иноязычных глаголов связан с необычайно значительным расширением круга глаголов с суффиксом -ОВА-. Единственным признаком руссификации таких глаголов является то, что они "свободно соединяются с приставками и дают большое количество соотношений с именами"[I], но все-таки они сохраняют многие черты иноязычия, поскольку многие из этих глаголов не имеют видовых пар и являются одновидовыми глаголами.

I. Н.С.Авилова. Указ. соч., с. 169.

LE DRAME INTERIEUR DE TOLSTOI

Par
Prof. Dr. AMIN SAMI WASSEF

Parlant de Tolstoi, Tourguenieff l'a appelé "Le Grand écrivain de la terre russe". Cette appellation se justifie parce qu'il est rare de trouver dans la littérature une production qui puisse, pour la densité de la vie, soutenir la comparaison avec celle de cet écrivain. Cette oeuvre profondément russe, marquée par le drame intérieur de son auteur, se caractérise par l'ardent besoin de trouver la vérité. Si elle possède une grande valeur littéraire, c'est qu'on y trouve tous les aspects de la vie : la guerre et la paix, l'amour et l'aventure, la pauvreté et la richesse, le bien et le mal, la naissance et la mort ...... Toutes ces manifestations sont peintes avec beaucoup de relief et défilent sous nos yeux dans des scènes inoubliables.

Pendant toute sa vie, Tolstoi n'a fait qu'observer avec ses sens et qu'élaborer ce qu'il a vu. Idéaliste et mystique, il demeure un grand écrivain par l'image qu'il a subordonnée à la réalité. Tolstoi ignore complètement la fiction, il ne franchit jamais le seuil du réel pour parvenir à l'extraordinaire. Il nous a laissé un tableau complet de toute la Russie tsariste où il brosse à grands coups de pinceau l'âme de la société de l'époque avec sa brillante cour impériale, ses bals, ses duels, la débau-

che de sa noblesse, la turbulence de ses gentilshommes campagnards, la fierté de ses grandes dames, la hardiesse de ses Cosaques, la misère de ses déportés, le dénuement de ses moujiks ...etc...etc. Il nous dépeint aussi la Russie avec ses champs verdoyants au printemps et couverts de neige en hiver, ses vastes plaines où échoua l'armée la plus puissante d'Europe[1], la splendeur de ses grandes villes avec leurs nuits de plaisir egayées par les filles tziganes ...... et dans tous ces tableaux il a atteint à la perfection de l'évocation visuelle.

L'oeuvre de Tolstoi témoigne d'une vigueur inégalable et d'une force créatrice extraordinaire qui fait que les êtres jaillissent comme malgré lui pour jouer le rôle qui leur est assigné. Bien que tous ces personnages soient aujourd'hui disparus, nous les sentons tout près de notre esprit et de notre coeur, car ils incarnent les diverses manifestations de la vie telle que Tolstoi l'a vue et comprise.

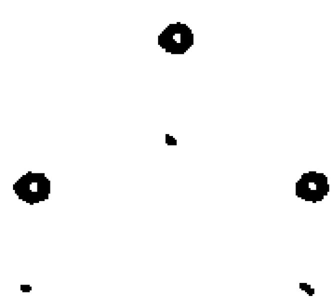
L'oeuvre de Tolstoi contient un élément nouveau: la méditation philosophique. Cet écrivain introduit dans ses romans le "pourquoi" et le "comment" de la vie. Toutes les questions que se posent ses personnages traduisent son drame intérieur. D'ailleurs ses héros ne sont que l'image de leur auteur aux diverses phases de sa vie avec ses souf-

---

1) Les armées napoléoniennes , qui avaient conquis toute l'Europe, échouèrent devant Moscou.

frances, ses angoisses et ses diverses aspirations aux diverses phases de sa vie.(1)

Tolstoi n'a pas laissé de système philosophique précis mais ses idées sont semées dans ses nombreux ouvrages où l'on trouve une règle de conduite d'une haute valeur ayant deux aspects différents, mais qui se complètent; l'un positif qui est l'amour de Dieu, de la nature et du prochain, et l'autre négatif qui se résume dans l'abstention de résister au mal par le mal. Toute sa doctrine morale ou sociale n'est en définitive que le résultat de l'application de ces deux principes.

Comme beaucoup d'écrivains russes, Tolstoi passa une bonne partie de son enfance à la campagne; et bien qu'il appartînt à l'élite de la société de l'époque, ses séjours au sein de la société moscovite ou dans les grandes villes ne furent pas de longue durée. Bien qu'elle fût une vie de loisirs, son existence , paisible en apparence, n'était en réalité que pleine de troubles car elle ne

---

1) Dans son oeuvre, Tolstoi nous a donné une série de portraits où il dépeint l'adolescent insouciant, le sous-lieutenant plein d'optimisme, l'époux heureux, l'homme tourmenté par la crise qui le soulève vers Dieu ...etc...etc.

put jamais lui procurer la sérénité à laquelle il aspirait.

Tolstoi n'était point un insouciant. Très sévère avec lui-même, il mena pendant toute sa vie une lutte sans merci pour arriver à cette paix du coeur qu'il souhaitait tant et qu'il ne pouvait acquérir qu'en accordant son existence avec ses principes.

Dans ses jeunes années, notre héros ne montra aucun signe de génie. Il naquit le 28 Août 1828 à Iasnaia-Poliana dans le gouvernement de Toula où son père, le Comte Nicolaévitch Tolstoi possédait un vaste domaine à environ deux cents kilomètres au sud de Moscou. Ses ancêtres paternels avaient été mêlés depuis longtemps à l'histoire de la Russie et aussi à des scandales bruyants. Sa mère, la princesse Maria Volkonski était originaire de la grande aristocratie russe et possédait une fortune colossale.

Orphelin de mère à l'âge de trois ans, et de père vers neuf ans, il fut élevé par des tantes. La princesse Volkonski avait déjà su laisser de profondes racines dans les souvenirs de son fils. " Quand je cherche à me représenter
" ma mère, raconte Tolstoi, je sens le toucher de sa main
" douce et fluette qui me caressait si souvent et que j'ai-
" mais tant à baiser...... Quand maman souriait, tout sem-
" blait en fête autour d'elle ...... Si dans les moments
" difficiles je pouvais revoir ce sourire, je ne saurais

" pas ce qu'est la tristesse." Notre écrivain passa son adolescence entre les mains de plusieurs gouverneurs, notamment avec le Français Saint-Thomas qu'il évoque dans ses Souvenirs sous le nom de Jérôme.

A en croire son propre journal, le jeune Léon se dissipa beaucoup et perdit le plus clair de son temps à courir les filles et les tripots. Personne n'eût alors pu deviner à cette époque que ce joyeux luron allait un jour devenir un "Saint homme" en quête de la Vérité, luttant contre le Mal et le Péché, adoptant les principes de la morale la plus élevée et cherchant à appliquer la charité ou plus à proprement parler la bienfaisance humaine dans le sens le plus large du terme.

La vie de Tolstoi s'ordonne en larges paliers successifs où notre héros s'arrête quand il trouve une explication de l'existence qui lui permet de vivre et de créer, puis vient une période d'angoisse qui le hausse au palier supérieur et ainsi de suite...... C'est pour cette raison que nous trouvons dans l'oeuvre de cet écrivain une grande évolution dans ses idées philosophiques et sociales. Il n'est pas de crise de sa vie intérieure qu'il n'ait traduite dans son oeuvre. Pour lui, l'activité littéraire est une sorte de mission humaine destinée à la propagation des idées nouvelles , à la conversion du monde. Elle est par conséquent d'une grande utilité pour la promotion de

l'humanité. Ses idées, très simples d'ailleurs, sont pleines de logique et bien qu'elles aient varié au cours de son existence, elles ne sont pas contradictoires et Tolstoi les a chaque fois affirmées avec beaucoup de spontanéité et une conviction totale.

Les fils des grandes familles de la Russie tsariste ne recherchaient que les charges honorifiques (commandement des armées ou ambassades). Se conformant à la coutume de son époque, Tolstoi songea d'abord à faire sa carrière dans la diplomatie et à cet effet, il s'est fait inscrire à l'Université de Kazan pour apprendre les langues orientales. Mais lui qui parlait et écrivait le français aussi couramment que le russe, qui avait appris en quatre mois le grec classique et assimilé avec beaucoup de facilité l'allemand, l'italien et l'anglais, il fut excédé par les méthodes lentes désuètes et conventionnelles de l'enseignement universitaire de son époque; aussi lâcha-t-il prise et changea-t-il de voie pour étudier le Droit. Là encore, ce fut un échec. La jurisprudence lui parut fort ennuyeuse, sans aucun rapport avec la justice morale.

A dix-neuf ans, après avoir achevé sa troisième année d'université, il résolut d'abandonner brusquement ses études pour se consacrer entièrement à l'exploitation de ses terres et au bien-être de ses paysans. Dans une lettre de

cette époque, adressée à sa tante, il s'exprime ainsi:"Je " sens que je suis né pour la vie rustique. J'ai trouvé " ma propriété d'Iasnaia-Poliana dans le plus grand désor- " dre. Je crois que le mal vient de la misère des moujiks. " Pourquoi chercher dans une autre sphère le moyen d'être utile " quand j'ai devant moi une tâche aussi noble ? Chère " tante, renoncez aux projets ambitieux que vous formez " pour moi . J'ai choisi ma vie , la bonne , celle qui me " conduira au bonheur." Dans son vaste domaine, il tenta, en réaction contre l'esclavage des serfs, d'instituer une sorte de paternalisme agraire , mais il en fut déçu très rapidement.

Des dettes de jeu le contraignant de s'éloigner de sa ville natale ainsi que de la capitale , le jeune homme s'en fut rejoindre son frère, lieutenant qui guerroyait dans le Caucase contre les partisans Tartares. Il s'enrôla dans l'armée comme sous-officier.

Au Caucase, il composa: Enfance qui parut en 1852. Il ne s'agit pas d'authentiques souvenirs, mais comme dans tous ses romans, il y a un mélange de réalité et de fiction de personnages réels et imaginaires; en tout cas, l'enfant qu'il place au centre de cette oeuvre est bien déjà lui-même avec ses susceptibilités, ses joies et ses chagrins. La suite de l'ouvrage ayant pour titre: Adolescence , Jeunesse, qui fut écrite beaucoup plus tard , est loin d'égaler cette première oeuvre. Si elle manque de

spontanéité, c'est que Tolstoi a été attiré par d'autres aspects de la vie. En tout cas, cette trilogie qui fut publiée sous le titre de : Etape d'une vie , vaut surtout par le côté autobiographique.

Pendant sa jeunesse, Tolstoi avait beaucoup lu. Il avait une grande admiration pour Pouchkine et Gogol , mais il goûtait aussi Montesquieu et Rousseau. Le Caucase fit une impression profonde sur ce disciple de Rousseau, les pics couverts de neige et l'air vif et léger des montagnes le transportèrent d'un enthousiasme frais et juvénile qu'on a l'impression de respirer dans son oeuvre Les Cosaques qu'il ne composa pourtant que plusieurs années plus tard et rien ne nous prouve mieux que non seulement il savait enregistrer toutes ses impressions mais qu'il avait aussi le pouvoir de les conserver le plus longtemps possible.

C'est lors de son séjour au Caucase que Tolstoi trouve la première réponse à la première question philosophique qu'il se posait déjà: "Pourquoi vivre ?" Dans les Cosaques, cette réponse est apportée au jeune homme civilisé par l'oncle Jérochka, l'homme de la nature qui aime les arbres , les hommes et les animaux "Dieu a tout fait pour le bonheur de l'homme."

Lorsqu'en 1853 éclata la Guerre de Crimée, le jeune officier , plein d'enthousiasme et de courage, se fit envoyer aux avant postes. Il fut alors attaché à l'Etat-

Major du Comte Gortschakov et nommé commandant de la division des montagnes. Les récits qu'il nous a laissés du siège de Sébastopol révélaient à la fois l'héroisme du soldat russe et la stupidité d'un Haut Commandement sans humanité. Pendant le siège, notre jeune officier visite les malades, les blessés et commence à comprendre de soldat c'est-à-dire la paysan russe. Il est surtout frappé par la simplicité avec laquelle l'homme du peuple souffre et meurt.

Les horreurs du siège ébranlent la confiance qu'il a en la loi de la nature si bien qu'après quatre ans et demi de vie militaire, il reparut un peu désemparé dans le monde du plaisir. Il avait tout juste vingt-sept ans, mais malgré son jeune âge, il avait acquis une grande expérience de la vie des camps. D'ailleurs tout ce qu'il avait vu et ressenti sous les armes se retrouve dans son roman Guerre et Paix.

Cependant quelque brillant que fut le milieu où il évoluait et bien que beaucoup de gens fussent séduits par le charme de sa jeunesse, Tolstoi se sentait tout à fait seul. Résolu à faire le tour de l'Europe pour prendre contact avec la vie en Occident, il parcourut la France , la Belgique, la Suisse l'Allemagne ...... d'où il ne rapporta que de piètres souvenirs. Il ne trouvait de véri-

tables beautés qu'à son pays natal dont les interminables steppes l'émouvaient davantage que les Alpes. Il avait par dessus tout une affection spéciale pour son village natal où il sentait avoir beaucoup d'autorité sur ses habitants ainsi qu'une grande mission à accomplir.

On raconte qu'en France il a vu la tête d'un criminel roulant sur la planche de la guillotine, cette scène lui fait comprendre la fragilité de la civilisation occidentale et aussitôt une puissance morale se révolte en lui contre toute l'humanité. Mille fois, lui, le grand seigneur est passé à cheval à côté de ses paysans en acceptant avec indifférence - comme la manifestation de respect la plus évidente - l'humble salut de ses serfs, tandis que le galop de la bête recouvrait leurs vêtements de poussière. Voici que maintenant, pour la première fois, il remarque qu'ils vont nu pieds, qu'ils sont pauvres, qu'ils mènent une existence craintive et dépourvue de droits, et pour la première fois aussi il se pose cette question inquiétante: A-t-il le droit d'être insouciant en face de leur pauvreté et de leur misère ? D'innombrables fois à Moscou, après une partie de plaisir, son traîneau est passé bruyamment à côté de troupes de mendiants gelés par le froid sans qu'il tournât la tête ou qu'il fît la moindre attention

à eux ; la pauvreté , l'oppression et la misère étaient pour lui jusqu'ici des faits naturels, mais brusquement son esprit s'est éveillé, il s'est rendu compte de la misère de ces deshérités et il a vu dans leur situation effrayante une accusation contre son propre superflu. Il entend l'appel de ses frères moins favorisés que lui, il sent naître en lui des obligations fraternelles. Il a conscience de sa communauté avec tous et avec chacun et devient ainsi petit à petit le plus humain de tous les hommes.

De retour à son village, Tolstoi se montra un seigneur d'une espèce nouvelle: abandonnant la morgue hautaine qui caractérisait la noblesse de cette époque, il se montra humble et compréhensif devant la fermeture d'esprit, la lourde ignorance et la touchante fidélité de ses paysans ; Il sentait pour eux tant de sympathie qu'il voulut ouvrir leur esprit à la civilisation.

Convaincu que Dieu avait créé les hommes libres et égaux et que seul le progrès rendrait l'homme pacifique et bon, il voulut entreprendre une réforme à l'échelon de son village : il commença par libérer ses serfs et créa à Iasnaia-Poliana une école pour leurs enfants où il essaya d'appliquer les théories pédagogiques les plus avancées. Il avait banni de cette école les manuels

scolaires russes qu'il tenait pour ennuyeux et dépassés et leur préférait ceux qu'il composait lui-même. Malheureusement toutes ces mesures philanthropiques demeurèrent incomprises, furent accueillies avec beaucoup de défiance et finirent par indigner les autorités qui fermèrent l'école. Désabusé par tous ces échecs, Tolstoi dont la règle de conduite était de "<u>ne pas résister au mal par le mal</u>" abandonna sans lutte sa généreuse initiative car il était persuadé que le "<u>bien</u>" et la "<u>vérité</u>" prévaudraient tôt ou tard.

Son idéalisme ne trouvant aucun écho dans son entourage, il sentit une cruelle solitude morale l'envahir de plus en plus et commença à se désintéresser progressivement de la vie brillante qu'il menait. C'est à ce moment qu'il devint l'hôte assidu de la famille d'un médecin de la Cour, le docteur Behrs où la présence de trois charmantes jeunes filles à marier l'attirait particulièrement. Il ne tarda pas à se sentir chez lui dans cet intérieur hospitalier et plein de gaîté. De jour en jour, le jeune Comte Léon sentait naître en lui un grand amour pour la seconde et la plus jolie fille du docteur Behrs : Sophia Andrejewna et un beau jour, il lui remit une lettre où il la demandait en mariage. La jeune fille accepta sans hésiter un

parti aussi avantageux. Il avait trente-quatre ans et possédait une grosse fortune. Sa fiancée , bien que moins riche , avait le charme de ses dix-huit ans, de plus elle était sérieuse, ardente et dévouée.

Toujours tourmenté par ses scrupules, Tolstoi qui avait derrière lui un passé orageux, chargé d'un grand nombre d'aventures féminines, ne se sentait pas le droit d'épouser cette innocente jouvencelle sans lui avoir avoué ses fredaines antérieures . Il décida alors de lui remettre entre les mains ses carnets où il avait noté avec force détails toutes ses débauches. Bien que scandalisée par la lecture de ces notes , la jeune fille fut édifiée par la probité de son fiancé et eut assez de courage pour lui renouveler sa promesse et l'accepter comme époux .

La cérémonie nuptiale , célébrée avec pompe, fut le point de départ d'une vie conjugale riche en dévouement et en tourments mutuels qui devait durer près d'un demi siècle. Les tempéraments des deux conjoints qui, étaient tout à fait opposés avaient créé entre eux une certaine incompatibilité : Sophia , dont le sens pratique primait tout , aimait la vie brillante et joyeuse de la Cour et de la ville ; par contre, Léon qui était un grand méditatif appréciait par dessus tout la vie simple et primi-

tive d'Iasnaia-Poliana. Dès son entrée en ménage , elle détesta la maison de campagne où son mari se sentait l'homme le plus heureux du monde (1); d'autre part , la révélation qu'il lui avait faite de ses débauches passées avait crée chez elle une sorte de jalousie latente qui la laissa toujours inquiète et ne lui permit aucune sérénité. Ces nuages n'assombrirent pourtant pas la vie du jeune ménage et n'empêchèrent pas Sophia d'avoir treize enfants (2) , de seconder son mari , de le remplacer même dans la gestion de ses affaires et de l'aider dans ses travaux intellectuels (3).

Tolstoi qui avait songé à écrire un roman historique, a été amené à étudier les guerres napoléoniennes. Guerre et Paix présente à la fois les grands événements de la Campagne de Russie avec Napoléon Ier , Alexandre Ier et le général Koutouzov , ainsi que la vie quotidienne de deux grandes familles : les Rostov et les Bolkonski que

---

1) " J'aime la Nature , dit-il , quand elle m'entoure de "toutes parts. Cependant il faut que je sois au milieu "d'elle . Je l'aime quand ses brises chaudes me baignent de leurs ondes et ensuite s'éloignent vers des "horizons infinis , quand les tendres herbes que je "presse quand je suis assis prêtent leurs verdure aux "vastes prairies."

2) Dont cinq moururent en bas âge.

3) C'est elle qui classait ses notes littéraires et il paraît qu'elle a eu le courage de recopier sept fois à la main l'énorme manuscrit , plein de corrections de Guerre et Paix.

peuple [1]. Il s'est alors tourné quelque temps vers l'église orthodoxe russe; malheureusement il était trop peu mystique pour y trouver le calme et l'apaisement et bientôt il se rendit compte que la lueur des cierges, les vieilles icônes, les mosaiques étincelantes et le parfum de l'encens ne suffisaient pas à faire un chrétien pratiquant. Il attaqua le clergé qui, par des doctrines mensongères, s'était écarté de son devoir le plus strict en bénissant l'ordre établi et en lui fournissant des arguments. Il alla même jusqu'à déclarer que les prélats étaient indignes de leurs fonctions car ils embrassaient la vie religieuse sans avoir la moindre vocation et , derrière le masque de leur fausse dignité et le rideau de leurs rites, ils dissimulaient non seulement une sombre ignorance, mais aussi une grande bassesse d'âme [2]. Au lieu de s'arrêter à des pratiques rituelles absurdes, il se consacra aux études bibliques , traduisit l'Evangile et le réduisit finalement à son principe fondamental qu'on peut résumer en ces mots : " Aimer le prochain comme soi-même. "

---

1) Un paysan Soutaiev , fondateur d'une secte religieuse qui cherche la vérité d'après l'Evangile, inspira à Tolstoi l'idée de se rapprocher des croyants et du peuple. Ce dernier fut frappé par la foi du peuple et la foi du monde auquel il appartenait. C'est alors que se fit en lui un changement qui se préparait depuis longtemps et pour lequel il avait toujours eu des dispositions

2) Je n'ai pas renié l'Eglise, dit Tolstoi, parce que je

Cette maxime dont les germes existaient déjà en lui, réglera dorénavant toute sa conduite .(1)

" <u>Le royaume des Cieux est en vous</u>", criait-il aux membres du Saint-Synode. Ceux-ci, habitués à être entourés de beaucoup de vénération, furent choqués par la rudesse de cette attitude; ils commencèrent à le persécuter et l'excommunièrent(2) . Cela ne découragea pas notre penseur qui, au lieu de se soumettre aux ordres du clergé de son pays, élabora une nouvelle doctrine sociale basée sur certaines paroles chères à Jésus-Christ:" <u>Ne résistez au mal</u>" " <u>Tu tendras l'autre joue</u>". Ces paroles faites d'amabilité et de douceur sont la condamnation de la violence sous toutes ses formes et notamment de la guerre qui est en contra_

---

m'étais révolté contre le Seigneur. Je l'ai reniée au contraire,parce que j'ai voulu de toutes les forces de mon âme servir Dieu ...... Je ne partage pas, il est vrai, la foi du Saint-Synode, mais je crois en Dieu qui est pour moi l'Esprit, l'Amour, le principe de toutes choses.

1) Je crois que le vrai bonheur de l'homme consiste dans l'amour pour ses semblables,ce qui résume,dit l'Evangile, toute la loi et les prophètes. Je crois que le sens de la vie pour chacun de nous, est seulement d'accroître le sens de l'amour.en lui ......

2) L'acte d'excommunication parut le 25/2/1901:" Un écrivain célèbre dans le monde, russe par la naissance, orthodoxe par le baptême et l'éducation, le comte Tolstoi obéissant aux séductions de son esprit orgueilleux, s'est audacieusement révolté contre le Seigneur, contre son Christ et ses saintes institutions et a clairement renié devant tous sa Mère l'Eglise orthodoxe qui l'a nourri et élevé.

Guerre et Paix est un hymne à la vie. Il n'est pas de livre plus vivant que celui-ci. Cette oeuvre où palpite la Russie impériale avec ses guerres , ses scènes de famille , les souffrances de son peuple et les divers aspects de ses paysages a pu mériter à bon escient le titre de :" La Grande épopée de la Russie."

Ce gigantesque roman que Tolstoi mit sept ans à écrire eut un succès si foudroyant qu'il fut traduit en plusieurs langues. Pourtant Tolstoi était indifférent à cette apothéose et n'appréciait que les joies de la vie simple qu'il menait à Iasnaia-Poliana , passant le plus clair de son temps à goûter les plaisirs de l'existence rustique.(1) C'est là qu'il se sentait vraiment vivre et c'est là aussi qu'il se sentait vraiment inspiré,ce qui lui permit quelques années aprés la publication de Guerre et Paix, de donner un autre roman d'une puissance extraordinaire: Anna Karénine.

Dans ce nouveau roman , c'est la vie de son époque qu'il veut peindre ou pour plus de précision, la vie aristocratique à la ville et à la campagne. En écrivant Anna

---

1) Rien à ses yeux n'avait plus de valeur que ces veillées d'hiver autour d'un bon feu et d'un samovar contenant du thé chaud . Rien ne le touchait plus que le printemps succédant au rude hiver russe et apportant avec lui tout le renouveau de la nature: floraison des arbres et reflets des moissons.

Karénine, Tolstoi avait déjà été frappé par l'énorme différence qui existe entre l'idéal rêvé par l'humanité et la décevante réalité. Cette triste constatation devint le point de départ de sa crise morale et de sa conversion: " Quel est le but de ma vie ? " , " Comment dois-je vivre ?" " Où est le bien ? " , " Où est le mal ? " ...... Ces questions déconcertèrent complètement Tolstoi. " Je sentis , dit-il , que ce quelque chose sur quoi la vie repose se brisait en moi." La vie était devenue un non sens et l'idée du suicide lui vint.

Ce roman témoigne donc du début de cette crise de conscience qui ira en s'aggravant d'année en année , crise de conscience qui aboutira à cette idée que le salut ne peut être trouvé hors de Dieu. Au cours de ce changement quelque chose du Tolstoi primitif meurt pour toujours . Lui qui acceptait le monde comme une donnée objective et immuable, demande au monde son sens métaphysique car il est désormais convaincu que l'éxistence a une signification qu'on ne peut saisir avec les sens. Malgré lui il est obligé désormais de chercher dans chaque phénomène son sens spiritüel ou moral.

Dans ce roman , la tendance moralisatrice de Tolstoi se fait déjà sentir. Cette tendance apparaît dans la peinture des personnages.

Anna Karénine n'est en réalité que la superposition de deux romans: celui de la vie cônjugale malheureuse et monotone d'une part et celui de la vie brillante et aris-tocratique riche en problèmes aussi. L'auteur réussit à opposer d'une façon saisissante l'amour conjugal dans l'atmosphère paisible de la campagne et les passions de l'adultère dans la société élégante et frivole. Les personnages moraux et les personnages immoraux sont répartis en deux catégories par le destin : Vronski et Anna, êtres sensuels et incroyants, égoistes de la passion , sont "punis" jetés dans le purgatoire des inquiétudes de l'âme ; Kitty et Levine au contraire sont élevés vers le ciel.

Anna Karénine quitte son vertueux mari qu'elle trouve sec et pédant, pour le brillant Vronski; et bien que celui-ci soit fidèle et généreux, elle va à la souffrance et au suicide. Si Anna n'arrive pas à être heureuse, c'est qu'elle a sacrifié mari et enfants et bien que Tolstoi se soit abstenu de formuler sa morale, nous pouvons la deviner : " Nul ne peut édifier son bonheur sur la souffrance des " autres " . L'intention morale de l'auteur est plus apparente dans la seconde partie du roman qui peint l'amour heureux de Levine et de Kitty. Dans cette partie, l'auteur propose par la bouche d'un simple paysan une répon-

se à Levine qui brûle de pénétrer le sens de la vie. Ce paysan dit au jeune homme: " Le but de la vie est la croyance en Dieu " .

Pendant les vingt dernières années de sa vie, la puissance de la création littéraire de Tolstoi était loin de tarir. Il donna en 1889 La Sonate à Kreutzer où l'on trouve un autre aspect de son drame intérieur. Dans ce roman, ses douloureuses refléxions sur le mariage l'amènent à condamner l'union de l'homme et de la femme comme un obstacle au royaume de Dieu.

Après cette oeuvre d'amertume, Tolstoi retrouve son optimisme dans son dernier grand roman Résurrection 1899. Là , il fait luire pour le coupable la possibilité du relèvement par l'aveu et l'expiation. Une fois de plus il a mis dans son oeuvre beaucoup de son âme et même l'aveu voilé d'une faute personnelle dans le prince Nekhlioudov, qui s'est cru homme d'honneur jusqu'au jour où siégeant comme juré dans une affaire criminelle, il reconnaît dans l'accusée, la prostituée Maslova une pure et innocente jeune fille du nom de Katia séduite et perdue jadis par lui. Par devoir , sans amour, il cherche l'expiation en la suivant sur les routes de Sibérie. Regénérée , elle aussi par la souffrance, elle refusera son sacrifice .

C'est alors qu'une nouvelle vie s'ouvrira pour chacun d'eux.

Si Tolstoi, dans ses romans, nous dépeint ses crises, c'est qu'il sentait grandir en lui sourdement toute sorte d'angoisse, surtout l'angoisse métaphysique et religieuse ainsi que l'angoisse sociale si bien qu'il est devenu un grand mystique et un violent partisan du socialisme.

En ce qui concerne l'angoisse religieuse, Tolstoi est arrivé à cette idée : "Le salut ne peut être trouvé hors de Dieu " . C'est pour cela qu'il a essayé de se rapprocher le plus possible de la simplicité du christianisme primitif, seul capable de favériser les instincts profonds de la nature humaine. C'est cette conversion qui l'éloigna - comme nous le verrons plus loin - du confort , des convenances sociales et des biens de ce monde.

Quant à l'angoisse sociale, elle peut être résumée en ces mots : " Toute inégalité commence avec la propriété ". Ce n'est pas en vain que Tolstoi a passé à Bruxelles des heures et des heures avec Proudhon et même avec Karl Marx. Il partagea leur point de vue et s'est trouvé aussi socialiste que les pionniers du socialisme. Comme eux, il avance ce postulat: " La propriété est la racine de tout
" mal et de toute souffrance et il existe un risque de
" conflit entre ceux qui ont la superfluité des biens et

" ceux qui n'en ont aucun " , car pour se maintenir, la propriété doit nécessairement devenir défensive et agressive. La violence est nécessaire pour accroître les biens qu'on possède , elle est nécessaire encore pour les défendre. C'est pourquoi la propriété crée pour sa protection l'Etat et à son tour l'Etat, pour assurer son existence, crée les formes organisées de la puissance séculière : armée , justice ......" tout ce système de contrainte qui ne sert qu'à protéger la propriété " .

Comme on le voit, la valeur humaine des oeuvres de Tolstoi ne le cède en rien à son génie littéraire et s'il a essayé d'accorder sa vie avec ses principes, c'est que la moindre défaillance à ses idéaux le plongeait dans d'affreux remords de conscience et la misère du peuple le faisait souffrir davantage.

Quelles sont les revendications sociales immédiates de Tolstoi ?

Il dénonçait la propriété terrienne dès qu'elle excédait le travail du possesseur. Il réclamait aussi l'institution d'un "impôt unique" ne portant que sur la propriété foncière; mais une telle revendication ne pouvait trouver d'oreilles attentives en Russie à cette époque où toute la fortune de l'aristocratie reposait sur les vastes domaines. Cet impôt unique eût ruiné la noblesse et l'eût

obligée à morceler ses vastes domaines et à les distribuer aux paysans.

Et maintenant, nous pouvons nous demander quelle fut la réaction des autorités face à ces idées nouvelles et à ces revendications ?

Sous les derniers Romanofs, la Russie subissait le régime le plus despotique de toute l'Europe : aucune liberté politique , aucune liberté de pensée ou de parole et malgré ce régime oppressif, Tolstoi qui était conscient de sa mission de mage et qui luttait pour la liberté de ses semblables risquait les pires ennuis. Malgré ce danger, , il ne lâcha pas prise et , bien que beaucoup plus violent , il fut pour la Russie ce que furent les philosophes du XVIIIe siècle pour la France. Ses suggestions soulevèrent la colère du tsar et de toute la classe dirigeante . La censure impériale avait beau interdire les oeuvres où il développait ces idées d'avant-garde, elles étaient traduites et diffusées dans toute l'Europe et les Russes eux-mêmes les copiaient à la main et les faisaient circuler sous le manteau.

Quant à son drame métaphysique, bien plus profond que son angoisse sociale, il peut être résumé en ces

quelques points:

1) Pourquoi vivre ?
2) Quelle est la cause de mon existence et de celle d'autrui ?
3) Quel est le but de ma vie et de celle d'autrui ?
4) Que signifie cette dualité du bien et du mal que je sens en moi et pourquoi est-elle là ?
5) Comment dois-je vivre ?
6) Qu'est-ce que la mort et comment puis-je me sauver ?

Telles sont les questions effrayantes que se pose Tolstoi pendant trente ans sans pouvoir y trouver une solution, car la raison n'est suffisante que pour faire comprendre la vie , mais pas la mort. C'est pourquoi il se rend compte qu'il lui faut l'aide d'une nouvelle faculté spirituelle : la Religion . Alors tout à coup il se convertit à une sorte de religion de la douceur et de la charité , il se dépouille de sa science profane, se jette humblement à genoux devant Dieu et l'implore de lui faire trouver le moyen d'aider les autres.

Convaincu que la religion fait vivre les hommes, Tolstoi, comme nous l'avons dit plus haut, va demander au christianisme de donner un sens à sa vie.

Dans son ardente quête de la vérité religieuse, Tolstoi s'est rendu compte que c'est la foi qui fait vivre le

Tolstoi a formées selon son procédé habituel en transposant son propre entourage dans un autre milieu et en donnant beaucoup de lui-même aux deux héros principaux: le prince André et Pierre Besuchof. Les personnages de ce roman sont si nombreux,(1) que l'auteur essaye, pour ne pas lasser le lecteur, de les imposer à sa mémoire par des leit-motiv significatifs.(2)

Les scènes de bataille , d'une ampleur prodigieuse avec leurs charges de cavalerie, le sang répandu et l'héroisme qui s'y dépensent, l'incendie de Moscou, la retraite de l'armée française à travers les implacables champs de neige, tous ces tableaux sont dépeints avec tant de couleur et de relief qu'ils donnent une impression de choses vues. Dans cette oeuvre grandiose, Tolstoi s'attarde à relater les menus faits de la vie quotidienne(3) avec autant de précision qu'il raconte les événements historiques de haute portée.(4)

Bref , grâce à la vivacité des descriptions , nous sentons vivre ces héros et nous ressentons une grande sympathie pour certains de ces personnages qui partici-

---

1) Ils sont environ au nombre de cinq cents.

2) Comme le beau regard de la laide princesse Marie ou la blancheur des bras d'Hélène, la vivacité de Natacha qui court, danse, bondit et dont tous les gestes débordent de vie ...etc...etc.

3) Comme par exemple: la toilette de Napoléon ou le voyage en charrette d'un paysan pour Smolensk

4) Comme la retraite d'une armée ou la victoire remportée sur l'ennemi.

pent à ce vaste drame national Tolstoi qui possédait au plus haut degré le don de l'observation minutieuse savait relever les moindres réactions, il était capable d'observer et de voir à travers l'âme de ses personnages comme si elle eût été de verre. Même l'âme féminine n'avait pas de secrets pour lui. Grâce à la finesse de ses touches il a si bien réussi le portrait de Natacha qu'il est considéré par tous les critiques comme un chef d'oeuvre de pénétration psychologique.(1)

Ce roman permit à Tolstoi d'exprimer certaines vues et certaines idées. D'après lui, la valeur des grands hommes n'est que le résultat d'un concours de circonstances qui les entourent.(2) D'autre part l'auteur insiste à nous donner l'impression que tous les personnages sont régis par le destin et que les victoires se perdent ou se gagnent non pas d'après la valeur des plans de campagne, mais grâce à des facteurs mystérieux que ne ressentent ni les généraux ni les grands officiers, mais plutôt les simples soldats tout près de la nature.

---

1) On rapporte que Tania la belle-soeur de Tolstoi admira la précision de ce portrait et lui fit part de son étonnement en ces termes:"Je conçois que vous puissiez peindre de grands seigneurs, des pères de famille, des généraux ou des soldats. Mais que vous arriviez à bien connaître le coeur d'une jeune fille amoureuse, voilà ce que je ne puis comprendre."

2) Napoléon qui croit diriger l'histoire n'est d'après l'auteur qu'un fantoche qu'il assimile à un enfant tenant la courroie de la portière et croyant conduire la voiture.

diction directe avec les enseignement de l'Evangile, et c'est ainsi que les autorités militaires se déchaînèrent elles aussi contre ce pacifiste qui avait été lors de sa jeunesse un vaillant soldat.

D'autre part, Tolstoi anathémise la"justice humaine" puisque l'Evangile disait:" Tu ne jugeras point" et déclare qu'une véritable moralité n'est possible qu'en dehors de l'Etat car l'Etat s'identifie à la violence. Ce qu'il faut, d'après lui, c'est une révolution religieuse qui affranchirait l'homme des chaînes de l'Etat, car c'est une communauté établie sur la violence. C'est pourquoi, Tolstoi lui-même, par une brusque résolution, se place en dehors des formes de l'Etat et se déclare moralement indépendant de tous les devoirs qui ne seraient pas dictés par sa conscience.

Tolstoi ne s'arrête pas là, il va jusqu'à condamner l'industrie comme une forme nouvelle de l'esclavage puisqu'elle réduit les travailleurs à la dépendance et à la misère.

Pour Tolstoi, les deux grands principes qui doivent régir notre conduite sont la Paix et l'Amour. Si tous les hommes sont unis par l'amour fraternel, il ne se posera plus aucun des problèmes qui ont amené la constitution des Etats, des armées et des tribunaux.

Excommunié par le Saint-Synode, Tolstoi ne fut sauvé des fureurs conjuguées de l'aristocratie, du gouvernement de l'église et de l'armée que grâce au prestige qu'il avait acquis dans le monde entier. Les autorités locales n'osant pas faire de ce propagateur d'idées nouvelles un martyr, le laissèrent mener tranquillement à Iasnaia-Poliana une vie en accord avec ses principes, cultivant ses terres, fabriquant lui-même ses souliers, s'occupant du sort de ses paysans; et ne s'avisèrent nullement de l'inquiéter pour ses opinions qu'elles qualifiaient de subversives.

Des pélerins enthousiastes, acquis aux idées nouvelles et même de simples curieux affluaient de partout pour rencontrer ce patriarche aux cheveux blancs, ce champion d'un âge futur régi par l'Amour et la Paix. Ceux qui étaient incapables de faire le voyage pour voir ce nouveau mage en qui ils reconnaissaient un maître spirituel, entretenaient avec lui une correspondance régulière. Parmi ses innombrables disciples , il y avait un jeune Hindou du nom de Ghandi. Ce futur leader spirituel de l'Inde fut le disciple de Tolstoi et c'est grâce à l'auteur de Guerre et Paix que toute une éthique d'amour influença sa règle de conduite et qu'il fut convaincu que le monde devait être régi par l'amour; et

c'est aussi grâce à lui qu'il comprit quelle force pouvait constituer la non-violence.

Vers la fin du siècle dernier, en Russie et dans le monde entier, des millions de regards se tournent vers Tolstoi dès qu'il annonce son message à l'humanité(1).

Cette évasion vers un idéalisme mystique était très pénible pour sa famille, mais plus il se spiritualisait et plus sa popularité augmentait parmi la jeunesse intellectuelle. Le petit village d'Iasnaia-Poliana devint un lieu de pèlerinage où les nouveaux adeptes russes rendaient eux-aussi hommage à leur maître.

Sa femme Sophia, qui admirait son mari sans le comprendre, était au désespoir. Elle entreprit la gestion de ses biens, mit en oeuvre son sens pratique pour sauver sa fortune et celle de son mari. A elle incombaient tous les soucis quotidiens. Elle veillait à l'éducation de ses enfants et parvint à leur maintenir un certain niveau social. Pendant ce temps, Tolstoi qui se désintéressait de tout le côté matériel de l'existence avait l'air d'un illuminé. Avec

---

1) Cette doctrine qui prit le nom de tolstoisme eut un grand rayonnement et les appels pacifistes d'un Romain Rolland, la lutte contre la peine de mort, toutes ces initiatives de notre siècle, isolées en apparence, ne sont que les échos de la doctrine de Tolstoi qui s'étend chaque jour de plus en plus dans le monde entier

sa barbe de prophète et sa vieille blouse qui le faisait ressembler à un moujik, il s'efforça loyalement de mettre sa vie en accord avec ses principes. Il distribua ses terres, mena une vie simple et rustique qui ne différait guère de celle de ses paysans; mais devant l'opposition grandissante de sa femme, il dut se modérer.

Lassé de tous les honneurs qui l'entouraient à cause du rayonnement universel de ses idées, Tolstoi fuit la gloire et cherche avidement la solitude et la pauvreté. La situation entre les époux devenait intolérable de jour en jour si bien que les liens familiaux finirent par se rompre. Pour échapper à sa femme, Tolstoi cherche à fuir le foyer conjugal. Dans la brume d'une matinée d'automne, plus précisément le 20 Octobre 1910, accompagné uniquement de son médecin, il part pour pouvoir mettre sa vie en accord avec sa doctrine.

Le train glacial et lent qui transportait les deux voyageurs n'eut pas le temps d'aller bien loin que Tolstoi brusquement atteint d'une pneumonie, ne put poursuivre son voyage. On le descendit du train à la petite ville d'Ostapovo, où on l'installa dans la maison du chef de gare et on avertit les siens.

En apprenant la maladie de son mari, sa femme accourut en toute hâte pour le sauver. Elle dut cependant rester

derrière la porte qu'on lui interdisait de peur que sa présence ne bouleversât le vieillard moribond. Quand il fut dans le coma, on la laissa entrer pour voir une dernière fois son mari, lui faire part de son admiration et de son affection et baiser la main d'un cadavre déjà froid et insensible.

Ces deux êtres si profondément dissemblables et cependant sincèrement dévoués l'un à l'autre ne purent atteindre à cette compréhension mutuelle, qui doit exister entre lès époux, pour laquelle ils avaient lutté tout au long de leur existence.

Les dernier mots de Tolstoi nous éclairent sur son besoin de fuir:"La Vérité!" murmura-t-il aux approches de la mort ; il ajouta ensuite : " J'ai beaucoup aimé... "

Le 7 novembre 1910, la nouvelle de la mort de Tolstoi fut annoncée dans le monde entier et y provoqua une profonde consternation. Cette âme tourmentée était enfin libérée de la vie et de l'injustice terrestres contre lesquelles il avait livré un combat sans merci.

Tolstoi fut enterré,comme il l'avait souhaité, dans la forêt d'Iasnaia-Poliana. Aucune cérémonie religieuse ne fut accordée à cet homme qui avait essayé de répandre autour de lui un message de fraternité et d'amour de

l'humanité.

°

°° °°

Ainsi se termine la vie de celui que Maxime Gorki avait judicieusement un jour appelé :"Un homme humanité" Si cette vie fut un drame, c'est que sa doctrine,hautement humaine, n'a pas été comprise à son époque. D'autre part, trop idéaliste, cette doctrine n'a jamais pu s'accorder avec n'importe quelle vie terrestre, pas même avec celle de son auteur qui déploya de grands efforts dans ce sens; de là les peines morales que notre écrivain n'a cessé d'endurer au cours de son existence.

Le prestige de Tolstoi n'a cessé de grandir depuis sa mort. Pourfendeur acharné de l'injustice sociale, de la " justice" officielle, de l'hypocrisie morale, de la violence sous toutes ses formes, de tous les préjugés de caste, ce grand penseur a réussi en effet à créer en Europe une mentalité spéciale, à donner le premier coup de pioche au capitalisme, à saper le droit de propriété et à réhabiliter le travail manuel.

La Révolution d'Octobre se réclama de ses conceptions. Même Trotsky et Lénine n'ont pas fait un pas de plus au delà du " Tout doit être changé " de Tolstoi et aucun pen-

seu russe n'a pu ébranler plus fortement les forteresses essentielles de l'ordre tsariste. L'histoire reconnaitra à longue ou à brève échéance qu'il a été le meilleur précurseur du bolchévisme car sa révolte ouverte contre les trois puissances invincibles de sa patrie (le Tsar , l'Eglise, et le Propriété) a hâté l'avènement du régime socialiste non seulement en Russie , mais dans le monde entier.

Prof. Dr. AMIN SAMI WASSEF
Professeur à la Section de français
et
Vice-doyen de la Faculté

TAUFIK EL-HAKIMS FAUST

Von

Prof. Dr. MOUSTAFA MAHER

Taufik el-Hakîm behandelt in seiner Novelle "'Ahd-esch-Schaitân" (= Der Pakt mit dem Teufel oder mit Satan), erschienen 1938, den Faust-Stoff. Mit den folgenden Sätzen hebt er an:

"Das Ereignis, das ich hier erzähle, ist in einer Winternacht vorgefallen - in jener unheimlichen Stunde, von der die Sagen einstimmig behaupten, daß darin alles Außergewöhnliche vorfällt. Ich saß an meinem Schreibtisch voller staubbeladener Bücher und las in schmählich schwachem Licht. Vor mir lag offen "Faust". Gerade las ich die Seiten, auf denen der alte Gelehrte mitten unter seinen Büchern saß, die grauen langen Haare fielen über die Schultern des Mannes, der die Hoffnung alles zu wissen aufgab und einem Leben den Rücken kehrte, in dem ihm das Wissen nicht zuteil wurde, das es nach seiner Ansicht einem Menschen hätte geben können."

Gleich am Anfang haben wir die Faustgestalt mit ihren hervorstechenden Zügen vor uns: Alter, Ent-

täuschung, sinnloses Wissen. Die langen grauen Haare wird Taufik el-Hakîm einer Theater- oder Opernaufführung entnommen haben. Nach wenigen Zeilen wird deutlich, daß der ägyptische Schriftsteller mit Faust in einen Dialog zu treten gedenkt. Er verleiht sich Faust-Züge und versetzt sich in eine Faust-Atmosphäre - das dunkle Studierzimmer und die staubbedeckten Bücher.

Von Goethes "Faust" übernimmt er sogar die Art der Einleitung. Zwar breitet er sich nicht wie Goethe in Zueignung, Vorspiel auf dem Theater und Prolog aus, jedoch schickt er Zeilen in poetischer Prosa - etwa "vers libres" als "Tasdîr" (= Prolog) voran:

"Teufel der Kunst! Dir habe ich alles gegeben!
Jeder Tropfen meines Blutes gehört dir,
Jede Gemütsregung gilt dir.
Ist mir eine Glücksstunde gegönnt, so ist sie dein!
Schlafe ich, sitzt du auf dem Thron meiner Träume.
Wache ich, so hältst du die Zügel meiner Tage fest.

Dein Schatten verläßt mich nicht - nirgends
und nie.
Mich verläßt du erst, wenn die Gebrechen mich
niederschlagen.
Wenn in meinem schmächtigen erschöpften Kopf
nichts übrig bleibt, was du nehmen könntest .
Kann ich wieder ein wenig die Augen öffnen,
Leuchtet mir wieder ein Augenblick der Wach-
samkeit,
Gehört er dir.
Teufel der Kunst! Du hast mir alles entrissen!
Hast du mir etwas gegeben?
- Ja, ich habe dir den Genuß des Schaffens
gewährt,
Einen Genuß, der nur Gottes ist."

Fast könnte man denken, daß Taufik el-Hakîm den Faust-Stoff in eine andere Bahn lenkt: Mephistopheles ist in den Teufel der Kunst verwandelt (Teufel oder Satan der Kunst ist mit der Muse zu vergleichen; die Araber vor dem Islam glaubten, die großen Dichter verkehren mit dem Satan oder mit den Genies der Poesie - Schaitan esch-Schi'r oder el-Ginn - die ihnen die Gedichte einfallen

lassen oder offenbaren) - Faust, ein sich der Kunst opfernder Künstler, der außer der Kunst kein Dasein hat. Darüber klagt er, doch von Meutern ist keine Rede, eher von einer Klärung. Schaitan el-Fann gibt die sublime Antwort:

"Ja, ich habe dir den Genuß des Schaffens gewährt,
Einen Genuß, der nur Gottes ist."

Doch zurück zur Novelle! Auf etwa sieben Seiten faßt Taufik el-Hakîm die Faustthematik nach Goethe zusammen. Das ist verständlich. Er wendet sich an ein Publikum, dem sie nicht geläufig ist. Außerdem gehört es zur Charakteristik der arabischen Literaten, Unklarheiten zu meiden, auch wenn es zuweilen zur Langatmigkeit kommt. Für eine Leserschaft, die mit Faust vertraut ist, sind diese Ausführungen überflüssig. Doch bei einigen Stellen können wir verweilen, um die Verarbeitung und Neugestaltung, sowie die eingeführten Motive auf Eigenheit zu prüfen. Die Rede ist von Faust, der glaubt, sein ganzes Leben vergeudet zu haben. Es heißt: "Er scheidet nun aus dem Leben, ohne eine Blume gepflückt, ohne den Duft

dieses berückend schönen an Bäumen, Flüssen, R o s e n, G a z e l l e n reichen Bustans genossen zu haben."

Faust ist nicht mehr der deutsche Faust. Der orientalische Schriftsteller hat sich ihn angeeignet. Zu seinem locus amoenos gehören Rosen und Gazellen. (Von einem ausgesprochenen Ortswechsel ist keine Rede . . . . d.h. "Faust" ist nicht nach Ägypten verlagert.)

Mephisto büßt auch seinen Namen ein. Er ist "Der Schaitan", "Satan". Muhammad Awad Muhammad hatte ihn "Iblîs" genannt. Das Erscheinen des Schaitans erinnert an Tausendundeine Nacht. Zunächst überkommt Faust das unheimliche Gefühl, er sei nicht allein, dann kommen ihm die Schattenspiele der Lampe wie Geister vor. Es zucken rote Strahlen - heißt es bei Goethe. Das Astronomie-Buch, mit dem er gerade beschäftigt war, holt er hervor. Der ägyptische Dichter setzt Astronomie anstatt Astrologie. Faust will lesen, um sich zu beruhigen. Die ganze Episode mit Nostradamus, mit der Beschwörung Mephistos, fällt weg. - Faust

hört eine Stimme seinen Namen rufen, dann erblickt er ein seltsames Gesicht, zu dem kein Körper gehört. Dann fliegen die Körperteile aus allen Ecken her und fügen sich zu einem Körper zusammen: eine Menschengestalt ist entstanden. Auch das Gesicht verändert sich in ein Menschengesicht.

Es ist also nicht Faust, der so lange den Teufel "mächtig angezogen" und an seiner "Sphäre lang gesogen". Der erflehte Geist, der Schaitan, kam aus eigenen Stücken.

Die Novelle geht weiter. Als der arabische Autor an die Stelle der Paktunterzeichnung kommt, wo Faust in die Jugend zurückversetzt wird, tragen ihn die Träumereien in die Geisterwelt. Auch er würde gern einen Pakt mit dem Teufel eingehen. Er beschwört den Teufel, der aber nicht kommt. In seiner Phantasie malt er sich jedoch eine Begegnung mit dem Teufel aus. Der Teufel - hier im roten Mephisto-Gewand (der Name "Mephisto" kommt vor) - die Hand am Säbelgriff, die Feder auf dem Horn, erscheint. Der arabische Autor sehnt sich nicht nach dem Wissen an und für sich,

sondern nach der Liebe zum Wissen. Er wünscht sich die Seele Fausts oder Gottes! Als Gegenleistung bietet er seine Jugend. Mitleidend, wie ein Teufel sonst nicht sein kann - aber etwa wie im Prolog: "Die Menschen dauern mich in ihren Jammertagen" - ermahnt der Teufel den unaufhaltsamen jungen Mann: "Nichts ersetzt die Jugend". "Das Wissen", meint der Dichter, "ist die ewige Jugend des Geistes. Das ist die menschliche Sublimation, vor der sich die Engel außer dir niederwerfen - du Übergreifer auf den Thron unseres Lichtgeistes." Der Dichter verlangt dieses Licht. Licht kommt ja in Goethes Faust vor. Im Prolog heißt es:

Mephisto: Hättest du ihm nicht den Schein des
Himmelslichtes gegeben;
Er nennt's Vernunft . . . .

Mit dem Schaitan hat der ägyptische Dichter eine Vereinbarung getroffen: "Feind des Lichtes, gib mir das Licht und nimm mir, was du willst."

"Nach jener Nacht vergingen dreizehn Jahre, in denen ich Bücher verschlang, mich in allen Wissenschaften und Künsten umsah, mit Philosophen,

Dichtern, Musikern und Malern lebte. Meine Liebe zum Wissen war wie der Wahnsinn. Ich konnte es nicht ertragen, daß mir ein Wissenszweig nicht bekannt war. Zuweilen hatte ich nur soviel in der Tasche, wie ich für das Essen bis Monatsende benötigte. Erblickte ich aber in einem Schaufenster ein oder zwei Bücher, die mich interessierten, zögerte ich nicht, meine Tasche dafür auszuleeren und lebte tagein tagaus von Reisbrei und ausgelaugtem Tee. Der Wahnsinn trieb mich zu Einblicken in Schriften, die für den Literaten nicht unbedingt nötig sind; ich las in Astrologie, Afterwissenschaften und der höheren Mathematik. Meine Ruhetage vergingen in Kunstaltären, Museen, Bibliotheken und Altertumssammlungen.

Ich pflegte lange in einer kleinen, einsamen Kaffeestube in einer Ecke allein zu sitzen und mich sechs, sieben Stunden unaufhörlich in komplizierte philosophische Fragen, geistige Belange und weltweit politische soziale und wirtschaftliche Probleme zu vertiefen. Wie oft habe ich in Gedanken Kulturen vernichtet und an ihre Stelle

utopische - wie Plato und Thomas Moore - gesetzt! Wie oft ging ich vom Glauben ab und kehrte wieder dazu zurück! Wie oft verirrte ich mich und fand auf den richtigen Pfad zurück! Wie oft schrieb ich und wie oft zerriß ich das Geschriebene. Mit welcher Mühe rang ich um jenen hohen Genuß, den ich für das allerhöchste Ziel des Menschen hielt. Ich schwärmte vom Licht, schwebte solange darin, bis mir mein Körper schwerelos vorkam und ich mir dachte, ich hätte Flügel wie Schmetterlinge . . . Wie die Luft, oder die Engel, schwebte ich in den geistigen Sphären, um ein aufgeschlagenes Buch, unter der hellen Lampe. Des Morgens legte ich mich dann hin, floh vor den Menschen und ihrem Trubel.

Eines Tages aber rüttelte mich eine alte Putzfrau wach: "Ihr Leben ist kein Leben", sagte sie, "schauen Sie sich im Spiegel an!"
Ich betrachtete mich gründlich im Spiegel und erschrak:

- Was sind das für Falten
  um meine Augen? Wie ist
  mein Rücken so krumm geworden?

Wie bin ich schmächtig und blaß?
Habe ich in den ganzen Jahren etwa meinen
Körper
vergessen? Oder hat etwa
der Teufel, von mir unbemerkt,
den Preis erhalten?

Entsetzt befühlte ich die schrecklichen Gesichtsfalten, die mir wie eine Bescheinigung über den ewigen Verlust der Lebensblüte vorkamen. Unwillkürlich schrie ich auf:

– Die Jugend! Die Jugend! Er hat mir die Jugend genommen!"

STUDIO CRITICO SU «LA LOCANDIERA» (DI CARLO GOLDONI)

Dr. SALAMA MOHAMED SOLIMAN

"La Locandiera" fu una delle commedie più apprezzate, soprattutto dalla critica del XIX e XX secolo, perchè in essa con= fluiscono la grazia caratteristica del Settecento ed il senso della misura del miglior Goldoni ed essi si esplicano in un "episodio umano, drammatico, universale nella rappresentazione del capriccio e del= la vendetta femminile, dell'amore e della follia nel loro svolgersi psicologico." 1)

La prefazione che il Goldoni fa prece= dere alla commedia è un esempio del con= sueto cedimento, in sede di poetica, alle programmatiche preoccupazioni moralistiche dell'epoca. Ed infatti l'autore, nella dedica al senatore Giulio Ruccellai, scris= se che la commedia era la "più morale, uti= le ed istruttiva tra quelle composte" e questo"non si vedeva tanto nella figura di Mirandolina, quanto in quella del Ca= valiere di Ripafratta, esempio vivissimo della presunzione avvilita." 2)
Tuttavia il Cavaliere appare, nonostante il ridicolo di cui si copre con il suo scetticismo di prima e la sua "debolezza"

di dopo, uno dei pochi veri innamorati del Goldoni (cfr. Attilio Momigliano). Quello intimo, graduale sciogliersi della brusca durezza iniziale, fa di questo innamoramento non soltanto un fatto divertente (e questo si vede soprattutto nel contrappunto con gli altri due nobili innamorati), ma anche, per quell'incoerenza psicologica e verbale che immediatamente ne deriva, ci fa scorgere il carattere preromantico del Cavaliere (cfr. Baratto).
Il Goldoni voleva con la sua commedia, mettere in guardia gli uomini contro le seduzioni di "qualche barbara locandiera", ma al contrario, Mirandolina riscuote tutte le nostre simpatie per quel suo sano, allegro desiderio di essere servita, vagheggiata, adorata, per niente offuscato da corruzioni e deformità morali.
Ella è d'altronde un personaggio cresciuto e maturato lentamente nella fantasia dell'autore. Qualche sua caratteristica si può notare dalla Rosaura della "Donna di garbo" alla Corallina della "Serva amorosa". Ma, sebbene sia stato molte volte affermato che ella abbia avuto il suo modello vivente nella "servetta" Marliani e che "La Locandiera" potrebbe

essere intesa quasi come un'autobiografia del Goldoni il quale si identificherebbe con il Cavaliere di Ripafratta (e questo sarebbe anche convalidato dall'affermazione dell'autore che dice:"Di quante scene mi hanno provveduto le mie vicende medesime!") la figura di Mirandolina trova delle più profonde significazioni. Infatti il suo rango sociale scelto non a caso, serve al riscatto artistico del ruolo della "servetta" e c'è nel personaggio il sublimarsi del mito settecentesco della donna, a cui contribuivano ragioni storiche ed autobiografiche. Dice il Folena:" Con Mirandolina siamo ormai lontani dalla Commedia dell'Arte: abbiamo dinanzi un personaggio originale, perchè essa è una donna "vera", una donna del suo tempo, anche nelle sue ambiguità e contraddizioni." 3)

Piuttosto, "le possibili maschere di un nuovo teatro popolare si profilano sullo sfondo della classe aristocratica" 4) in quella fissazione galante che si esplica nella continua contrapposizione dei due nobili. Però appunto si tratta di un nuovo tipo di maschere ed infatti questa contrapposizione ha un particolare carattere di vivezza ed attualità per l'epoca

storica in cui s'inquadra.

Il contrasto tra la vecchia nobiltà po= vera (Marchese) e la recente nobiltà del denaro (Conte) è per Dino Satolli "l'in= terpretazione di una nuova realtà stori= ca che vede la crisi di un mondo e l'af= fermarsi di un altro". Ma con occhio cri= tico troppo unilaterale, il Satolli vede il Marchese non nella sua ridicola, irre= sistibile comicità di vile, che ne fa la caricatura più vistosa della commedia, ma soltanto nella sua dignità di grande feu= datario che, considerando ancora attuale il linguaggio di un'epoca ormai superata, continua ad offrire la sua "protezione", ritenendola il massimo che può dare. D'altra parte anche il Conte non viene esaminato nel suo aspetto di allegro e ge= neroso burlone, a volte grossolano e vio- lento, ma di "complessato" per la"nobiltà recente" ottenuta comprando una contea. Il contrasto tra il Conte ed il Marchese viene perciò giudicato l'episodio-chiave della commedia. Ma, anche se è evidente che il Goldoni raffigura polemicamente i due rivali come rappresentanti della classe nobile, non è da dimenticare che nelle sue commedie i personaggi si costrui scono l'un l'altro ed ogni elemento, anche

un piccolo fatto, è un necessario dettaglio attraverso cui viene superato lo schematismo delle maschere e la tipicità astratta della Commedia dell'Arte (cfr.Apollonio) In questa prospettiva sono anche da inquadrare le figure delle due comiche che, anche se nacquero dalla volontà di non escludere dalla commedia due attrici (e ciò si lega alla necessità che il Goldoni ebbe sempre di "costruire" personaggi adatti alla Compagnia che li doveva rappresentare) non devono essere accolte come immagini "sbiadite" che si presentano in scene volgarucce (cfr. Petronio), o come personaggi utili soltanto per una satira di costume del Settecento, ma che rallentano la violenza del dramma (cfr. Ortolani), ma come l'aggiunta di una "nota di colore curiosa" (cfr. Simoni) e come figure che "servono di sfondo, con la loro ingenua virtuosità di mestieranti alla virtù autentica di Mirandolina". 5) Per cui, anche gli oggetti acquistano un'insolita lucentezza scenica (per esempio la biancheria candida, il vino di Borgogna, il ferro da stiro, la boccetta d'oro con lo spirito di melissa) in un gioco d'interdipendenze tra ambiente, gesti e battute.

L'ambientazione della commedia a Firenze è stata diversamente interpretata dai vari critici. Per il Momigliano "Goldoni ha preferito Firenze perchè trattandosi di nobili che venivano esposti al ridicolo ed ai commenti del pubblico, era meglio trasportarli in un ambiente non veneziano perchè i sospetti di allusioni personali potessero cadere o forse anche in omaggio ad un tipo popolaresco di donna accorta e scaltra, piena di brio che egli si era formato di preferenza nei suoi incontri toscani".6) Continuando in questa seconda direzione, il Salvini ha visto in Mirandolina "la natural rudezza, vestita di belle e scelte parole... delle donne toscane, intelligenti e loquaci, ma calcolatrici ed autoritarie" ed in Fabrizio il bel ragazzo, forte, robusto, rozzo, ma con quel cervello fine, caratteristico di quella disposizione al calcolo ed al tornaconto che, secondo il Goldoni, è propria dei Toscani. 7) Da ciò il Salvini ne ha dedotto che "La Locandiera" è una commedia di carattere. Il Simoni però nota giustamente che "nel Settecento, commedia di carattere, non significava sempre riproduzione di tratti e segni psicologici regionali e Mirandolina

più che in Toscana è nata sul palcoscenico" in lei "bisogna vedere molto più di una semplice donna toscana, ma quasi l'essenza della femminilità, una donna furbescamente e leziosamente settecentesca, che aspira ad un trionfo di classe e non personale con frivola, mordace, deliziosa perfidia." 8) D'altronde è da notare anche il fatto che mentre la prima volta che fu recitata la commedia, Fabrizio, il cameriere della locanda, parlava in veneziano, più tardi Goldoni preferirà farlo parlare in toscano. La giustificazione dell'autore a questo cambiamento è data nella prefazione: "non è giusto -egli dice- introdurre senza necessità, in una commedia un linguaggio straniero." 9) Ed il Simoni nota che questo mutamento giova alla commedia "dato che i moralisti d'Oltralpe, spesso criticarono il fatto che Mirandolina, dopo aver amoreggiato con gente tanto raffinata, si sposa giusto con un servo. L'accorgimento invece, attenua questo piccolo cinismo della conclusione." 10)

Un altro elemento spesso oggetto di discussione è l'uso del monologo ed, a questo proposito, il Petronio fa notare che la critica, giusta per il palcoscenico in

quanto impedisce che tutto si manifesti di= rettamente dall'azione, è invece utile al lettore, al quale "le pagine di confessione riescono vivissime ed originali." 11)
Ed anche per il Binni esse sono essenziali "ad un personaggio la cui azione è dettata da istinto e calcolo, natura e ragione." 12)

Altro problema è rappresentato dal fat= to che questa commedia è stata spesso rap= presentata come un esempio di "gioco sceni= co" (cfr. Edmondo Rho e Silvio D'Amico). Seguendo questo punto di vista però, si sa= rebbe facilmente portati a negare il reali= smo goldoniano ed invece non bisogna dimen= ticare che il teatro goldoniano "si pone come una presenza costante nella correzione ad una vita nudamente realistica, è l'aggiun ta di un peso critico sulle misure immedia= tamente reperibili e cronachisticamente ma= nifestanti." 13) E d'altronde, i moltissimi particolari di cui è piena ogni scena, sono tutti indispensabili perchè l'azione, me= diante ognuno di essi, faccia un passo avan ti. Dice il Petronio: "Goldoni, per il suo sguardo attento alla situazione sociale de= gli uomini, le cui condizioni, anche quel= le che sembrano più insignificanti, sono per lui dettagli importanti, che ce le fan=

no apparire come verità sconosciute prima, ha potuto superare lo schematismo delle maschere, la tipicità astratta della commedia classica e creare la commedia borghese e realistica." 14)

"La Locandiera" vive attraverso il dialogo: la battuta chiama la battuta, cosicchè la parola "non è solo la definizione di uno stato o di un fatto, ma è anche uno stato ed un fatto in sè, nel quale momentaneamente il personaggio tende ad esaurirsi" 15). Ed in questa maniera, secondo il Baratto, trasponendo continuamente elementi psicologici in valori verbali, Goldoni colpisce un carattere nazionale:la retorica.

Comunque l'opera si caratterizza per la spontaneità con cui i personaggi, fin dalla prima frase, balzano sulla scena (:"Fra voi e me vi è qualche differenza" 16) dice il Marchese al Conte), di modo che subito si stabiliscono le relazioni tra i vari personaggi, perchè il Goldoni li ha già tutti in mente.

L'ambientazione nella locanda si adatta mirabilmente al contorno di forestieri ed alla comica avventura. Essa restringe il campo dell'azione scenica ed esprime direttamente il personaggio di Mirandolina che

"recitando la parte della locandiera che si rivolge al cliente, nasconde quella del= la donna che si rivolge all'uomo." 17) Perciò la malizia del gioco intrapreso nei confronti del Cavaliere viene sempre coper= ta dalla verità della sua posizione sociale con più raffinata finzione. Mirandolina riesce sempre con abilità ed astuzia a fare sempre a proprio modo: profonda conoscitri= ce della psicologia maschile, sa assumere con ciascuno dei quattro uomini l'atteggia= mento più adatto, ottenendo nello stesso tempo di soddisfare la sua vanità di donna ed il suo tornaconto di ostessa.

La trama, molto semplice, tratta dello innamoramento di un misogino. Il Conte ed il Marchese, innamorati della bella locan= diera, fanno a gara nell'offrirle regali e "protezione", sfoggiando la propria galan= teria anche con le due comiche per caso ca= pitate nella locanda, sotto mentite spoglie. La mobilità e la varietà delle scene fa sì che il contrasto tra loro appaia sempre co= me nuovo stimolo alla comicità. I due nobi= li traggono risalto reciproco dalla loro vi= cinanza e soprattutto il Marchese con quel suo persistere ad offrire una protezione che Mirandolina lucidamente definisce "ri=

dicola" e senza alcun valore, in ogni suo gesto si carica di sempre maggiore comici= tà.

Il Cavaliere invece, nemico dichiarato delle donne, professa categoricamente il suo odio verso di esse e, vero esempio di virtù forte finchè non è cimentata, attra= verso le parole cerca continuamente di giu= stificare il proprio comportamento in un vano tentativo di negare la realtà e di so= stituirle astratte affermazioni. Cosicchè la sua personalità, volta a volta, si colo= risce di toni ridicoli e patetici, mentre, senza saperlo, egli si serve della stessa arma (la parola) dell'astuta locandiera che, proprio attraverso essa, riesce a con= quistarlo fino a ridurlo a confessare aper= tamente la sua passione. In questo modo Mi= randolina può trionfare dinanzi agli altri e nello stesso tempo, può costringere il Cavaliere a smentire quella filosofia pre= caria e tutta verbale che lo faceva parla= re con odio delle donne.

La durezza del misogino viene già ad affievolirsi dalla scena XV del I Atto, quando Mirandolina lo va a trovare nella sua stanza. Egli prima deve confessare a se stesso:"Non si può affermare che costei

non sia una donna obbligante" 18) e poi, piano piano, quando furbescamente la bella locandiera lo adula per la sua avversione nei confronti delle donne, la incita a ri= manere a tenergli compagnia, lodandola per la sua sincerità e per la sua "buona manie= ra". Sempre più turbato, si insospettisce quando Mirandolina vuole stringergli la ma= no e comincia a preoccuparsi per quel che di "stravagante" e di "estraordinario" che lo affascina in lei.

Nella I scena del II Atto, il Cavaliere dice:"Costei incanta tutti, sarebbe da ride= re che incantasse anche me!" 19) e, come via d'uscita, risolve di partire per Livorno. Questa decisione si rafforza sempre più quan do (scena IV) Mirandolina lo va a trovare nuovamente portando un "intingoletto" fatto con le sue mani, finezza che "se lo sapesse= ro il signor Conte ed il signor Marchese!.." 20) Allora il Cavaliere fa le sue prime di= chiarazioni più esplicite:" Voi siete una garbata giovine... La prima donna di questo mondo, con cui ho avuto la sofferenza di trattar con piacere... Ho paura che voi mi vogliate far perdere la mia quiete." 21)

L'incontro con le due comiche non fa che maggiormente convincerlo della virtù di Mi= randolina ed egli confessa:" Ella mi ha vin=

to con tanta civiltà che mi trovo obbligato quasi ad amarla." 22) La partenza è decisa, ma ormai "l'ex misogino" non può sottrarsi più alla sua passione. Mirandolina, portandogli il conto, fa finta di piangere e di svenire per amor suo ed egli, preso dalla tenerezza, le va attorno premuroso, cercando di farla rinvenire. S'inginocchia ai suoi piedi, facendosi trovare in questo atteggiamento dal Conte e dal Marchese che, finalmente, possono prendersi la loro rivincita.

Nel III Atto, quello che ormai ha preso l'aspetto di un patetico melodramma, volge alla conclusione: il Cavaliere oramài vinto, deve ammettere la sconfitta:"Vi stimo, vi amo e vi domando pietà." 23) egli dice. La sua passione diviene sempre più patetica e ridicola: egli viene deriso da tutti, da Mirandolina, dal Marchese e dal Conte e sempre più impazzisce, costretto a riconoscersi innamorato.

A questo pünto, quella dignità tutta costruita di parole del Marchese si rivela comicamente nella sua meschinità e nella sua consistenza puramente verbale, quando la vigliaccheria lo fa ritrarre dalla contesa sorta tra il Conte ed il Cavaliere che non vuole riconoscersi innamo=

rato. Così risponde infatti quando si chie= de il suo parere:"Amico, io non so niente... Io non parlo... Ma io non me ne voglio impic ciare..." per concludere:"Io sono amico di tutti." 24) Quella mezza lama che il Cava= liere cava dal fodero del Marchese simboleg= gia assai bene la pochezza morale di cui po= lemicamente il Goldoni accusa la classe del= la nobiltà. Ed anche se il Sanesi parla di questa scena come di un discendere nella farsa, si tratta di un comico intermezzo, necessario per rompere la tensione stabili= tasi.

Allora però Mirandolina comincia ad a= ver paura, si sente debole:"Oh meschina me! Sono nel brutto impegno!... ora principio quasi a pentirmi di quel che ho fatto. E' vero che mi sono assai divertita nel farmi correre dietro a tal segno un superbo, un disprezzator delle donne; ma ora che il sa= tiro è sulle furie, vedo in pericolo la mia riputazione e la mia vita medesima. Qui mi convien risolvere qualche cosa di grande. Sono sola, non ho nessuno dal cuo= re che mi difenda. Non ci sarebbe altri che quel buon uomo di Fabrizio, che in un tal caso mi potesse giovare. Gli promette= rò di sposarlo... Ma... prometti, prometti,

si stancherà di credermi... Sarebbe quasi meglio che io lo sposassi davvero. Finalmen= te con un tal matrimonio posso sperar di mettere al coperto il mio interesse e la mia riputazione, senza pregiudicare alla mia libertà." 25)

Così il più discreto innamorato, Fabri= zio, ottiene la mano di Mirandolina che, per altro, nello scegliere lui, non ha lasciato parlare esclusivamente il cuore e la volontà di mantenere la promessa data al padre, ma ha fatto soprattutto decidere il buon senso di donna che sa il fatto suo e che sa com= prendere il suo interesse quando si trova dinanzi a delle scelte.

Tuttavia, argutamente, con un soprappiù di raffinata perfidia, ella si rivolge così ai due nobili che sostengono che il Cavalie= re sia innamorato di lei:"Il signor Cavalie= re innamorato di me? Egli lo nega, e negan= dolo in presenza mia, mi mortifica, mi avvi= lisce, e mi fa conoscere la sua costanza e la mia debolezza. Confesso il vero, che se riuscito mi fosse d'innamorarlo, avrei cre= duto di fare la maggior prodezza del mondo. Un uomo che non può vedere le donne, che le disprezza, che le ha in mal concetto, non si può sperare d'innamorarlo. Signori miei,

io sono una donna schietta e sincera: quando devo dir, dico, e non posso celare la verità. Ho tentato d'innamorare il signor Cavaliere, ma non ho fatto niente... Signori, il più certo segno di amore è quello della gelosia, e chi non sente gelosia, certamente non ama. Se il signor Cavaliere mi amasse non potrebbe soffrire ch'io fossi d'un altro ma egli lo soffrirà, e vedranno..." 26)

Ma Mirandolina, nonostante le apparenze civettuole ed il sostanziale spirito pratico è fondamentalmente onesta e non è donna che passi insensibile di fronte alle conseguenze del suo gioco (cfr. Folena) e perciò così obietta ai due nobili che vogliono continuare a corteggiarla:"Signori miei, ora che mi marito, non voglio protettori, non voglio spasimanti, non voglio regali. Sinora mi sono divertita, e ho fatto male, e mi sono arrischiata troppo, e non lo voglio fare mai più." 27)

Termina così la commedia con la partenza dei due nobili e del Cavaliere ed il matrimonio della locandiera con il fedele Fabrizio, lasciandoci, nonostante alcuni cedimenti e sovrabbondanze dettate soprattutto dal desiderio dell'autore di farne un esempio morale, un'immagine schietta e viva di don=

na nei suoi rapporti con la società.

Con "La Locandiera" in fondo si attua quella perfetta rispondenza tra caratteri ed ambiente che, accompagnata da un tono sempre equilibrato tra canzonatorio e drammatico, scherzoso e passionale, crea un'armonia che rispetta perfino l'unità di tempo, nonostante il fatto che il Goldoni faccia nascere e morire con tanta logica, tanti sentimenti nel Cavaliere (cfr. Momigliano e D'Amico).

NOTE

1) Ortolani G. - Prefazione alla "Locandiera",Milano, Mondadori,1950.

2) Goldoni C. - Prefazione alla "Locandiera" in Ortolani, op. cit.

3) Folena G. - L'esperienza linguistica di C. G. in "Lettere italiane, X (1958), pgg. 21-54"

4) Baratto M. - Mondo e teatro nella poetica di C. G. in "Tre studi sul teatro", Venezia, Pozza, 1964, pag. 242.

5) D'Amico S. - Palcoscenico del dopoguerra (1945-52), Torino, E.R.I., 1953 II vol., pag. 328.

6) Momigliano A. - Studi goldoniani a cura di V. Branca - Venezia-Roma, Ist. per la collab. cult., 1959, pag.239.

7) Salvini G. - Interpretazione della Locandiera, Scenario, 1932.

8) Simoni R. - Trent'anni di critica dramma=

tica, vol. III, Torino, ILTE, 1955, pgg. 513-14.

9) Goldoni C. - Prefazione alla Locandiera, op. cit.

10) Simoni R. - op. cit.

11) Petronio G. - Goldoni, Palermo, Palumbo, 1967, pag. 138.

12) Binni W. - Carlo Goldoni, Milano, Garzanti, 1968, pag.781.

13) Rebora R. - La Locandiera... a Venezia, in "Sipario", VII (1952), pgg. 11-12.

14) Petronio G. - op. cit.

15) Baratto M. - op. cit.

16) Goldoni C. - La Locandiera in "C. G." di A. Momigliano, Torino, Loescher 1964, pag. 298.

17) Baratto M. - op. cit.

18) Goldoni C. - op. cit. pag.310.

19) " " - op. cit., pag.324.

20) " " - op. cit., pag. 325, 327.

21) " " - op. cit., pag. 328.

22) " " - op. cit., pag. 339.

23) " " - op. cit., pag. 348.

24) " " - op. cit., pagg. 358-59.

25) " " - op. cit., pag. 355.

26) " " - op. cit., pagg. 360-61.

27) " " - op. cit., pag. 362.

BIBLIOGRAFIA

APOLLONIO M. - La cultura fra le quinte - "Il Dramma", 1953.

APOLLONIO M. - L'opera di Carlo Goldoni - Milano, Athena, 1932.

BARATTO M. - Mondo e teatro nella poetica di Carlo Goldoni in "Tre studi sul teatro"- Venezia, Pozza, 1964.

BINNI W. - Carlo Goldoni - Milano, Garzanti, 1968.

D'AMICO S. - Palcoscenico del dopoguerra (1945-52), vol. II - Torino, E.R.I., 1953.

D'AMICO S. - Mirandolina trasfigurazione del= la servetta - "Teatro-Scenario", XVII (1953), I.

D'AMICO S. - Interpretazione di Carlo Goldoni "Scenario", 1934.

FOLENA G. - L'esperienza linguistica del Gol= doni - "Lettere italiane", 1958.

FOLENA G. - Il linguaggio del Goldoni: dall'improvviso al concertato - "Paragone", 1957.

FOLENA G. - Un superdialetto teatrale: Gol= doni - "Letteratura e dialetto", Bologna, 1975.

MOMIGLIANO A. - Studi goldoniani a cura di V. Branca - Venezia-Roma, Ist. per la collaborazione culturale, 1959.

MOMIGLIANO A. - Civiltà veneziana (Saggi5) in "I limiti dell'arte goldo= niana" in "Scritti in onore di Rodolfo Renier"- Torino, 1912.

MOMIGLIANO A. - Carlo Goldoni - Torino, Loe= scher, 1964.

ORTOLANI G. - La Locandiera (Prefazione) - Milano, Mondadori, 1950.

ORTOLANI G. - I duecent'anni di Mirandolina - "La Biennale di Venezia", 1952,8.

PETRONIO G. - Goldoni - Palermo, Palumbo, 1967

REBORA R. - "La Locandiera"... a Venezia - "Sipario", VII,(1952), 79.

REBORA R. - Contro la convenzione, la "Lo= candiera" di Visconti - "Sipario", VIII (1953), 84.

RHO E. - La missione teatrale di Carlo Gol= doni - Bari, Laterza, 1936.

RHO E. - Carlo Goldoni in "Letteratura ita= liana", i Maggiori, II - Milano, Mar= zorati, 1956.

SALVINI G.- PITOEFF G. - Interpretazione del= la Locandiera - "Scenario",I (1932), I.

SANESI I. - La Commedia - Milano, Vallardi, 1954.

SANESI I. - La Locandiera (Prefazione e note)- Milano, Paravia, 1924.

SATOLLI DINO - L'avvocato Goldoni - "L'Osser= vatore romano", I/V/1952.

SIMONI R. - Trent'anni di cronaca drammatica, vol. I (1911-23) - Torino, S.E.T.,

1951.

SIMONI R. - Trent'anni di cronaca drammati= ca, vol. III (1927-32) - Torino, I.L.T.E., 1955.

SIMONI R. - La Locandiera - "Corriere della sera", 23/III/1932.

FERDINAND RAIMUND UND «1001 NACHT» [1]

Von

Dr. BAHER M. EL-GOHARY

Der Dichter-Schauspieler Ferdinand Raimund (1790 - 1836) , der sein Leben vorerst als "Numero" im Burgtheater führte , und durch das Theaterleben in Bann gehalten wurde , konnte dem Drang dazu nicht widerstehen , sich von seinem Beruf loszulassen und den Weg zur Bühne zu gehen . Der Drang zu dem Bühnenleben wurde von der strebsamen Sehnsucht nach dem Phantastischen und Märchenhaften begleitet . Die Zauberwelt des Märchens verhalf ihm, seinen Gedanken Ausdruck zu verleihen und sie aus der Phantasie in die Wirklichkeit der Bühne umzusetzen .

Er griff nach den Märchen und Sagen des Orients. Seine Quellen und Anreger fand er vor allem in der

arabischen Märchensammlung " 1001 Nacht " und in den orientalischen Werken Wielands [2].
Schon seine erste Arbeit " der Barometermacher auf der Zauberinsel " stützt sich auf das Märchen " Die Prinzessin mit der langen Nase " :

> " Im Jahre 1823 machte ich als Autor den ersten Versuch mit der Bearbeitung des Märchens : " Die Prinzessin mit der langen Nase", ich nannte es : " Der Barometermacher auf der Zauberinsel " ,

schrieb Raimund in seiner Selbstbiographie [3].
Dieses Märchen , das Wieland ohne Nennung des eigentlichen Verfassers in seine Märchensammlung " Dschinnistan " (III. Band) aufnahm , hatte Friedrich Hildebrand Freiherr von Einsiedel geschrieben . Einsiedel benutzte als Vorlage dafür die " Histoire du Prince Tangut et de la Princesse du pied de nez" (Cabinet des fées 12 , 466 - 496) aus dem Roman " Les Aventures d'Abdallah " (1713) [4]. Dieses französische Werk , das wiederum das orientalische

Milieu nachmalt , soll auf das Augusburger Volksbuch von Fortunat zurückgehen . Dasselbe Märchen nahm Emanuel Schikaneder für sein Zauberspiel " Der wohltätige Derwisch " (1792) auf .

Das zweite dramatische Werk Raimunds " Der Diamant des Geisterkönigs " ist eine direkte Rezeption aus der arabischen Märchensammlung " 1001 Nacht", wie er selbst in seiner Autobiographie sagt [5]. Den Stoff entnahm er dem Märchen " Der Prinz Sain Alasnam und der König der Geister " , das die 282. - 286. Nacht erfüllt .
Im folgenden wird eine kurze Inhaltsangabe des arabischen Märchens geführt :

Dem König von Basra wurde im hohen Alter ein Sohn geboren , der Sain Alasnam , d.h. Zierde der Standbilder , genannt wurde . Die Sterndeuter prophezeiten ihm , er werde lang leben , aber viele Widerwärtigkeiten durchzumachen haben . Der König starb , bevor er die Erziehung seines Sohnes

vollenden konnte . Der junge König vergeudete die Schätze des Reiches und verfiel in Schwermut und Bedrängnis . Da erschien ihm im Traum ein ehrwürdiger Greis , der ihm gebot , sich nach Kahira in Ägypten zu begeben , dort erwarte ihn ein hohes Glück . Nach vielen Beschwerden kam er in Kahira an . Auf den Stufen einer Moschee legte er sich aus Müdigkeit nieder und schlief ein . Derselbe Greis erschien ihm wieder . Sain Alasnam solle nach Basra zurückkehren , dort werde er im Kabinett seines Vaters unermeßliche Schätze finden . Er habe ihn nach Kahira nur deshalb geschickt , um seinen Gehorsam zu prüfen . Nachdem Sain den Boden des Vaters Kabinetts aufgerissen hatte , fand er neun Sockel von gediegenem Gold . Acht von ihnen trugen Standbilder , die aus großen glänzenden Diamanten geschnitten waren . Auf dem neunten Postament lag nur ein Brief seines Vaters . Er erklärte dem Sohn, das neunte fehlende Standbild sei noch tausendmal wertvoller als die übrigen . Um es aber zu erlangen,

müsse er mit Hilfe seines in Kahira lebenden Sklaven Mobarek den gefahrvollen Weg zum Geisterkönig antreten . Mobarek führte Sain zur Insel der Geister. Dort beschwörte er ihn . Unter Donner und Blitz erschien der Geisterkönig . Sain Alasnam bat ihn um die rosenrote diamantene Statue . Er versprach sie ihm unter der Bedingung : Er müsse ihm ein schönes junges Mädchen bringen , das niemals weder einen Mann erkannt habe ,noch den Wunsch gehabt habe , einen zu erkennen . Ein Zauberspiegel hilft ihm auf seiner Suche ; er trübt sich , wenn das Mädchen nicht völlig keusch ist . Mobarek und Sain Alasnam kehrten nach Kahira zurück . Kein Mädchen bestand die Probe des Spiegels . Sie reisten dann nach Bagdad . Es traf sich aber , daß in einer Moschee ein neidischer Imam war , der jedem Menschen sein Glück mißgönnte . Da Sain Alasnam in Überfluß und Reichtum lebte , war für ihn hinlängliche Ursache zum Haß gegen ihn . Nach dem Abendgebet sprach er zu dem in der Moschee versammelten Volk :

" O meine Brüder , in unserem Stadtviertel wohnt ein fremder Mann , vielleicht habt ihr schon von ihm gehört und auch von der Verschwendung , die er treibt . Ich vermute , daß er ein Dieb aus der Fremde ist und er gekommen ist , um hier auszugeben , was er in seinem Lande gestohlen hatte " . Darauf begann er , eine Beschwerde an den Kalifen gegen den Prinzen Sain Alasnam zu verfassen . Mobarek war aber in der Moschee beim Gebet und er hörte die Verleumdung des Imams . Er holte hundert Golddinare und wickelte sie in ein Bündel von Stoffen . Das nahm er und begab sich eilends zum Hause des Imams . Am nächsten Morgen sprach er zu den Leuten : " Ich habe mich näher um den Fremdling erkundigt und kann auch mit Gewißheit versichern , daß dieser vortreffliche Mann ein Muster aller Tugenden ist . Hütet euch darum , dem Kalifen etwa falsche Nachrichten über ihn zu hinterbringen . "

Sain Alasnam erzählt dem Imam , daß er für sich eine Braut suche . Darauf sagte der Imam , er kenne ein

tugendhaftes Mädchen , dessen Vater ein ehemaliger Wesir beim Kalifen gewesen sei . Bei der Probe blieb der Spiegel rein . Sein Versprechen zum Geisterkönig reute ihn , da er Liebe zu dem Mädchen faßte . Dennoch brachte er es auf die Geisterinsel . Der Geisterkönig war mit Sain sehr zufrieden . Er hieß ihn , in seine Heimat zurückzukehren , dort werde er das neunte Standbild finden . Er reiste zurück , betrat das väterliche Kabinett und fand dort zu seinem Staunen auf dem neunten Sockel das Mädchen , das er dem Geisterkönig ausgeliefert hatte . Er wurde sehr glücklich : " Wie kostbar auch ein diamantenes Standbild sei , kann es die Wonne aufwiegen , Euch zu besitzen . Ich liebe Euch mehr als alle Diamanten und alle Reichtümer der Welt . "
Es donnerte und blitzte . Da erschien der Geisterkönig , Er erklärte , daß er ihn nur habe prüfen wollen . Sain habe untadelige Zurückhaltung bewiesen . Er wünschte ihm und seiner Braut glückliches Leben .

In seinem dramatischen Werk behielt Ferdinand Raimund alle Hauptzüge des Originals . An dem Stoff aus " 1001 Nacht " änderte er nur das , was für das Theater und die dramatische Bearbeitung nicht geeignet war , z.B. sieben Statuen anstatt neun im Original . Außerdem änderte er das Milieu des Märchens von dem vollkommen Orientalischen zu dem Wienerisch-Heimischen , um dem Publikum entgegenzukommen :

Zephises , Taschenspieler und Magier wurde vom Blitz erschlagen . Sein Gönner und Freund der Geisterkönig , der den Wiener Magier während seiner Studienjahre in Ägypten kennengelernt hatte , nahm ihn in die Welt der Geister auf . Zephises , der verborgene Schätze besaß , konnte wegen seines plötzlichen Todes seinem Sohn Eduard kein Testament hinterlassen , um ihm den Weg zu dem Reichtümern zu zeigen und ihm vor Armut und Hunger zu retten . Er bittet nun den Geisterkönig darum , einen seiner Geister

zu senden ,damit er Eduard die Geheimnisse des Kabinetts enthüllt , in dem die sieben Sockel mit den sechs Statuen stehen . Überdies möge der Geisterkönig Eruard erlauben , in das Geisterreich zu kommen , um ihn persönlich darum anzuflehen , den Besitz des fehlenden rosenroten diamantenen Standbildes zu gewähren . Der Geisterlönig ist damit einverstanden . Eduard habe aber viele Gefahren zu bestehen . Ferner müsse er einen hohen Berg im Zaubergarten besteigen und einen Zweig von dem singenden Baum holen , der am Gipfel des Berges steht . Auf dem Weg zum Gipfel müsse er noch Mut und Zielbewußtheit zeigen . Er werde erschreckenden Geschöpfen begegnen und angsteinflössende Stimmen hören . Wenn er darauf achte und sich umwende , werde er auf der Stelle zu einem Tier oder Stein verwandeln .

Der Geisterkönig schickt die Hoffnung zu Eduard , die ihm das Geheimnis seines verstorbenen Vaters zeigt und ihm einen goldenen Schlüssel gibt .

Damit öffnet er die Wand , die sich in die Höhe schwebt . Vor ihm stehen sechs kostbare diamantene Statuen . Auf dem siebenten Postament findet er eine Pergamentenrolle , die ihm sein Vater hinterließ . Die siebente Statue , die von rosenrotem Diamant und der größte Schatz sei , könne er nur dann besitzen , wenn er sich auf die gefahrenreiche Reise zum Geisterkönig mache und ihn darum bitte . Geführt von dem guten Genius Kolibri beginnt er die Reise . Sein ehrlicher , treuer Diener Florian , der sich von seiner Geliebten , der Köchin Mariandel, trennen muß , begleitet ihn . Sie gelangen zum Zaubergarten . Eduard kann den Berg besteigen , ohne auf die erschreckenden Gestalten zu achten . Er holt einen Zweig von dem singenden Baum . Florian will auch ihm folgen . Er besteht viele Hindernisse ; aber als ihm seine Geliebte Mariandel vorgetäuscht wird , sieht er sich um . Im nächsten Augenblick verwandelt er sich zu einem Pudel , dem Sinnbild der Treue .

Nun darf Eduard dem Geisterkönig treffen . Die erste Bitte , die er an ihn wendet , ist , Florian die Menschengestalt wiederzuschenken . Der Geisterkönig gewährt ihm diese Bitte . Darauf bittet ihm Edaurd um den Besitz der siebenten Statue . " Du sollst die diamantene Statue haben , - aber du mußt mir dafür ein Mädchen aufsuchen , welches in ihrem achtzehnten Lebensjahr ist und noch in ihrem Leben keine Lüge über ihre Lippen gebracht hat " , sagt der Geisterkönig . Wenn er sie aber gefunden habe solle er sie ihm augenblicklich bringen . Eine Verzögerung ihrer Übergabe werde ihm das Leben kosten . Wenn Eduard ein Mädchen prüfen will , so soll er ihre Hand ergreifen , hat sie schon einmal gelogen , so wird Florian im ganzen Körper entsetzliche Schmerzen empfinden . Wenn er aber eine findet , die noch nie gelogen hat , so wird Florian ein außerordentliches Wohlbehagen empfinden .

Kolibri führt sie im Luftballon zu einer entlegenen Insel , die sich selbst als das Land der Wahrhaftigkeit preist . Aladin , der Aufseher des Palastes des Herrschers führt sie hinein . Eduard meldet sich als Prinz aus dem Land der Aufrichtigkeit , der dorthin gekommen ist , um sich eine Braut zu suchen Der Herrscher der Insel , Varitatus hat eine Tochter namens Modestina .Vor dem Treffen mit Varitatus prüft Eduard einige Mädchen der " Insel der Sittsamkeit " . Keines besteht die Probe . Eduard muß nun erleben , daß dies nicht die Insel der Sittsamkeit und Wahrhaftigkeit ist , sondern daß es ein Land der Lüge , Ungerechtigkeit und Scheinmoral ist. An diesem Tag hält Varitatus Gericht ab , um ein fremdes Mädchen , Amine , zu verurteilen , weil sie die Scheinheiligkeit und die Verdorbenheit der Inselbewohner kritisiert . Zum komischen Schmerz Florians besteht die Tochter des Herrschers die Prüfung nicht . Im Gegenteil erfaßt ihn ein unsagbares Wohlgefühl , als Eduard die Hand Amines

ergreift . Alle besteigen den Luftballon und machen sich auf die Reise zur Geisterinsel . Eduard und Amine erfaßt eine heftige Liebe zueinander . Er gerät in tiefe Gewissenskonflikte . Er gesteht ihr die Wahrheit . Dennoch hält er sein Versprechen und übergibt sie dem Geisterkönig . Vergeblich bittet ihn Eduard , ihm Amine anstatt der diamantenen Statue zu schenken . Er lehnt ab und heißt ihn, in seine Heimat zurückzukehren . Dort werde er das versprochene Standbild finden . Zur großen Freude Eduards findet er anstatt der diamantenen Statue seine Geliebte Amine , die ihm tausendmal mehr wert ist als alle Schätze der Erde .

In Raimunds Werk tritt man nicht in den Hof eines Königs und seines Sohnes wie in "1001 Nacht" ein , sondern die Welt eines bürgerlichen Magiers wird vorgeführt , dessen plötzlicher Tod Armut und Elend verursacht . Jedoch behielt der österreichische Dichter-Schauspieler die dreiteilige Handlung des Originals [6] :

Das Auffinden der Reichtümer und Schätze , die Reise zum Geisterkönig und die Suche nach dem Mädchen . Die dreiteilige Handlung spielt wiederum in drei Welten :

1. In der Menschenwelt : mit Zephises , seinem Sohn Eduard , Florian und Mariandel ;
   im Original : König von Basra mit seinem Sohn Sain Alasnam und seinem Sklaven Mobarek . Die Rolle des Sklaven Mobarek tragen bei Raimund zwei Figuren . Die erste Figur ist die des treuen Dieners , die Florian übernimmt , die Rolle des in den Zauberkünsten sachkundigen Mobarek spielt der Genius Kolibri aus der Geisterwelt .
2. Der Welt der Geister mit ihrem König . Raimund fügt noch eine Szene an , nämlich die des Zaubergartens und des Besteigens des Berges . Pirsching nimmt in seiner zitierten Arbeit an , daß Raimund diese Szene einem anderen Märchen

der "1001 Nacht" entnahm . Es handelt sich um " Die Geschichte von den drei ausgesetzten Königskindern oder den feindlichen Schwestern " , die die 427. - 436. Nacht erfüllt. Dort muß man auch einen Berg besteigen , ohne sich umzuwenden . Wer aber auf die verspottenden und erschreckenden Stimmen achtet und hinter sich schaut , wird auf der Stelle zu schwarzen Steinen verwandeln . Zwei Brüder versuchen es , aber sie scheitern und werden verzaubert . Ihre Schwester kann aber die Gefahren bestehen und sie erlangt dann das goldene Wasser , den sprechenden Vogel und einen Zweig von dem singenden Baum .

3. Der Welt der entlegenen Insel der Wahrhaftigkeit mit ihrer Scheinmoral und ihrer angeblichen Sittsamkeit . Die Figur des Imams aus dem Märchen der "1001 Nacht" dürfte Raimund dazu angeregt haben . Der Imam , d.h. Vorbeter , der für alle Leute Vorbild der Ehrlichkeit , Gerechtigkeit und Gewissenhaftigkeit sein soll , ist im Märchen nichts anders als das Bild der

Scheinheiligkeit , Lügen und Bestechlichkeit . Er predigt für die Nächstenliebe , Aufrichtigkeit und Wahrhaftigkeit ; jedoch handelt er unehrlich , lügnerisch und neidisch . Folgelich änderte Raimund die Probe der Keuschheit zur Bedingung der Wahrhaftigkeit und Reinheit der Seele , die Eduard in Amine, im Arabischen heißt dies die Ehrliche , Vertrauenswürdige , findet . Immerhin übernimmt Raimund die Bedingung der Keuschheit für die Bewohner der " Insel der Sittsamkeit " :

Eduard : Wie ist es denn rücksichtlich eurer Heiraten ?

Aladin : In ihrem zwanzigsten Jahre werden unsere Mädchen verheiratet , ohne daß sie ihren Bräutigam zu Gesicht bekommen haben ...Nur bei öffentlichen Versammlungen müssen sie erscheinen. Übrigens darf kein Mädchen allein

ausgehen , wenigstens vier...
und gehen immer in Begleitung
von zwei Mohren ....
Wenn ein Mann ein Frauenzim-
mer auf der Straße sieht ,
muß er sein Haupt zur Erde
beugen und darf sie nicht
ansehen , sonst ist er des
Todes .

(II. Aufzug , 10. Szene, S. 67 - 68 , Berg-
land Verlag , Wien 1971)

Otto Rommel [7] sieht die Begründung der Änderung von der Keuschheitsprobe zu der Wahrhaftigkeitsprobe darin , daß die damalige Zensur " dieses - auf der Bühne nicht unbedenkliche - sexualethische Motiv " nicht erlauben würde . Heinz Kindermann findet in dieser von Raimund vorgenommenen Veränderung eine " Vertiefung im Bereich des vielschichtigen Seelenlebens " [8]. An derselben zitierten Stelle schreibt Pirsching

mit Hinweis auf Raimunds Briefe an Antonie und Charlotte Wagner (Grillparzer Jahrbuch IV,S.243 , Brief 75 und Anmerk.) , Raimund habe die Keuschheitsprobe in eine Wahrheitsprobe verwandelt , da dies ganz seinem innersten Wesen entsprochen habe . Außerdem hält es Rommel für denkbar , daß Raimund die " Geschichte von dem Prinzen Sain Alasnam und dem König der Geister " in der Fassung las , die ihr Albert Ludwig Grimm in seinem " Märchen aus Tausend und einer Nacht " (Bd. I ,S. 211) gegeben hatte . Bei Grimm soll die Jungfrau , die der Prinz zu suchen hat , nicht eitel sein und sie darf noch nie eine Lüge gesprochen haben . Der Test wird wie im Original durch einen Spiegel vollbracht , der anläuft .

Kindermann hält dies für möglich ; jedoch vermutet er , daß die Fassung Grimms wohl erst nach Raimunds Erstaufführung erschienen ist . Die Übersetzung von Grimm erschien gleichzeitig mit Raimunds " Diamant des Geisterkönigs " im Jahre 1824

in Wien . Mit Sicherheit ist es aber zu sagen , daß es Raimunds eigene wohlgelungene Erfindung ist, Florian als " Wahrheitsmesser " fungieren zu lassen, der die ganze Zeit gewaltiges Gliederreißen erdulden muß , und erst am Schluß nur einmal das größte Wohlbehagen fühlt .

Dem Vorbild von " 1001 Nacht " folgend , wo die Unwirklichkeit und das Wunderbar-Traumhafte durch den realistischen Stil glaubhaft wirken , stellt Raimund die Menschenwelt und die Geisterwelt dar , so daß sie mit ihrem Irren und Hoffen , Streben und Erreichen ineinander greifen . Die beiden Welten stehen nicht mehr voneinander getrennt .

Weitere Einflüsse aus der arabischen Märchensammlung lassen sich in Raimunds Werk feststellen :

1. Aladin , der Palasthüter des Varitatus stammt gewiß aus dem Märchen " Aladin und die Wunderlampe " . Der Name Amine kommt öfters in " 1001

Nacht " vor .

2. Das Motiv der dreimaligen Wiederholung , das man sowohl in vielen Märchen als auch in dem einen Märchen mehrmals findet (z.B. in dem Märchen " Dschudar und seine Brüder ") , kommt im " Diamant des Geisterkönigs " vor : Drei Wege führen durch den Zaubergarten , auf deren jedem eine Erprobung des Mutigen erwartet : reizende Nymphen tanzen hinter ihm her und suchen ihn durch Winken und Tanzen zum Umsehen zu bringen , der Donner schlägt vor ihm in einen Baum ein und ein ungeheurer Drache fällt ihn von rückwärts an . Eduard führt im Lande der Sittsamkeit drei Wahrheitsproben aus : bei den vier verschleierten Mädchen , bei der Tochter des Varitatus Modestina und bei Amine . Erst beim dritten Mal hat er Erfolg , wie es immer noch in der Alltagssprache der arabischen Welt fortlebt : " Das Dritte ist das Feststehende , Gleichbleibende " .

3. Manche Anreden zeigen die Anlehnung an das Original , wie z.B. die des Pamphilius , des ersten Kammerdieners des Geisterkönigs im I. Aufzug , 6. Szene , S.20 : " Mächtigster Sultan der Welt " , oder Eduards auch an den Geisterkönig , II. Aufzug , 4. Szene , S. 55 : " Sonne der Welt ! Du beschämst mich durch deine Güte " .

Außer den genannten Verwandlungsmotiven im Zaubergarten , die in " 1001 Nacht " vorkommen , benützt Raimund ägyptisch-marokkanische Landschaft , um die Insel der Wahrhaftigkeit auszumalen (II. Aufzug , 7. Szene , S. 63). Raimunds " Diamant des Geisterkönigs " wurde nicht nur ins Italienische übersetzt , sondern es erfreute sich mehrerer Bearbeitungen in den verschiedenen Gebieten des germanischen Raums :
Im Jahre 1849 schuf der dänische Volksdichter Andersen eine freie Bearbeitung unter dem Titel

" Mehr als Perlen und Gold " . Kurz danach erschien in England " The Ninth Statue or the Jewels and Gem" von Wiliam und Robert Brough .

So wirkte Ferdinand Raimund gestützt auf die phantastische Welt der " 1001 Nacht " in einen großen Teil der westlichen Welt . Überdies hat Hofmannsthal im Jahre 1917 dasselbe Thema mit dem Titel " Eduard und die Mädchen " ausgesponnen .

Anmerkungen :

1) Die Arbeit behndelt den Einfluß von " 1001 Nacht" vornehmlich auf Raimunds " Diamant des Geisterkönigs "

2) Vgl. Rommel, Otto , Barocktradition auf dem österr.-bayrischen Volkstheater , III , S.33 , über Raimund und Wielands "Dschinnistan" , über "1001 Nacht" S.39 , Sammlung deutsche Literatur 1935-39

3) Allgemeine Theaterzeitung und Originalblatt für Kunst,

Literatur , Musik , Mode und geselliges Leben 15. Sept. 1836, Jahrgang 29 , Nr. 186

4) Rudolf Pirsching , über Quellen zu Raimunds Zauberspielen , Diss. Wien 1944 , S. 67

5) Raimunds sämtliche Werke , Wien 1891 , III. Bd. S. 522

6) Rudolf Pirsching , op. cit. , S. 8 , auch : Heinz Kindermann , Ferdinand Raimund , Lebenswerk und Wirkungsraum eines deutschen Volksdramatikers , S. 163

7) Otto Rommel , die Wiener Volkskomödie , ihre Geschichte vom Barocken Welt-Theater bis zum Tode Nestroys , Wien 1952 , S. 908

8) Heinz Kindermann , op. cit. , S. 165

Weitere Literatur :

- Bickel , Kaete Gertrud , Untersuchungen zum Stil des Volksbuchs Fortunatus , Heidelberg , Diss. 1932

- Danszky , Eduard Paul , "Da leg' ich meinen Hobel hin .. " , Der Roman Raimunds , Berlin,

Wien , Leipzig 1939

- Enzinger , Moriz , Das Wiener Theater des 16. - 19. Jahrhunderts , Berlin 1918

- Jahrbuch Raimund-Theater-Wien , von Johann Koch und Rosa Neubach , Wien 1895

- Rommel , Otto , F. Raimund und die Vollendung des Alt-Wiener Zauberstücks , Wien 1947

- Rommel , Otto , Die großen Figuren der Altwiener Volkskomödie , Wien 1946

- Schaumann , Frank , Gestalt und Funktion des Mythos in F. Raimunds Bühnenwerken , Wien 1970

- Vancsa , Kurt , Ferdinand Raimund , ein Dichter des " Biedermeier " , Wien, Innsbruck 1936

- Zehl , Elfriede , Märchenmotive in Raimunds Zauberspielen , Diss. , Wien 1944 .

Dr. Baher M. Elgohary

AKTUELLE PROBLEME DER SEMANTIKFORSCHUNG

Dr. GAMAL HASSAN

1. Aufgabenstellung

Im letzten Jahrzehnt ist die Semantikforschung von ihrer Randstellung innerhalb der linguistischen Disziplinen in das Zentrum des wissenschaftlichen Interesses gerückt. Die strukturalistische Sprachwissenschaft hatte sich spätestens seit BLOOMFIELD ganz auf die Strukturen konzentriert, während sie den Inhalt der sprachlichen Zeichen aus unterschiedlichen Gründen vernachlässigen zu können glaubte. "Bedeutungen" wurden als abstrakte Einheiten geheimnisvoller Art betrachtet, die man mit strengen wissenschaftlichen Methoden für nicht erfassbar und beschreibbar hielt. Ein wesentlicher Grund dafür war die Annahme, dass mit der Semantik zugleich unsere gesamte Kenntnis über die Welt verarbeitet werden müsste. Dieser Trugschluss, der von den Sachen und Sachverhalten, nicht jedoch von sprachlichen Einheiten ausgeht, hat die auf BLOOMFIELD folgende Semantikforschung zumindest im Bereich der strukturell orientierten Grammatik über Jahrzehnte hinweg blockiert.

Charles J. FILLMORE hat die Bedeutungsauffassung der strukturalistischen Schulen in ihrer historischen Aufeinanderfolge so gekennzeichnet:
"Die mentalistische Definition ist niemandem von Nutzen, der wissen will, ob er eine sprachliche Form richtig versteht...Die Behavioristische Definition ist eine Art versteckter Beleidigung: Wenn ich Ihnen, anstelle Ihnen zu sagen, was eine sprachliche Form bedeutet, etwas darüber sage, wann Leute sie gebraucht haben und was geschah, nachdem sie das taten, sage ich Ihnen nicht, was die Form bedeutet, sondern ich fordere Sie auf, das selbst herauszufinden...Die rein strukturalistische Definition ist von allen der hoffnungsloseste Fall: wenn wir diese Definition verstehen wollen, müssen wir vermutlich etwas über die sozialen Kontexte wissen, in welche die Sprachtheoretiker sie versetzt haben; aber die meisten von uns haben sie gar nicht oft genug der in genug Kontexten gehört, um zu einigermassen verlässlichen Schlussfolgerungen zu kommen." [1] Wenn FILLMORE dann jedoch resümiert: "Vollkommen formelhafte Definitionen für 'Bedeutung' haben unserer Disziplin nie einen guten Dienst getan[2], dann zeigt dies nur die Offenheit dieses zentralen Problems in der linguistischen Forschung und Theoriebildung, das noch einer grundsätzlichen Lösung bedarf.

Tatsächlich gibt es eine kaum noch zu übersehende Menge von Semantikdefinitionen unterschiedlichster Provenienz, ebenso im letzten Jahrzehnt eine nahezu inkommensurable wissenschaftliche Literatur zu Fragen der Semantikforschung, doch gerade die Vielfalt der Schulen, der theoretischen Konzeptionen und Methoden kompliziert die Situation und macht eine Bestandsaufnahme der wesentlichsten Probleme und ihrer Lösungsversuche notwendig.

Denn einig ist sich die Forschung darin, dass der Aufbau einer Semantiktheorie ein zentrales Erfordernis beim gegenwärtigen Stand linguistischer Forschung darstellt, dass eine moderne Grammatiktheorie prinzipiell ohne die semantische Komponente als zentrale Erklärungseinheit sowohl der kognitiven als auch der kommunikativen Funktion der Sprache nicht mehr auszukommen vermag. Der folgende Beitrag versucht, zur Klärung einiger der wesentlichen Probleme, Begriffe und Termini der Semantikforschung und zu einer Art Bestandsaufnahme dieses wissenschaftlichen Forschungskomplexes beizutragen.

1. die bereits erwähnte und von de SAUSSURE begründete bilaterale Konzeption, die das Zeichen als Verbindung von sprachlichem Material und ideellen Abbildern betrachtet,
2. die unilaterale Konzeption, die im sprachlichen Zeichen nur den physikalischen Teil (die Form, des Graphem etc.) erblickt, also den Zeichenkörper, dem dann erst die entsprechende Bedeutung zugeordnet werden muss.

Beide Betrachtungsvarianten haben ihre Vorzüge und Nachteile, als wichtigste wären hervorzuheben: die unilaterale Auffassung stellt eine Vereinfachung dar und ist entsprechend besonders dazu geeignet, bei der Interpretation einfacherer Zeichensysteme wie z.B. logischer Kalküle, mathematischer Zeichen etc. zu dienen, während für die Interpretation natürlicher Sprache als kompliziert-dynamischer Systeme sich besser die bilaterale Auffassung eignet, um die Form-Inhalt-Diade in ihrer Dialektik stets im Auge zu behalten und sich so auch erkenntnistheoretisch vor einseitigen Verabsolutierungen methodisch zu bewahren.

"Die bilaterale Betrachtungsvariante erweist sich auch bei der funktional-semantischen Beschreibung einer Sprache, sowie bei historischen und erkenntnistheoretischen und psycholinguistischen Aussagen als vorteilhafter. Sie stellt gewissermassen ein zweistelliges Prädikat dar, ist also eine Relation mit den Argumenten Zeichenkörper und Bedeutung. Für Zeichenkörper wird auch der Terminus F o r m a t i v verwendet, da damit die formale Seite des Zeichens ausgedrückt wird.

In formalisierter Darstellung erscheint die bilaterale Betrachtung des Zeichens folgendermassen:

Zeichen = Relation (Formative, Bedeutung)

oder $Z = R\ (F,\ B)$ bzw. auch $Z = F_i \cdot R_z \cdot B_j$,

während die unilaterale Darstellung als einstelliges Prädikat erscheinen würde: B(F), d.h. ein Formativ mit der Eigenschaft Bedeutung."[5]

Der Zeichencharakter der Sprache ist universell, wir verstehen darunter die Beziehung sprachlicher Einheiten auf aussersprachliche Einheiten der objektiven Realität, mit anderen Worten, das Zeichen ist also ein materieller Gegenstand, der für eine andere Erscheinung steht. Die Funktion sprachlicher Zeichen besteht folglich darin, die Erkenntnistätigkeit des Menschen und ihre Produkte verallgemeinert auszudrücken, d.h., bestimmte Informationen zu tragen, mit anderen Worten: Bedeutung auszudrücken.

Wesentliche Eigenschaften des Zeichens sind seine sogenannte Willkürlichkeit und sein Systemcharakter.

"Unter der Beliebigkeit des sprachlichen Zeichens versteht man vor allem den beliebigen, durch die Natur der Dinge nicht motivierten Zusammenhang zwischen dem Bezeichnenden und dem Bezeichneten."[6]

Diese Willkürlichkeit oder Unmotiviertheit bedeutet, dass zwischen Form und Bedeutung keine unmittelbaren Abhängigkeitsbeziehungen etwa kausaler Natur bestehen. So wird ein-und derselbe Gegenstand der objektiven Realität in den verschiedenen Sprachen bekanntlich unterschiedlich bezeichnet. Die Zuordnung von Laut und Bedeutung bildet sich also historisch "willkürlich" heraus, indem gleichsam auf Grund einer "sozialen Verabredung" solche Zuordnungen hergestellt und gesellschaftlich akzeptiert werden.

Der Systemcharakter des sprachlichen Zeichens äussert sich darin, dass alle Zeichen sowohl formal als auch in inhaltlicher Beziehung aufeinander bezogen sind und so insgesamt gesehen ein Relationsgefüge ergeben, das einen offensichtlich hierarchischen Aufbau besitzt.

Während in unserem Zusammenhang die formative Seite des Sprachlichen Zeichens weniger interessiert, werden wir uns im folgenden eingehend mit der inhaltlichen Seite des sprachlichen Zeichens zu befassen haben, um genau zu erkunden, worin dieser Inhalt besteht.

3. Zum Inhalt des sprachlichen Zeichens

Man könnte versucht sein, sogleich per definitionen den Inhalt des sprachlichen Zeichens mit dem Begriff der Bedeutung zu identifizieren, was denn ja auch häufig genug in der Forschung geschehen ist.

Um eine Aussage über den Inhalt des sprachlichen Zeichens treffen zu können, muss vorher jedoch noch einmal auf den allgemeinen Charakter des sprachlichen Zeichens, auf seine bilateral definierte Form-Inhalt-Diale zurückgegriffen werden. Spätestens an dieser Stelle erhebt sich nämlich die Frage nach der Einheit des Zeichens, d.h. nach seiner Grösse. Gradmesser für diese Bestimmung kann nur der Inhalt des sprachlichen Zeichens sein, da wir von Inhalt nur dann sprechen können, wenn sich tatsächlich eine inhaltliche Vorstellung mit dem dazugehörigen Formativ verbindet, werden wir im folgenden jene kleinsten Vorstellungsträger, die sich mit einem Formativ verbinden, als sprachliche Zeichen betrachten, alle grösseren Einheiten jedoch als Zeichenkomplexe. Die Bezeichnung dieser Einheiten ist wiederum in den verschiedenen Schulen sehr unterschiedlich.

Um die Asymmetrie von Form und Inhalt darstellen zu können, war man gezwungen, beide Ebenen in ihren Einheiten unterschiedlich zu benennen. So steht bei den Deskriptivisten das Morph auf der Formseite dem Morphem auf der Inhaltsseite gegenüber, bei SKALICKA das Sema dem Morphem [7] (wobei der Terminus Morphem hier also eine völlig andere Bedeutung besitzt als im erstgenannten Fall), das Lexon und das Morphem in dem Stratifikationsmodell von LAMB[8] oder das Morphem und das Monem bei LESKA[9] etc.

Wir halten die Frage der Segmentierbarkeit von Zeichenkomplexen für eine inhaltliche Frage, sodass wir, wie bereits erwähnt, den kleinsten Vorstellungsträger als Grundgrösse betrachten.

Wir wollen durch Festsetzungsdefinition diese inhaltliche Seite des sprachlichen Zeichens dem traditionellen Gebrauch folgend Morphem nennen, seinen Formträger das Morph.

Diese Festlegung stösst jedoch sofort auf praktische und theoretische linguistische Schwierigkeiten, sobald man folgende sprachliche Einheiten miteinander vergleicht:

(1) lieblich

(2) scheusslich

(3) nicht alle Tassen im Schrank haben

(1) und (2) sehen sich zwar äusserlich wortbildungsmässig ähnlich, doch besteht ein gradierender Unterschied: während "lieb" als sprachliche Einheit selbständig existiert, ist "scheuss" ohne Verknüpfung mit dem Wortbildungsmorphem "lich" nicht belegbar. Trotzdem ist jede kompetente Sprachbenutzung in der Lage, beide Einheiten voneinander zu trennen, und durch die Absetzung des Morphems "lich" auch eine sprachliche Einheit "scheuss" zu identifizieren. Die Frage, inwieweit das Wortbildungsmorphem "lich" überhaupt einen Inhalt konstituiert, wird später zu beantworten sein. Andererseits ist nicht von der Hand zu weisen, dass erkenntnistheoretisch von der Zeichenfunktion her der Unterschied zwischen (1) und (2) theoretisch und methodologisch deutlich gemacht werden muss. Wir werden also sagen, dass (1) aus zwei sprachlichen Zeichen besteht, da sie isoliert benannt und identifiziert werden können, während (2) nur ein sprachliches Zeichen darstellt, weil es nur geschlossen interpretierbar ist und sein erster Bestandteil isoliert keine eigene Vorstellung - oder doch nur eine grammatisch "defekte" - hervorzurufen vermag.

Beispiel (3) hingegen setzt sich offensichtlich aus einer Vielzahl für den kompetenten Sprachbenutzer durchaus isolierbarer Spracheinheiten zusammen ("nicht" "alle" "Tasse" "-n" "im" "Schrank" "haben"), die "Inhalte" bezeichnen, trotzdem bleibt die Kenntnis der isolierten Einzelteile in ihrer Anreihung unverständlich, wenn man nicht den Gesamtsinn dieser Wendung kennt (etwa: verrückt sein, nicht normal sein etc.).

Wenn wir die kleinsten isolierbaren Inhält grössen Morphem nennen, wie wir das oben getan haben, dann müssten wir konsequenterweise auch alle genannten isolierbaren Spracheinheiten der zitierten Wendung (also: "nicht" "alle" etc.) als sprachliche Zeichen betrachten. Doch das wiederum ist gerade nicht möglich, da diese segmentierbaren kleinsten Einheiten in ihren Kombination keineswegs den minimalen Gesamtvorstellungsinhalt von (3) ergeben. Es ist also erforderlich, an dieser Stelle eine neue Benennungseinheit einzuführen, die nicht auf die kleinste Vorstellungseinheit zielt, sondern auf etwas, das wir die kleinste Sinneinheit nennen wollen. In Anlehnung an MARTINET[10] bezeichnen wir die kleinste Vorstellungseinheit bestehend aus Morph und Morphem als Monem, die kleinste Sinneinheit indessen wollen wir als Lexem bezeichnen.

Wie die Beispiele deutlich machen, kann sich ein Lexem also als kleinste Sinneinheit der Sprache – vor allem in phraseologischen Fügungen – aus 1 – n Monemen zusammensetzen. Daraus wird ersichtlich, dass zwischen Monem und Lexem in unserer Definition ein hierarchisches Verhältnis besteht, wobei das Lexem die übergeordnete Grösse darstellt.

Das heisst, die Begriffe Monem und Lexem können zusammenfallen - und tun dies im allgemeinen auch -, das sprachliche Zeichen ist jedoch immer ein Lexem, das sich unter anderem aus einer Reihe von Monemen zusammensetzt. Um bei unseren Beispielen zu bleiben, (1) stellt ein Zeichenkomplex dar, der sich aus zwei Monemen konstituiert, das heisst in diesem Falle: gleichzeitig auch aus zwei Lexemen bzw. sprachlichen Zeichen, (2) stellt ein einziges Monem, identisch mit einem Lexem bzw. sprachlichen Zeichen dar, während (3) eine Anreihung von Monemen, insgesamt aber nur als Ganzes ein Lexem bzw. sprachliches Zeichen manifestiert.

Mit diesen Überlegungen stehen wir im Gegensatz zu den Erwägungen und Ergebnissen jüngst erschienener Standardwerke zur Sprachtheorie.

So definiert das sowjetische Standardwerk ("Allgemeine Sprachwissenschaft" Bd. 1, 1975)[11] die sprachlichen Zeichen wir folgt: "Man kann unterscheiden:

a) sprachliche Zeichen mit in höherem Masse differenzierender Funktion, zum Beispiel die Phoneme.
b) sprachliche Zeichen, in denen die identifizierende Funktion stärker ist als die differenzierende, so die grammatischen Morpheme und die Modelle der syntaktischen und semantischen Beziehungen der sprachlichen Zeichen;
c) sprachliche Zeichen, die sowohl eine differenzierende als auch eine verallgemeinernde Funktion haben, die sogenannten vollwertigen (eigentlichen) Zeichen - die Wörter, Wortverbindungen und Sätze."

Eine solche Definition der sprachlichen Zeichen, die vom Phonem bis zu den Sätzen reicht, scheint uns nicht handhabbar.

Die Problematik dieser Auffassung beginnt beim Phonem, das nach unserer Auffassung schon aus dem Grunde kein Zeichen sein kann, weil es keinen sprachlichen Inhalt, weder Vorstellungs - noch Sinngehalt trägt. Seine lediglich bedeutungsdifferenzierende Funktion ist noch kein Anlass, es selbst zum sprachlichen Zeichen zu rechnen. Ebenso problematisch erscheint uns die Ausdehnung der Zeichendefinition auf ganze Sätze, da hier methodologisch eine Abgrenzung der Einheit des sprachlichen Zeichens nach oben unmöglich wird.

Ähnliches trifft auf die Bestimmung des sprachlichen Zeichens in dem jüngst erschienenen grundlegenden Werk ("Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft", 1976) zu, in dem es heisst: "Nachdem der materielle und ideelle Charakter des Formativs im allgemeinen erörtert ist, müssen wir noch die vielumstrittende Frage behandeln, welche sprachlichen Einheiten als Formative zu betrachten seien. Zunächst kann gesagt werden, dass nicht jede Lautfolge, die in einer Sprache möglich ist, ein Formativ darstellt, sondern nur solche Lautfolgen, die bedeutungstragend sind. Lautfolgen, die nur der Erleichterung der Aussprache dienen oder rein rhythmische Aufgaben erfüllen (Ligaturen, Füllwörter, Lallwörter, sinnlose Melodiesilben usw.) sind keine Formative von Zeichen. Desgleichen sind einzelne Laute bzw. Phoneme oder Silben, die nicht Moneme sind, also keine Bedeutung haben, keine Formative. Schwieriger ist die Frage zu beantworten, wo die obere Grenze sprachlicher Einheiten hinsichtlich ihres Zeichencharakters liegt. Geht man lediglich von der Bestimmung des Zeichens als einer festen Verbindung zwischen sprachlichen Einheiten und Bedeutungen aus,

so hängt die Beantwortung von der Bestimmung der Bedeutung ab. Wenn man unter Bedeutung gemeinhin die semantische Seite jeder sprachlichen Äusserung verstehen will, so sind auch Sätze und sogar über die Satzgrenze hinausgehende Texteinheiten als Formative anzusehen. Gehen wir jedoch von der physiologischen Seite der Verbindung aus, so wird der Bereich der Formative insofern eingeschränkt, als darunter dann nur solche Einheiten fallen, die im Gehirn f e s t e, das heisst also bedingt - reflektorische Verknüpfungen eingegangen sind. Mit anderen Worten: nur gespeicherte (genauer: permanent gespeicherte) Verbindungen gehen in den individuellen Kode eines Sprechers und Hörers ein, stellen die Lexik und die bedeutungstragenden grammatischen Einheiten dar."[12]

Die hier gegebene Bestimmung des sprachlichen Zeichens scheint uns ebensowenig praktisch und methodisch handhabbar, denn das psychologisch motivierte Kriterium des "individuellen Kodes eines Sprechers und Hörers" erscheint in der sprachlichen Praxis kaum exakt abgrenzbar. Das trifft auch zu auf die dann beispielhaft genannten "feststehenden Redewendungen, phraseologischen Verbindungen, komplexen Nominal - oder Verb-Objekt-Gruppen, zahlreichen Adverbialausdrücken usw. da völlig unklar bleibt, welche Art von Nominalgruppen, Verb-Objekt-Gruppen oder Adverbialausdrücken solche "festen Verbindungen im Gehirn" eingegangen sein sollen.

Für die linguistische Praxis weitaus brauchbarer scheint uns hingegen die oben vorgeschlagene Definition des sprachlichen Zeichens als eine Sinneinheit, einer m i n i m a l e n Sinneinheit, der auf der Inhaltsebene mindestens ein Monem als kleinster Vorstellungseinheit –

entspricht, während es sich maximal aus genau soviel isolierbaren Monemen oder Vorstellungseinheiten zusammensetzt, wie sie einer minimalen Sinneinheit bzw. einem Lexem entsprechen.

Auf Grund dieser Differenzierung in Moneme als kleinster Vorstellungseinheiten und Lexeme als kleinste Sinneinheiten ist - zumindest hypothetisch - eine präzise Abgrenzung und Bestimmung des sprachlichen Zeichens als zentraler erkenntnistheoretischer linguistischer Einheit möglich, auf der die folgenden Überlegungen zur Inhaltsseite des sprachlichen Zeichens aufbauen sollen.

4. Der Inhalt des sprachlichen Zeichens und die Frage der Bedeutung

Nachdem wir so bereits die Frage des Umfangs des sprachlichen Zeichens mit Hilfe seines Inhalts zu bestimmen versucht haben, geht es jetzt darum, den Inhalt des sprachlichen Zeichens zu versuchen zu explizieren und in möglichst hohem Grade zu präzisieren.

In einer ersten Annäherung hatten wir im vorangegangenen Abschnitt bereits die Bergiffe Vorstellungseinheit und Sinneinheit vorgeschlagen und an Beispielen diskutiert. Zweifellos ist eine Einteilung noch ungenügend. Es erheben sich etwa solche Fragen wie

1. Gibt es sprachliche Einheiten, die keine Moneme oder Lexeme, das heisst also, keine sprachlichen Zeichen sind?
2. Ist zum Beispiel ein Konjugationssuffix wie - t etwa in (4) er schreibt
   für den kompetenten Sprachbenutzer überhaupt noch

inhaltlich interpretierbar oder ist es nicht vielmehr ein "Formzeichen", das nur die Kongruenz zum Personalpronomen "er" herstellt?

3. Wie sind die Moneme klassifizierbar?
4. Wie verhalten sich die Moneme zu den Lexemen?

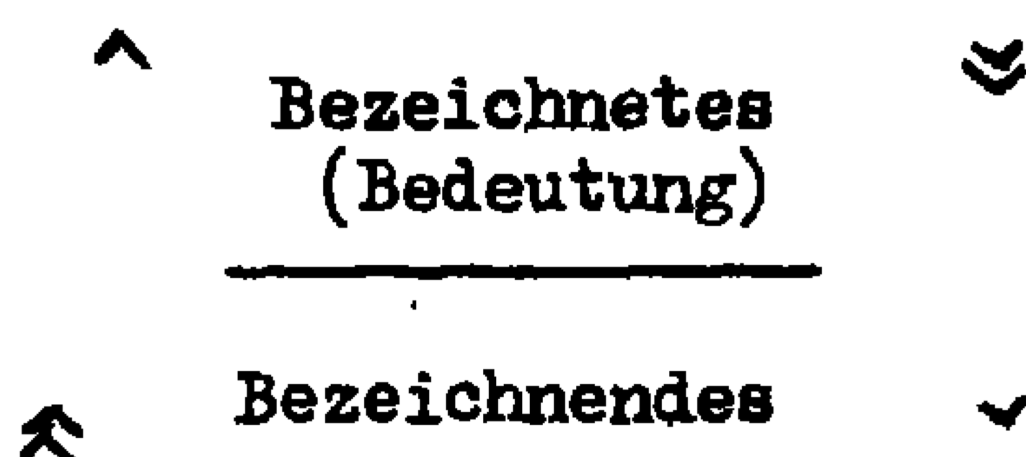
Um die erste Frage beantworten zu können, wollen wir noch einmal einen Blick auf den eigentlichen Begründer der modernen Zeichentheorie, Ferdinand de SAUSSURE, und seine Auskunft zu diesem Problem in den "Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft" werfen.

Bei der Begründung des sprachlichen Zeichens durch Ferdinand de SAUSSURE spielt ein Begriff eine entscheidende Rolle, der von der nachfolgenden Forschung entweder einseitig hypostasiert oder aber ebenso einseitig vernachlässigt worden ist: der Begriff des sprachlichen Werts (valeur). De SAUSSURE schreibt: "Um sich zu vergegenwärtigen, dass die Sprache nichts anderes als ein System von blossen Werten ist, genügt es, die beiden Bestandteile zu berücksichtigen, welche beim Ablauf der Vorgänge im Spiele sind, nämlich die Vorstellungen und die Laute... Wenn man von der Geltung (hier auch im Sinne von Wert) eines Wortes spricht, denkt man allgemein und vor allem daran, dass es eine Vorstellung vergegenwärtigt, und das ist in der Tat eine der verschiedenen Seiten des sprachlichen Wertes. Wenn das aber der Fall ist, wodurch unterscheidet sich der Wert von dem, was man die <u>Bedeutung</u> nennt? Sind diese beiden Wörter synonym? Wohl kaum! Obgleich beides leicht durcheinander gebracht werden könnte, nicht so sehr, weil Geltung und Bedeutung einander nahestehende Ausdrücke sind, sondern vielmehr

deshalb, weil der Unterschied zwischen beiden gar nicht so leicht zu fassen ist.

Geltung oder Wert, von der Seite des Vorstellungsinhaltes genommen, ist ohne Zweifel ein Bestandteil der Bedeutung, und es ist schwer, anzugeben, wodurch sich beides unterscheidet, obwohl doch die Bedeutung vom Wert abhängig ist. Gleichwohl ist es notwendig, diese Frage ins Reine zu bringen, wenn man nicht die Sprache auf eine blosse Nomenklatur zurückführen will.

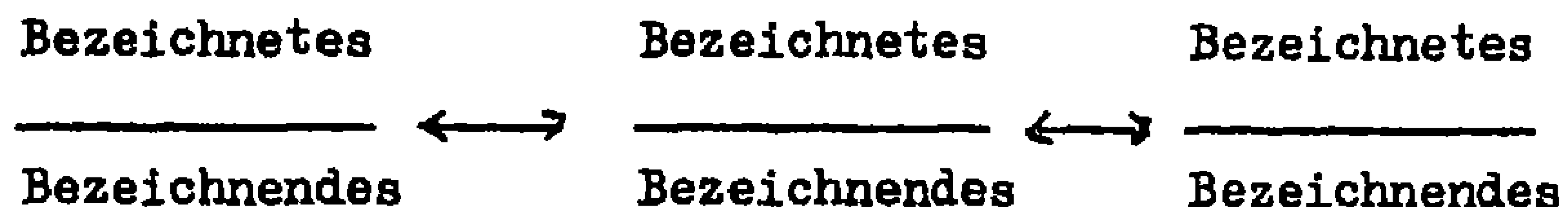
Nehmen wir zuerst die Bedeutung, so wie man sie sich vorstellt :

Sie ist, wie die Pfeile in der Figur zeigen, nur das Gegenstück zum Lautbild. Es dreht sich alles nur um die Beziehung zwischen Lautbild und Vorstellung innerhalb des Wortes selbst, das dabei als ein selbständiges, für sich bestehendes Ganzes betrachtet wird.

Nun zeigt sich aber noch eine ganz unvorhergesehene Seite der Sache: einerseits nämlich erscheint uns innerhalb des Zeichens die Vorstellung, wie das Gegenstück des Lautbildes und andererseits ist das Zeichen selbst, d.h. die Beziehung, welche die beiden Bestandteile verbindet, ebenfalls und ebensosehr das Gegenstück der anderen Zeichen der Sprache.

Da die Sprache ein System ist, dessen Glieder sich alle gegenseitig bedingen und in dem Geltung und Wert des einen nur aus dem gleichzeitigen Vorhandensein des anderen sich ergeben, gemäss dem Schema:

Wie kommt es da, dass der so definierte Wert sich mit der Bedeutung vermischt, d.h. also mit dem Gegenstück des Lautbildes? Es ist offenbar unmöglich, die Beziehungen, die hier durch waagerechte Pfeile dargestellt sind, denjenigen gleichzusetzen, die oben durch Senkrechte Pfeile angedeutet sind. Mit anderen Worten – um den Vergleich mit dem Blatt Papier, das zerschnitten wird, wieder aufzunehmen, – : es ist nicht einzusehen, warum die Beziehung, die zwischen den verschiedenen Stücken A, B, C, D, usw. festgestellt wird, nicht verschieden sein sollte von derjenigen, welche besteht zwischen der Vorderseite und der Rückseite eines und desselben Stückes, also A/A', B/B' usw.

Zur Antwort auf diese Frage wollen wir zunächst feststellen, dass auch ausserhalb der Sprache alle Werte sich von diesem Grundsatz beherrscht zeigen. Sie sind immer gebildet:

1. durch etwas Unähnliches, das ausgewechselt werden kann gegen dasjenige, dessen Wert zu bestimmen ist;

2. Durch ä h n l i c h e Dinge, die man v e r g l e i c h e n kann mit demjenigen, dessen Wert in Rede steht."[13]

Sicherlich ist de SAUSSUREs Behauptung, dass "die Sprache nichts anderes als ein System von blossen Werten" sei, eine sowohl erkenntnistheoretisch überspitzte, und damit falsche, als auch eine für die nachfolgende sprachwissenschaftliche Forschung und ihre strukturalistischen Methoden verhängnisvolle Simplifizierung, die zur völligen Negierung sowohl der materiellen Substanz sprachlicher Einheiten als auch letztlich zur Trennung von der realen gesellschaftlichen Basis führte sowie zu der Annahme, dass es einzig relevantes Anliegen der Grammatik sei, die reinen Relationen und Strukturen der Sprache zu erforschen.

Auf der anderen Seite ist der Gedanke des Wertes in der nachfolgenden Forschung wieder unterschätzt worden, wenn auch zugegeben werden muss, dass die von de SAUSSURE angebotenen Definitionen und Beispiele nicht sehr überzeugend sind.

Immerhin wird deutlich, dass die beiden angegebenen Beziehungen der auswechselbaren Unähnlichkeit und der vergleichbaren Ähnlichkeit sowie der Hinweis auf die unterschiedliche paradigmatische und syntagmatische Funktion sprachlicher Zeichen für die theoretische Konstituierung sprachlicher Einheiten unabdingbar sind.
Um eine deutliche terminologische Scheidung zu gewährleisten, wollen wir künftig von dem syntagmatischen und dem paradigmatischen Wert Funktion sprachlicher Zeichen sprechen, unter dem syntagmatischen Wert wollen wir künftig die semantisch-syntagtische Verknüpfbarkeit sprachlicher Zeichen

verstehen, auf die wir später in einem eigenen Abschnitt zu sprechen kommen werden, wenn wir das Problem der Valenzbeziehungen behandeln. Der syntagmatische Wert des sprachlichen Zeichens besteht also gleichsam aus den Armen, die ein sprachliches Glied zu seinen Nachbargliedern ausstreckt (etwa den Pfeilen des auf Seite 15 dargestellten Schemas entsprechend). Es sind assoziative Beziehungen, die bei der Setzung eines sprachlichen Zeichens auf syntagmatischer Ebene mitgedacht werden (so werden etwa bei der Setzung des sprachlichen Zeichens "legen" für den kompetenten Sprachbenutzer in gewisser Weise drei auszufüllende Leerstellen mitgedacht, also: "ich lege das Buch auf den Tisch", aber nicht: "ich lege" oder: "ich lege das Buch").

Während sich von diesem theoretischen - Ansatzpunkt her eine bis zum jetzigen Zeitpunkt bereits recht hoffnungsvoll ausgearbeitete Grammatiktheorie entwickelt hat, die wir als Abhängigkeitsgrammatik, Dependenzgrammatik oder Valenztheorie bezeichnen, ist es bislang keinesfalls im gleichen Masse gelungen, den paradigmatischen Wert des sprachlichen Zeichens ebenso linguistisch fruchtbar zu machen.

Wir wollen jedoch zeigen, dass gerade dieser theoretische Ansatzpunkt des paradigmatischen Wertes sprachlicher Zeichen sowohl für eine weiterführende Klärung sprachtheoretischer Überlegungen als auch in besonderem Masse für die sprachpraktische Anwendung von erheblicher Relevanz ist.

Unter dem paradigmatischen Wert sprachlicher Zeichen verstehen wir die quasi synonymische Austauschbarkeit sprachlicher Einheiten (semantisch-paradigmatischer Wert) sowie seine kommunikativ-soziale Bewertung (stilistisch-paradigmatischer Wert). Um dies kurz an Beispielen zu demonstrieren:

(5) das ist schlecht
(6) das ist nicht gut
(7) das ist Scheisse

Die Sätze (5), (6) und (7) sind offensichtlich synonymische Ausdrücke, die das gleiche aussagen. Die unterschiedlichen Einheiten "schlecht", "nicht gut" und "Scheisse" sind trotzdem semantisch selbstverständlich unterschieden, das heisst (5), (6) und (7) besitzen in ihrer Prädikation einen unterschiedlichen semantisch-paradigmatischen Wert. Während jedoch die kommunikativ-soziale Bewertung von (5) und (6) als neutral anzusehen und mithin in dieser Beziehung identisch ist, unterscheidet sich (7) durch eine für jeden kompetenten Sprachbenutzer einsichtige deutliche kommunikativ-sozial (markierte) Bewertung, die man etwa als grob-umgangssprachliche Ausdruckshaltung definieren könnte.

Schon an dieser Stelle wird jedem einleuchten, dass die theoretische und methodologische Ausarbeitung und Nutzung dieses Aspekts des paradigmatischen Werts sprachlicher Zeichen eine wesentliche Voraussetzung für jede Grammatiktheorie und damit auch für jede praktische Grammatik darstellen muss, die es als ihre Aufgabe ansieht, Sprachverhalten und sprachliche Ausdrucksfähigkeit zu optimieren.

Ein wesentlicher Irrtum bisheriger Grammatikschreibung und bisherigen Grammatikunterrichts besteht gerade darin, dass dieser Gesichtspunkt der Austauschbarkeit, der Auswahl und der Bewertung dieser Auswahleinheiten bereits konzeptionell unberücksichtigt blieb. Die Folge wiederum davon ist, dass mit der einseitigen Behandlung des syntagmatischen Wertes sprachlicher Zeichen zwar das gelernt wird, was man bisher unter Grammatik verstand, nämlich die angeblich "logische" Analyse und Interpretation von Sätzen etwa nach Wortarten und Satzgliedern oder ihnen verwandten Grössen, nicht jedoch die paradigmatische Auswahl und ihre Charakterisierung nach kommunikativen Gesichtspunkten, von der aus jedoch jetzt eine Verbesserung der Ausdrucksmöglichkeiten zu erreichen ist.

Um auf unsere Ausgangsfrage zurückzukommen: Gibt es sprachliche Einheiten, die keine Moneme oder Lexeme, das heisst also keine sprachlichen Zeichen sind?

Nach der hier dargelegten Auffassung von den Werten des sprachlichen Zeichens müssten wir diese Frage mit ja beantworten, wenn wir eine sprachliche Einheit wie "dass" betrachten. Diese sprachliche Einheit ist offensichtlich ein Wort, sie besitzt zweifellos sowohl einen syntagmatischen als auch einen paradigmatischen Wert, trotzdem besitzt sie nicht das, was wir als Inhalt im Sinne einer definierbaren Abbildgrösse bezeichnen könnten, sie besitzt also nicht das, was wir üblicher Weise als Bedeutung im herkömmlichen Sinne ansehen würden. Wir werden sie im folgenden "Werteinheit" nennen, so dass für uns das Sprachsystem mithin nicht nur aus sprachlichen

Zeichen (die selbstverständlich auch einen Wert haben) und sprachlichen Werteinheiten besteht.

Ebenso wäre folglich das in der zweiten Frage angesprochene Konjugationssuffix "t" als sprachliche Werteinheit zu definieren, da hier für den kompetenten Sprachbenutzer kaum eine inhaltliche Aussage stattfindet.

Weit schwieriger ist die Frage (3.) zu beantworten, wie die Moneme zu klassifizieren seien. Unserer Meinung nach müssten die Moneme zunächst inhaltlich-semantisch klassifiziert werden, sodann nach ihrem paradigmatischem und syntagmatischem Wert. Hierbei nehmen wir an, dass die inhaltlich-semantische Bestimmung der Moneme zu einem wesentlichen Teil die Wertbestimmung der Moneme determiniert.

Um dies am Beispiel der sogenannten Wortarten-klassifikationen zu demonstrieren: der Grammatikschreibung ist seit altersher aufgefallen, dass bestimmten Klassen von Inhalten bestimmte Wortklassen entsprechen, dass also etwa die Klasse der Substantive die Denotatsklasse der "Dinge" der objektiven Realität widerspiegelt, dass sich die Klasse der Handlungen und Vorgänge im wesentlichen in der Wortklasse der Verben wiederfindet, die Klasse der Beziehungen der objektiven Realität im wesentlichen in den Präpositionen und Konjunktionen oder die Klasse der Merkmale und Eigenschaften in den Wortarten des Adjektivs und des Adverbs.

Gegen die Annahme einer solchen vereinfachten Eins-zu-Eins-Entsprechung ist in der modernen Grammatikforschung oft zu Felde gezogen worden. Tatsächlich sollte man sich vor solchen Simplifikationen hüten, da an genügend sprachlichem Material nachzuweisen ist, dass eine solche Isomorphie in der Tat nicht existiert. So benennen etwa das Verb "forschen", das Substantiv "Forschen", oder das Adjektiv "erforschbar" gleichermassen prinzipiell eine Tätigkeit oder einen Vorgang.

Trotzdem ist der Grundgedanke eine wesenhafte Zuordnungsmöglichkeit von inhaltlich-semantischen Beziehungen zu sprachlichen Werten unseres Erachtens sowohl eine erkenntnis -theoretisch-sprachliche Realität als auch eine linguistisch entsprechend nicht auslassbare theoretische und methodologische Grösse, die unserer Meinung nach am besten mit den Begriffen des "Zentrums" und der "Peripherie" erfasst werden kann. So wäre es unsinnig zu leugnen, dass - statistisch nachweisbar - im wesentlichen die "Dinge" der objektiven Realität durch Substantive, die "Vorgänge" "und "Handlungen" im wesentlichen durch Verben und die "Eigenschaften" und "Merkmale" in den indoeuropäischen Sprachen im wesentlichen durch die Wortklassen der Adjektive und Adverben widergespiegelt werden. Wir wollen eine solche Isomorphierelation als das Wertzentrum sprachlicher Einheiten definieren, während wir solche Erscheinungen, in denen in unserem Beispiel der Wortartenklassifizierung solche vorgangswiderspiegelnde Einheiten wie "Forschen" oder "Erforschung", die sprachlich also als Substantive auftreten, als wertperipher bezeichnen wollen.

Der Grund solcher wertperiphererersprachlicher Einheiten liegt im allgemeinen in einer semantischen Übertragung, wobei der Inhalt, die Widerspiegelung von Erscheinungen der objektiven Realität, einerseits voll erhalten bleibt, während der Inhalt der Zielwertklasse in die eine semantische Einheit übertragen wird, als neue Inhaltskomponente hinzukommt. So bleibt in unserem Beispiel der Vorgangscharakter bei "Forschen" oder "Erforschung" erhalten, gleichzeitig tritt jedoch eine Art "Verdinglichungskomponente" hinzu, die zugleich den semantischen Inhalt modifiziert. "Forschen" und "Erforschung" gehören damit als periphere Wertgrössen in den Bereich der Wertklasse Substantiv, obgleich sie referentiell zur Denotatsklasse dar Vorgänge und Tätigkeit gehören.

Die eingans gestellte Frage: Wie verhalten sich die Moneme zu den Lexemen? wäre hypothetisch wie folgt zu beantworten: Moneme sind nur dann Lexeme, wenn sie auch syntaktisch selbständig aufzutreten vermögen, das heisst, sie sind zumindest "Wörter" (ohne in diesem Zusammenhang die Wortproblematik diskutierten zu können). Moneme können folglich kleiner als Wörter sein, Lexeme jedoch können auch über die Wortgrenze hinaus reichen.

4.1 Zur Frage der Bedeutung

Wir können uns nach diesen vorbereitenden Schritten nunmehr den Problemen und dem Gegenstand der Bedeutung unmittelbar nähern.

Nach dem bisher Ausgeführten können wir aus unserer Sicht bereits folgende in der Forschung diskutierten

Deutungen von Bedeutung aus-schliessen:

1. Die Bedeutung sei zugleich das Bedeutete, Bedeutung wird in dieser Auffassung also extralinguistisch verstanden, Denotat und Abbild werden in einer Isomorpherelation gesehen.
2. Bedeutung wird als ein relationeller Begriff aufgefasst, der die Beziehung zwischen Formativ und dem Bedeuteten herzustellen hat.
3. Bedeutung wird als psychisches Konzept interpretiert, Bedeutungen werden also als reine Vorstellungen betrachtet, zum anderen werden sie auch mit dem Begriff identifiziert.

Wenn wir im Vorhergehenden vom Inhalt gesprochen haben, so haben wir darunter das Abbild der objektiven Realität im menschlichen Bewusstsein verstanden, wobei folgende Kriterien zu berücksichtigen sind:

1. Unter Abbild wird keine fotografische 1:1 Abbildung der objektiven Realität verstanden, sondern eine verallgemeinerte Widerspiegelung, welche die invarianten Merkmale von Gegenständen, Vorgängen, Merkmalen etc. widerspiegelt,
2. Abbildungen sind nicht nur real existierende Dinge der Objektwelt, sondern auch soziale Erfahrungen, Phantasiegebilde etc., die im Verlauf der Sprachgeschichte in bestimmten Kultur - und Sprachkreisen entstanden sind.

   Wir wollen deshalb in diesem Zusammenhang nicht von Denotaten, sondern von Entitäten sprechen, darunter fallen dann auch solche in der objektiven Realität nicht vorhandenen Begriffe wie Gott, Teufel, Elfe, Zwergenkönig etc.

3. Bedeutung ist immer sozial determiniert, das heisst, Bedeutung kann es nicht subjektiv, sondern nur intersubjektiv geben.
4. Bedeutung gibt es nur sprachgebunden, das heisst, wir unterscheiden Bedeutungen von Begriffen, indem wir Bedeutung als einzelsprachliche Einheit oder besser: zu einer einzelsprachlichen Einheit gehörend ansehen, während der Begriff eine logisch-erkenntnistheoretische Einheit darstellt, die mithin interlingual ist.

Auch Wilhelm SCHMIDT interpretiert die Bedeutung als Bewusstseinsinhalt, wenn er formuliert:
"Ich definiere die Wortbedeutung als die inhaltliche Widerspiegelung eines Gegenstandes, einer Erscheinung oder einer Beziehung der objektiven Realität im Bewusstsein der Angehörigen einer Sprachgemeinschaft, die traditionell mit einem Lautkomples zu der strukturellen Einheit des Wortes verbunden ist. Die Bedeutung bildet die innere Seite des Wortes, während der Lautkörper die äussere Seite, die materielle Komponente darstellt."[14]

Diese sehr häufig zitierte und benutzte Definition besitzt zweifellos einen richtigen Kern, einschränkend müssen jedoch zumindest die obengenannten Kriterien 1. und 2. genannt werden, da die Widerspiegelung nur verallgemeinert erfolgt und da nicht nur Gegenstände, Erscheinungen und Beziehungen der objektiven Realität widergespiegelt werden, sondern auch Entitäten, wie wir es unter 2. dargestellt haben.

Hinzu kommt die Frage, ob nicht auch andere inhaltliche Erscheinungen zur Bedeutung gerechnet werden müssen, wie sie von uns in den vorangehenden Abschnitten entwickelt wurden. Wir meinen hier vor allem die Kategorien des syntagmatischen und des paradigmatischen Wertes sprachlicher Zeichen. Unserer Meinung nach müssen beide Kategorien in eine vollständige und korrekte Definition der Bedeutung mit eingehen, da sie offensichtlich Inhaltskomponenten sprachlicher Zeichen darstellen, die durch eine einfache Definition der inhaltlichen Widerspiegelung der objektiven Realität nicht abgedeckt werden. Dies lässt sich sowohl an der Kategorie des syntagmatischen Wertes als auch an der Kategorie des paradigmatischen Wertes leicht erklären, wie wir das im folgenden kurz skizzieren wollen.

4.1.1 Der syntagmatische Wert als Komponente der Bedeutung

Wir hatten bereits in Abschnitt 4. auf die Funktion des syntagmatischen Wertes sowohl der sprachlichen Zeichen als auch der von uns sogenannten Werteinheiten hingewiesen. Wir hatten ferner am Beispiel der sprachlichen Einheit "legen" gezeigt, dass wir unter dem syntagmatischen Wert die semantisch-syntaktische Verknüpfbarkeit sprachlicher Zeichen und folglich assoziativer Beziehungen verstehen, die bei der Setzung eines sprachlichen Zeichens aus syntagmatischer Ebene mitgedacht werden. Diese assoziativen Beziehungen sind keine abstrakt-mytischen Relationen, sondern real existierende Bedeutungselemente, die im Inhalt sprachlicher Zeichen verankert sind.

Auf Grund der aktiven oder passiven "Ausstrahlung" dieser Beziehungsansätze entsteht ein inhaltliches und grammatisches Determinations - und Abhängigkeitsgefüge der Sprache, das seit KAZNELSON und TESNIERE als Valenztheorie oder Dependenzgrammatik wissenschaftlich erforscht wird.[15] Jüngste Forschungen haben bewiesen, dass gerade diese Kategorie des syntagmatischen Wertes, also damit auch diese Eigenschaft der Bedeutung, wesentliche Voraussetzung für ein Grammatikmodell ist, das sich in besonders hohem Masse für die Theorie und Praxis der automatischen Übersetzung eignet, seine sicherlich eben so wichtige Anwendung und Aufbereitung für pädagogische Zwecke steht jedoch noch aus und erscheint uns als ein wesentliches Ziel der linguistischen Forschung für die unmittelbar vor uns liegende Wissenschaftsetappe.

4.1.2 Der paradigmatische Wert als Komponente der Bedeutung

Ebenso in die Bedeutungsdefinition einzugehen hat der paradigmatische Wert sprachlicher Zeichen, den wir oben als quasi synonymische Austauschbarkeit sprachlicher Einheiten beschrieben hatten, wobei sich die Subklassen des semantisch-paradigmatischen Wertes und des stilistisch-paradigmatischen Wertes als relevante Grössen ergeben hatten.

Auch diese Kategorie des paradigmatischen Wertes sprachlicher Zeichen ist ohne Zweifel ein Teil ihres Inhaltes und damit auch Teil seiner Bedeutung. Ohne weiteres einleuchtend ist dies für den stilistisch-paradigmatischen Wert, wie wir ihn an der Markierung von (7) gegenüber den Beispielen

(5) und (6) demonstriert haben. Aber auch (6) trägt gegenüber (5) eine Markierung, die semantisch begründet ist. "schlecht" und "nicht gut" sind zwar in traditioneller Sicht synonym, doch tragen sie einen unterschiedlichen, von der Stilistik als Litotes bezeichneten und somit auch als relevant erkannten Unterscheidungswert, der die beiden Ausdrücke in ihrer semantischen Struktur differenziert.

4.2 Zur Struktur der Bedeutung

Solche Beispiele weisen darauf hin, dass die Bedeutungen in sich strukturiert sind, das heisst, dass sie aus Bündeln von Bedeutungskomponenten aufgebaut sind, die in der Forschung als Sem, Noem, Bedeutungsmerkmal, sementischer Marker usw. bezeichnet werden. Die exakte wissanschaftliche Analyse der Bedeutungskomplexe und ihrer Elemente hat sich erst im letzten Jahrzehnt entwickelt und eine fast unüberschbare Literatur hervorgebracht, ohne dass jedoch bislang Einigung über geeignete Verfahrensweisen erzielt worden wäre. Es ist jedoch anzunehmen, dass die Seme oder Noeme im Gegensatz zu den einzelsprachlich gebundenen Bedeutungen selbst universalen und interlingualen Charakter haben.

Eine wesentliche Frage in diesem Zusammenhang ist die Einschätzung der sogenannten Konnotationen, das heisst solcher Elemente, die nicht zum sogenannten "begrifflichen Kern" der Bedeutung zählen. Darunter verstanden werden also die Wiedergabe von Emotionen, Bewertungen oder anderer zumindest intersubjektive Vorstellungen.

Im Gegensatz zu jüngeren Forschungen[16] sind wir der Meinung, dass auch solche Konnotationen echte Bedeutungselemente, das heisst also Seme oder Noeme darstellen. So ist der zweifellos pejorative Vorstellungsgehalt von "Köter" eine obligatorische Komponente des Inhalts dieses sprachlichen Zeichens und auch nur so entsprechend analysierbar. Vermutlich wird es möglich sein, mit dem Begriff des paradigmatischen Wertes diese Elemente genauer als bisher zu erfassen.

Anmerkungen

1 Fillmore, Ch.J., Verben des Urteils: Eine Übung in semantischer Beschreibung, in: Kiefer, F., Semantik und generative Grammatik, Linguistische Forschungen, Bd. 1/I, 1972

2 Ebenda

3 Vgl. de Saussure, F., Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft, 1967

4 Ebenda, S. 77

5 Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft, Teilband 1 1976, Reihe Sprache und Gesellschaft, Bd. 9, S. 371 f.

6 Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 1, Existenzformen, Funktionen und Geschichte der Sprache, 1975, s. 101

7 Skalicka, V., Der asymmetrische Dualismus sprachlicher Zeichen, 1935, S. 296 f., ders., Zur ungarischen Grammatik, 1935

8 Lamb, S., Outline of the stratificational grammar, 1966

9 Leska, O., Zur Invariantenforschung in der Sprachwissenschaft, in: Travaux Linguistique de Prague, 1, 1964, S. 85 ff.

10 Martinet, A., Synchronische Sprachwissenschaft, 1968

11 a.a.O., S. 116

12. a.a.O., S. 373 f.

13 de Saussure, a.a.O., S. 136 f.

14 Schmidt, W., Lexikalische und aktuelle Bedeutung, 1963, S. 16

15 Vgl. hierzu ausführlich: Bräuer, R., Die Valenztheorie, ihre Geschichte, ihr aktueller Stand und ihre Möglichkeiten, in: WZ der Humboldt-Universität zu Berlin, Ges.-Sprachw.R. XXIII, 1974, S. 267 ff.

16 Vgl. hierzu: Ludwig, K.-D., Zum Verhältnis von Sprache und Wertung, Untersuchungen an einigen Adjektiven, die negative ästhetische und moralische Wertungen fixieren, in: Linguistische Studien, Reihe A, 31, 1976

فى سطور

— فى ١٨ / ١ / ١٩٤٠ ولد المرحوم الدكتور عرفات السيد يوسف فى كرداسة ، إحدى قرى محافظة الجيزة .

— أنهى تعليمه الابتدائى فى مدرسة القرية ، وتعليمه الإعدادى والثانوى فى مدينة الجيزة .

— لحق بمدرسة الألسن العليا عام ١٩٥٧ ، ونال درجة ليسانس الألسن فى اللغة الروسية بتقدير جيد جداً عام ١٩٦١

— عمل بعد تخرجه مترجماً بالتدريب المهنى للقوات المسلحة فى الفترة من ٩ / ١٠ / ١٩٦١ إلى ٢٠ / ١٠ / ١٩٦١ .

— أوفدته وزارة التعليم العالى فى ٢٠ / ١٠ / ١٩٦٢ فى منحة إلى الاتحاد السوفيتى ، وحصل على الدكتوراه فى اللغة الروسية بتقدير ممتاز فى ١٤ / ٦ / ١٩٦٨ .

— عاد إلى الوطن ، وعين مدرساً بمدرسة الألسن فى ٣٠ / ٦ / ١٩٦٩ .

— عين فى وظيفة أستاذ مساعد ، بقسم اللغات السلافية شعبة (اللغة الروسية) ، فى فى ٢٦ / ٤ / ١٩٧٦ .

— شارك فى عدد من المؤتمرات العلميـة ، منها مؤتمر جامعة الصداقة بالاتحـاد السوفيتى عامى ١٩٧٢ و ١٩٧٧

— سافر فى مهمات علمية للاتحاد السوفيتى من سبتمبر ١٩٧٣ إلى سبتمبر ١٩٧٤ ، ثم فى فى أكتوبر ١٩٧٧ .

— نشر بحوثه العلمية فى الاتحاد السوفيتى ، وفى صحيفة الألسن .

— توفى إثر حادث أليم فى موسكو فى ٥ مايو ١٩٧٨ .

— كان رحمة الله دمث الخلق ، مخلصاً لتلاميذه ، يساهم مساهمة فعالة فى الأعمال الاجتماعية والعلمية بالكلية .

رحمـه الله ...

يجملوا فى صدارة هذه البحوث ما كان أعده الدكتور عرفات للنشر ، وأعجله الرحيل عن مقصده .

وتبارك (كلية الألسن) هذا الوفاء ، وتقدم هذه الدراسات فى صحيفة الألسن تقديراً ، وإعزازاً ، وتكريماً ، وإسهاماً فى الدرس والبحث .

ووفــق الله ؟

القاهرة فى ١٥ من ذى القعدة ١٣٩٩
٦ من أكتوبر ١٩٧٩

دكتور عبد السميع محمد احمد
عميد كلية الألسن

بسم الله الرحمن الرحيم

تقديم

بقلم الأستاذ الدكتور عبد السميع محمد أحمد
عميد الكلية

فى إحدى قرى محافظة الجيزة ، على قيد بضع كيلومترات من القاهرة ، ولد ونشأ المرحوم الدكتور عرفات السيد يوسف الصعيدى ، فيها تلقى تعليمه الابتدائى ، شأنه شأن أترابه ممن قدر لهم أن يختلفوا إلى معاهد العلم ، فإذا ما ظهر لهم نبوغ وميل إلى مواصلة الدرس ، استمروا ، كما استمر الدكتور عرفات فى تعليمه الثانوى فى المدارس الثانوية بمدينة الجيزة .

واتفق إبان فراغه من مرحلة التعليم الثانوى ، أن أباحت « مدرسة الألسن العليا » ربيبة المغفور له الشيخ رفاعة الطهطاوى ، لراغبى التعمق فى الدراسات اللغوية أن ينتظموا فى صفوف أبنائها ليواصلوا أداء رسالة رائدهم الأول ، فتقدم إليها الدكتور عرفات ، ونال درجة ليسانس الألسن فى اللغة الروسية عام ١٩٦١ .

ولم يقف به نبوغه وطموحه ، فسافر إلى الاتحاد السوفيتى فى منحة من الدولة ، ونال درجة الدكتوراه ، ثم عاد إلى معهده الذى أوفده ، ليكون إحدى اللبنات القوية فى كيان هيئة التدريس به .

ليس هذا مجرد عرض لفترة من حياة أحد أبناء الألسن ، ولكنه تأكيد لإصرار أبناء الألسن الذين ينتظمون صفوفها أن فى وسعهم ، متى أتيح لهم ، أن يتفوقوا ، وأن يجودوا ، وأن يكونوا القدوة والمثل ، وأن يشاركوا علماء الأرض البحث ، وأن يجالسوهم فى ندواتهم العلمية ومؤتمراتهم الثقافية أنى عقدت ، وأن يضيفوا إلى البحث والعلم جديداً .
وكذلك كان الدكتور عرفات ...

وكذلك شأن أبناء الألسن حين أرادوا أن يكرموا الدكتور عرفات بهذه الدراسات البحثية اللغوية فى شتى مناحى البحث ، فى هذا العدد من صحيفة الألسن ، وأن

مجلس تحرير صحيفة الألسن

وافق مجلس الكلية بجلسته الثالثة عشرة فى يوم السبت ١٩٧٥/٤/١٢ على تشكيل مجلس تحرير صحيفة الألسن على الوجه التالى :

١ ـ السيد الأستاذ الدكتور عبد السميع محمد أحمد ـ عميد الكلية (رئيس التحرير المسئول) .

٢ ـ السادة رئيس وأعضاء لجنة الدراسات العليا والبحوث بالكلية (أعضاء)

رقم الايداع
١٩٧٩١/١٨٤٢